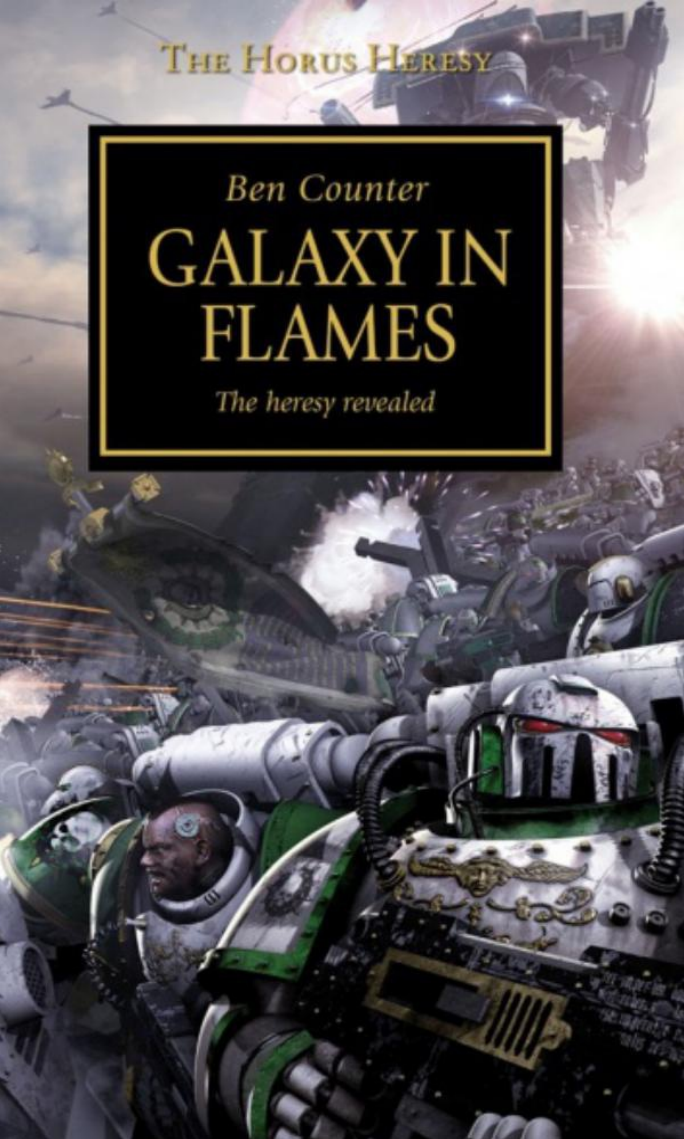

THE HORUS HERESY

Ben Counter

GALAXY IN FLAMES

The heresy revealed

Annotation

Предательство свершилось. Воитель Хорус ступил на путь, который не предполагает возвращения. Он намерен сввергнуть всю Галактику в огонь братоубийственной войны и выковать в этом пламени смертоносный клинок -- верные одному лишь ему Легионы Костодесанта. И первой пробой становится зачистка планеты Устваан III, где суждено погибнуть не только древней цивилизации, но и всем, кто остался верен присяге, долгу и человечности.

- [Бен Каунтер](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [притархи](#)
 - [сыны хоруса](#)
 - [другие](#)
 - [КОСТОДЕСАНТНИКИ](#)
 - [ЛЕГИО МОРТУС](#)
 - [ДЕЯТЕЛИ ИМПЕРИУМА](#)
 - [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
-

Бен Каунтер

Галактика в огне

Действующие лица

Примархи

Воитель Хорус -- командир Легиона
Сынов Хоруса
Анзрон -- примарх Легиона
Пожирателей Миров
Фулгрим -- примарх Легиона Детей
Императора
Мортарион -- примарх Легиона
Гвардии Смерти

СЫНЫ ХОРУСА

Эзекиль Абагдон -- Первый капитан

Тарик Торгагдон -- капитан Второй роты

Цактон Круз, Вполуха -- капитан

Третьей роты

Хорус Аксиманг, Маленький Хорус -- капитан Пятой роты

Сергар Таргост -- капитан Седьмой роты, мастер ложи

Гарвель Локен -- капитан Десятой роты

Люк Седирэ -- капитан Тринадцатой роты

Тибальт Марр, Другой -- капитан Восемнадцатой роты

Каллус Экагдон -- капитан отделения Катүланских Налетчиков

Фальк Кибре, Головорез -- капитан отделения Юстаэринских терминаторов

Неро Вунус -- сержант, тактическое отделение Локасты

Малогарст, Кривой -- советник Воителя

ДРУГЕ КОСМОДЕСАНТНИКИ

Эреб -- Первый капеллан Несущих
Слово

Кхарн -- капитан Восьмой штурмовой
роты Пожирателей Миров

Натаниэль Гарро -- капитан Гвардии
Смерти

Люций -- мастер меча, десантник
Легиона Детей Императора

Саул Тарвиц -- Первый капитан
Легиона Детей Императора

Эйголон -- лорд-командир Легиона
Детей Императора

Фабий -- аптекарь Легиона Детей
Императора

ЛЕГИО МОРТУС

Принцес Эсау Түрнет -- командир
«Диес ире», титана класса «Император»

Модератор Тимүс Кассар -- один из
старших офицеров «Диес ире»

Модератор Уона Арүкен -- еще один
старший офицер «Диес ире»

ДЕЯТЕЛИ ИМНЕПУУМА

Резүл -- агент механикум

Унз Мае Синз -- астронам

Кирилл Зингерманн -- главный

интератор

Мерсади Олитон -- официальный

летописец, документалист

Эүфратия Киилер -- официальный

летописец, фотограф

Нитер Эгон Момүс -- архитектор

Маггарг -- наемный убийца

Малогарста

Часть первая

ДЛИННЫЕ НОЖИ

Глава 1

ИМПЕРАТОР ЗАЩИТУ ДОЛГАЯ НОЧЬ МУЗЫКА СФЕР

-- Я был там, -- сказал Тимус Кассар, и его слабый, грожащий голос был едва слышен в дальних уголках зала. -- Я был там, когда Хорус отвернулся от Императора.

Его слова исторгли общий вздох ужаса у собравшихся последователей учения Божественного Откровения, и все, как один, склонили головы, согнувшись под тяжестью жестокой истины. В дальнем ряду зала -- пустующего склада на одной из нижних палуб флагмана Воителя, «Духа мщения», -- Кирилл Зингерманн поторщился при этих словах Кассара. Парня никогда бы не взяли в императоры, но в его словах звучит непоколебимая уверенность человека, не сомневающегося в своей правоте.

Этой уверенности Зингерманн

завидовал.

Сам он уже много месяцев не чувствовал ничего похожего.

Будучи главным итератором Шестьдесят третьей экспедиции, Кирилл Зингерманн должен был пропагандировать Имперские Истины Великого Крестового Похода, убеждая приведенные к Согласию тирь в преимущества имперского правления и величии Империи. Это была благородная миссия — нести в самые отдаленные уголки непрерывно разраставшегося Империи Человечества свет разума и знания.

Но в какой-то момент все изменилось.

Зингерманн не понимал, когда это все началось. На Ксенобии? На Давине? На Аурее? Или на какой-то другой из множества планет, приведенных к Согласию? Когда-то Кирилл был известен как непреклонный проповедник светских идей, но времена изменились, и Кирилл все чаще вспоминал Сахлониута, суматуранского философа, который задавался вопросом: почему свет новой науки не проникает так далеко, как

поверья старых колдунгов? Монотонная проповедь Тимуса Кассара снова завладела вниманием Зингерманна. Высокий и угловатый, Тимус носил форму модератора, одного из старших офицеров «Диес ире», титана класса «Император». Зингерманн подозревал, что своим положением в рядах последователей Божественного Откровения Кассар был обязан высокому званию и дружбе с Эфратией Киулер. Новый статус оказался ему явно не по зубам.

Эфратия Киулер — фотограф, проповедник...

Святая.

Он вспомнил о своей первой встрече с Эфратией, отважной и очень самоуверенной женщиной, на посадочной палубе перед спуском на поверхность. Шестьдесят Три Девятнадцать. Тогда они оба и представить себе не могли, какой ужас ожидает их в Шепчущих Вершинах.

Вместе с капитаном Локеном они столкнулись с порождением варпа, чудовищем, завладевшим телом Ксавье

Джубала. Позже Зингерманн попытался осознать произошедшее и с головой зарылся в книги в поисках ответа, надеясь выяснить природу жуткого явления. У Эфратии такого убежища не было, и она обратилась за утешением к религии — набирающему силу Божественному Откровению.

Кульм, провозгласивший Императора живым богом, из разрозненных ячеек быстро превращался в мощное движение, которое, к ярости Воителя, распространилось по всем экспедициям Великого Похода. И если прежде Божественное Откровение испытывало недостаток, так сказать, в материальных говорах, то в лице Эфратии Киулер была найдена первая мученица и святая.

Зингерманн хорошо помнил день, когда своими глазами увидел Эфратию, не отступившую перед кошмарным чудовищем, вырвавшимся из врат Эмпиреев, и, более того, заставившую его обратиться обратно. Он видел и смертоносное пламя, охватившее Эфратию, и ослепительный луч, бьющий

из серебряного талисмана в форме имперского орла. Не он один стал свидетелем чуда: его вигела Унг Мае Синг, главный астронав флотилии, и еще дюжина солдат. Слухи быстро распространились по кораблю, и за одну ночь Эфратия в глазах верующих стала святой, иконой, к которой можно было прикоснуться в этом отдаленном уголке Вселенной.

Кирилл и сам не понимал, зачем, рискуя быть узнанным, пришел на это собрание, вернее, на службу, религиозную церемонию. Деятельность Божественного Откровения была запрещена, и, если бы о поступке Зиндертманна узнал кто-то из посторонних, его карьере императора пришел бы конец.

— А теперь давайте задумаемся над словом Императора, — продолжал Кассар, заглядывая в небольшой толик в кожаном переплете.

Книга напомнила Зиндертманну блокноты марки «Бондстан № 7», столь ценимые Угнацием Каркази, погибшим поэтом, автором скандальных стихов. Тех

сальных, которые, как подозревала Мерсади
Олитон, и привели поэта к гибели.

По мнению Зингерманна, учение
Божественного Откровения едва ли было
менее опасным.

-- Сегодня среди нас есть
новообращенные, -- объявил Кассар, и
Зингерманн ощутил направленные на него
взгляды собравшихся. Несмотря на то, что
император привык считать своей
аудиторией народы целых континентов, на
этот раз внимание людей его несколько
стукнуло. -- Вполне естественно, что
люди, впервые ощутившие потребность
поклониться Императору, задают
вопросы, -- продолжал Кассар. -- Они
понимают, что Император должен быть
богом, поскольку обладает божественным
могуществом, намного превосходящим
способности любого из людей, но за
пределами этого понятия они блуждают
во тьме.

По крайней мере, с этим Зингерманн
не мог не согласиться.

-- Вот один из наиболее часто
задаваемых вопросов: «Если Император

действительно является богом, то как Он проявляет свою божественную силу? Мы не увидим, чтобы Его рука простиралась с небес, и лишь немногие из нас удостоились чести лицезреть Его лик. Неужели Он не заботится о своих подданных?». Эти люди не в силах осознать неверность такой постановки вопроса. Длань Императора прикасается к каждому из нас, и все мы должны возносить Ему молитвы. В глубинах варна несокрушимый дух Императора ведет борьбу с темными силами, которые грозят вырваться и поглотить всех нас. На Терре Он творит чудеса, способные нести мир и просвещение всей Галактике, способные воплотить все наши мечты. Император ведет нас, учит нас, но более всего -- Император нас защищает.

-- Император защищает! -- произнес дружный хор голосов.

-- Дорога Божественного Откровения, вера в Божественное Слово Императора -- нелегкий путь. Имперские Истины неутоlimо отторгают невидимое и неведомое, но Божественное Откровение

требует силы воли, чтобы верить в то, чего мы не в состоянии увидеть. Чем больше мы смотрим во тьму Галактики и живем лишь при свете пламени ее завоевания, тем яснее понимаем, что лишь божественность Императора есть единственно верная истина. Мы не ищем Божественного Слова, мы просто слышим его и должны ему следовать. Вера -- это не верность знамени, не теория, подлежащая обсуждению, это нечто в глубине наших душ, нечто сложное и неизменное. Божественное Откровение есть выражение этой веры, и, лишь познав Божественное Слово, мы сможем понять путь, предопределенный человечеству Императором.

«Прекрасные слова, -- подумал Зиндертманн. -- Прекрасные слова, идущие от самого сердца».

Он видел, что незамысловатая проповедь глубоко проникла в души всех собравшихся. Опытный оратор, обладай он такой же верой, с этими словами мог бы покорить целые миры.

Кассар не успел больше ничего

сказать, так как из лабиринта коридоров, ведущих к заброшенному складу, слышались выстрелы. Проповедник обернулся и увидел, как с грохотом распахнулась железная дверь и в помещение ворвалась женщина, в глазах которой была паника.

Собрание ошеломленно затерло, взгляды присутствующих обратились на Кассара, словно тот мог объяснить происходящее. Но проповедник находился в таком же замешательстве, что и остальные.

— Они обнаружили вас! — воскликнул Зиндертманн, осознав, что происходит.

— Уходите быстрее! — закричал Кассар. — Разбегайтесь по разным коридорам!

Зиндертманн спешно стал пробираться сквозь перепуганную толпу к тому месту, где стоял Кассар. В руках некоторых верующих появились винтовки, и Зиндертманн узнал солдат Улперской партии. Остальные были членами корабельной команды, и итератор, хорошо изучивший религиозные течения, понимал,

что люди в случае необходимости будут
отчаянно защищать свою веру.

— Поидемте, пора выбираться
отсюда, — сказал Кассар и потащил
пожилого императора к одному из запасных
выходов. — Не тревожьтесь, Кирилл, —
добавил он, заметив беспокойство на лице
своего спутника, — Император нас
защитит.

Болты ударили в потолок, и яркие
вспышки осветили стены. Бросив взгляд
через плечо, Зингерманн заметил у входа
массивную фигуру воина Астартес. При
одной мысли о том, что их врагами могли
оказаться эти непревзойденные солдаты,
сердце Зингерманна дрогнуло.

Он торопливо устремился вслед за
Кассаром в извилистый боковой коридор,
ведущий через несколько бронированных
дверей к недрам огромного корабля. «Дух
помещения» был колоссальным сооружением, и
Зингерманн до недавних пор понятия не
имел о существовании этих помещений с
голыми трапными стенами, столь сильно
отличавшими их от величия верхних
палуб.

— Ты знаешь, куда идти? — хрипло спросил он Кассара.

Дыхание пожилого итератора вырывалось из груди частыми короткими толчками, а ноги уже грожали от непривычной нагрузки.

— В машинное отделение, — бросил Кассар. — Здесь целый лабиринт всяких складов, подсобок и переходов, и в команде машинистов у нас есть грузья. Проклятые, ну почему они не хотят просто оставить нас в покое?

— Потому что они вас боятся, — ответил Зингерманн. — Как и я боялся совсем недавно.

— Вы уверены в этом? — спросил Хорус, притарх Легиона Сынов Хоруса и Воитель Империи.

Его голос эхом раскатился по обширному залу стратегической палубы «Духа тщениа».

— Настолько, насколько это возможно, — ответила Инг Мае Синг, главный астронавт Шестьдесят третьей экспедиции.

Ее лицо казалось изможденным и

осунувшимся, и невидящие глаза глубоко
утонулись в запавших глазницах.
Необходимость посылать сотни
телепатических сообщений через всю
Галактику отнимала у нее невообразимое
количество сил. Помощники астронавта, в
таких же развевающихся белых балахонах,
собрались вокруг своего лидера и беззвучно
шевелили губами, словно повествуя об
ужасных образах, заполнявших их головы.

— Сколько у нас осталось времени? —
спросил Хорус.

— Об этом трудно судить точно, как
и обо всем, что связано с Варпом, —
ответила Унг Мае Синг.

— Госпожа Синг, — холодно произнес
Хорус, — точность — это все, что мне от
вас требуется, и теперь больше, чем когда
бы то ни было. Направление Великого
Крестового Похода после таких известий
должно резко измениться, и в случае вашей
ошибки оно изменится в худшую сторону.

— Мой господин, я не могу дать вам
точного ответа, но уверена, что уже через
несколько дней варповые штормы скроют
от нас звезды, — сказала Унг Мае Синг.

игнорируя скрытую в словах Воителя угрозу.

Она не могла видеть его лица, но ощущала враждебное присутствие юстаэринцев-терминаторов Первой роты. Сынов Хоруса, скрывавшихся в тени стратегической палубы.

— Спустя несколько дней мы едва ли увидим звезды, — повторила Инг Мае Синг. — Наши мысли и сейчас едва пробиваются сквозь бездну, а навигаторы утверждают, что уже сейчас с трудом прокладывают курс флотилии. Скоро Галактика скроется во тьме костической ночи.

Хорус в гневе сжал кулаки:

— Вы понимаете, что вы говорите? Это величайшая угроза для всего Великого Похода.

— Я просто излагаю то, что вижу, Воитель.

— Если вы ошиблись...

Угроза не была пустым запугиванием — как и всякая угроза, исходящая от Воителя. Было время, когда гнев Хоруса не выплескивался столь откровенно, но

ярость, звеневшая в его голосе, доказывала, что те времена давно прошли.

— Если мы ошибается, мы готовы ответить.

Так было всегда, и ничего не изменилось.

— А что мои братья-примархи? От них есть новости?

— Мы не смогли установить контакт с достойным Сангвинием, — ответила Ингмае Синг, — и Леман Русс ничего не доложил о своем походе против Тысячи Сынов.

Хорус коротко растеялся и, не скрывая резкого акцента уроженца Хтонии, сказал:

— Это меня не удивляет. У Волка есть голова на плечах, и ничто не может помешать ему преподать урок Магнусу. А что с остальными?

— Вулкан и Дорн возвращаются на Терру. Остальные примархи продолжают свои кампании.

— Ну, хоть здесь все в порядке, — вздохнул Хорус, но тотчас нахмурился. — А что слышно от главного фабрикатора?

— Прошу меня простить, Воитель, но мы не получили ни одной весточки с Марса. Мы попытаемся осуществить контакт механическими средствами, но на это уйдет несколько месяцев.

— Это ваша недоработка, Синг. Связь с Марсом чрезвычайно важна.

В последние недели Инг Мае Синг передавала множество закодированных телепатических посланий с «Духа мщения» к генерал-фабрикатору Келбор-Халу. И хотя их содержание оставалось для нее недоступным, окрашивающие их эмоции были совершенно ясны. Что бы ни планировал Воитель, механикуты играли в его замыслах ключевую роль.

Хорус заговорил снова:

— А остальные примархи, они получили мои приказы?

— Получили, мой господин, — ответила Инг Мае Синг, с трудом скрывая замешательство. — Ответ лорда Жиллимана, примарха Ультратаринов, был простым и ясным. Они уже приблизились к скоплению Калт и готовы к высадке.

-- А Лорзар? -- спросил Хорус.

Унг Мае Синг немного помедлила, словно не в силах сформулировать следующий ответ.

-- Его послание переполнено выражениями... гордости и повиновения, причем очень сильными, почти фанатичными. Он подтверждает получение приказа атаковать и быстро приближается к Калтү.

Унг Мае Синг по праву гордилась своим самообладанием, совершенно необходимым тому, кто должен работать с варпом и постоянно держать под контролем свои эмоции, но даже ей не удалось скрыть свое смущение.

-- Вас что-то беспокоит, госпожа Синг? -- спросил Хорус, словно читая ее мысли.

-- Мой господин?

-- Мне кажется, мои приказы вас тревожат.

-- Это не мое дело -- проявлять беспокойство или иные чувства, мой господин, -- безучастно ответила Унг Мае Синг.

-- Правильно, -- согласился Хорус. --
Это не ваше дело, и все же мне кажется,
что вы сомневаетесь в правильности моих
действий.

-- Нет! -- воскликнула астронавт. -- Но я
не могу не ощущать тяжести
передаваемых сообщений, не могу не
чувствовать груза крови и смерти,
заключенного в каждом послании.
Передавая их, я словно дышу дымом
пожарищ.

-- Вы должны доверять мне, госпожа
Синг, -- сказал Хорус. -- Вы должны верить,
что все мои шаги предприняты ради блага
Империума. Понимаете?

-- Понимание тоже не относится к
моим обязанностям, -- прошептала Инг
Мае Синг. -- Мой долг в Великом
Крестовом Походе состоит в выполнении
воли Воителя.

-- Это правильно, но, прежде чем я вас
отпущу, вы должны мне кое-что
рассказать.

-- Да, мой господин?

-- Расскажите мне об Эуфратии
Киулер, -- приказал Хорус. -- Расскажите о

той, кого называют святой.

У Мерсаги Олитон до сих пор захватывало дух при виде капитана Локена. Воины Астартес являли собой весьма внушительное зрелище, когда маршировали в своих отполированных доспехах, но это не шло ни в какое сравнение с видом костодезантника -- особенно Локена -- без брони.

Обнаженный по пояс, одетый только в светлые армейские брюки и тяжелые ботинки, он был покрыт испариной, и все его внимание было сосредоточено на тренировочном сервиторе. И хотя лишь немногим летописцам довелось лично наблюдать за сражающимися Астартес, сложилось стойкое убеждение, что эти воины способны убивать голыми руками с не меньшей эффективностью, чем при помощи болтеров или цепных мечей. Глядя, как Локен отрывает у сервитора одну конечность за другой, Мерсаги легко в это верила. В могучем теле капитана жила такая неистощимая сила, а пронизательные серые глаза смотрели так сосредоточенно, что женщины

оставалось лишь удивляться тому, что ее все еще удивляет столь совершенное мастерство. Космогесантник представлял собой живую машину, созданную для войны. Словно замороженная, Мерсади не отрывала от него взгляда, время от времени моргая, чтобы запечатлеть в ячейках памяти героический облик капитана.

Рядом с Мерсади на скамью сел Кирилл Зингерманн и наклонился к ее уху.

— Разве у вас еще недостаточно снимков Локена? — спросил он.

Локен среагировал на появление интератора и оглянулся на них. Мерсади ощутила дрожь предчувствия. После окончания войны с аурейской технократией прошло слишком много времени, но с капитаном Десятой роты она могла провести лишь несколько часов. Как его приближенный летописец, она понимала, что получила ничтожно малое количество информации о той кампании, но в последние месяцы Локен заткнулся в себе.

— Кирилл, Мерсади, — приветствовал

их капитан, выходя из тренировочной катеры. -- Рад видеть вас обоих, -- добавил он, направляясь к своей оружейной.

-- Я рад, что пришел сюда, Гарвель, -- откликнулся Зиндерманн.

Главный итератор и так был уже немолод, но Мерсади видела, как сильно он постарел после того дня, когда чуть не погиб в пожаре Архива на борту «Духа мщения».

-- Очень рад, -- повторил Зиндерманн. -- Мерсади была настолько добра, что пригласила и меня. В последнее время я слишком напряженно работал и теперь уже не так проворен, как когда-то. Время движется на крылатой колеснице.

-- Цитата? -- спросил Локен.

-- Маленький отрывок, -- ответил Зиндерманн.

-- Вы оба не слишком баловали меня своим обществом в последние дни, -- заметил Локен, улыбнувшись Мерсади. -- Нашли для себя более интересный объект?

-- Нет, ни в коем случае! -- воскликнула она. -- Но нам становится все труднее и труднее передвигаться по

кораблю. Из-за указа Малогарста, ты, наверное, слышал о нем.

— Слышал, — согласился Локен. Он взял в руки деталь доспеха и открыл баночку с неизменным порошком для полировки. — Но я не вникал в подробности.

Запах полироли напомнил Мерсаги о более счастливых временах, когда она сидела в этой комнате и записывала рассказы о великих триумфах и удивительных мирах, но она постаралась прогнать ностальгические мысли.

— Нам предписано находиться только в своих комнатах или в Убежище. Для того чтобы посещать другие места, требуется разрешение.

— И кто должен выдавать разрешения? — поинтересовался Локен.

— Не могу сказать точно, — пожалала плечами Мерсаги. — В указе говорится о необходимости направлять заявки в канцелярию Совета Лунеркала, но, что бы это ни означало, никто не смог добиться никакого ответа.

— Это, должно быть, неприятно, — произнес Локен, и от такого обыденного

замечания Мерсаги ощутила приступ
гнева.

— Конечно, неприятно! Мы не в силах
описывать Великий Крестовый Поход,
если не будем встречаться с его
участниками. Мы едва можем на них
взглянуть, и то лишь иногда, не говоря уже
о том, чтобы поговорить.

— У тебя есть возможность сделать
это здесь, — сказал Локен.

— Да, безусловно. В вашем обществе я
отлично научилась сидеть тихо и не
привлекать к себе внимания, капитан
Локен. Хорошо хоть, теперь вы
тренируетесь в одиночестве.

Мерсаги уловила боль в глазах
Локена и тотчас пожалела о своих словах.
Раньше она почти всегда заставляла его в
компании других офицеров —
самоговольного Седирэ, чьи жесткие
безжизненные глаза напугивали взгляд
океанского хищника, Неро Вунуса или
собрата по Морнивалю — Тарика
Торгаддона. Но сейчас Локен один сражался
с сервитором. Вышло это намеренно или
случайно, Мерсаги не знала.

— Как бы то ни было, — продолжала она, — для нас все стало намного хуже. Никто не желает с нами разговаривать. У нас больше не знаем, что происходит.

— Мы на пороге новой войны, — сказал Локен и, отложив доспехи, прямо посмотрел ей в лицо. — Флотилия направляется к месту встречи, где мы объединимся с другими Легионами Астартес. Предстоит очень сложная кампания, и, возможно, Воитель просто перестраховывается.

— Нет, Гарвель, — возразил Зиндерманн. — Все совсем не так, и я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не видеть, что ты и сам в это не веришь.

— Вот как? — сердито бросил Локен. — Вы считаете, что так хорошо меня изучили?

— Достаточно хорошо, Гарвель, — кивнул Зиндерманн. — Достаточно хорошо. Они давят на нас. Давят все сильнее. Не каждому дано это заметить, но так оно и есть. И ты сам это понимаешь.

— Разве?

— Игнаций Каркази, — напонила ему

Мерсади.

Локен поторщился и отвел взгляд, не в силах скрыть огорчения, вызванного воспоминанием о смерти Каркази, мятежного поэта, которому он покровительствовал. Изгнаний Каркази доставлял ему немало неприятностей и раздражал своей несдержанностью, но он был единственным человеком, который остеливался говорить и писать столь необходимую правду.

— Говорят, что он покончил жизнь самоубийством, — заговорил Зингерманн, не желая, чтобы сожаления Локена отвлекли его от поднятой темы. — Но я не знал другого такого человека, который был бы настолько убежден, что Вселенная должна услышать его стихи. Он пришел в ярость после кровопролития на посадочной палубе и написал об этом. Он приходил в ярость по поводу многих других вещей и не боялся рассказывать о них. Теперь он мертв, и не только он один.

— Не только он? — воскликнул Локен. — А кто еще?

— Петронелла Вивар, эта несносная

аристократка-летописец. Говорили, что она стала Воителю ближе, чем кто-либо другой, и вот она пропала, и я не думаю, чтобы она вернулась на Терру.

— Я помню ее, но вы вступили на скользкий путь, Кирилл. Надо быть очень уверенным, чтобы выдвигать подобные обвинения.

Зингерманн не дрогнул под взглядом Локена.

— Я уверен в том, что все, нарушившие волю Воителя, умирают не своей смертью, — сказал он.

Император казался очень маленьким и хрупким рядом с капитаном, но Мерсади не могла не испытывать гордости, видя, как твердо он противостоит воину Астартес в споре и говорит неприятные для того вещи.

Зингерманн помолчал, предоставляя Локену время, чтобы отвести обвинения и напомнить о том, что сам Император избрал Хоруса Воителем, поскольку лишь ему мог доверить распространение Имперских Истин. Напомнить о том, что любой из Сынов Хоруса сотни раз был

обязан Боителю своей жизнью.

Но Локен ничего не сказал, и у Мерсади заняло сердце.

— Обо всем этом я читал столько раз, что сосчитать трудно, — продолжил Зингерманн. — Например, в «Хрониках Уранана». Все тираны начинали с устранения тех, кто поднимал голос против. Верховные Лорды Ингонеэтика в Темные Века поступали точно так же. Можешь мне поверить, Век Раздора наступил в тот момент, когда утолкли голоса всех сомневающихся, а теперь то же самое происходит и с нами.

— Кирилл, я всегда ценил в вас сдержанность ученого, — сказал Локен. — Вы взвешивали все аргументы и никогда не пренебрегали или ради собственных домыслов. Скоро начнется война, у нас и так слишком много врагов, чтобы искать еще новых противников. Это занятие может оказаться очень опасным, и, скорее всего, результат поисков вам не понравится. Я не хочу, чтобы кто-то из вас двоих навредил сам себе.

— Ха! Теперь ты учишь меня.

Гарви, -- вздохнул Зингерманн. -- Как все изменилось. Теперь ты не просто воин, не так ли?

-- Но и вы уже не просто император?

-- Да, я думаю, ты прав, -- кивнул

Зингерманн. -- Император должен пропагандировать Имперские Истины, верно? Он не должен их критиковать или распространять слухи. Но Каркази мертв, и произошло... кое-что еще.

-- Что именно? -- спросил Локен. -- Ты говоришь о Киилер?

-- Возможно, -- ответил Зингерманн, качая головой. -- Я не уверен, но, кажется, она тоже имеет отношение к этой проблеме.

-- К какой проблеме?

-- Ты слышал, что произошло в третьем зале Архива?

-- С Эуфратией? Да, там вспыхнул огонь, и она сильно пострадала. Теперь она лежит в коме.

-- Я тоже там был, -- сказал Зингерманн.

-- Кирилл! -- предостерегающе воскликнула Мерсади.

– Прощу тебя, Мерсади, – обернулся к ней Зиндерманн. – Я знаю, что я видел.

– И что же вы видели?

– Ложь, – ответил Зиндерманн. –

Ложь стала реальностью: явилось какое-то чудовище из тех, что порождает варп. Вместе с Эуфратией мы каким-то образом вызвали его через врата Эмпиреев при помощи «Книги Лоргара». Это была моя ужасная ошибка. Это было... колдовство, то самое колдовство, существование которого я так рьяно отрицал долгие годы. Я считал колдовство обманом, но чудовище появилось в архиве и стояло там точно так же, как я сейчас стою перед вами. Оно бы непременно убило нас, но Эуфратия встала у него на пути и осталась живой.

– Как? – спросил Локен.

– А вот этому у меня нет рационального объяснения, Гарвель, – пожмая плечи, произнес Зиндерманн.

– Хорошо, а как, по-вашему, это случилось?

Зиндерманн обернулся к Мерсади, и она взглядом утешала его больше ничего не

рассказывать, но старый итератор продолжил:

-- Вам удалось уничтожить несчастного Джубала только при помощи болтеров, но Эуфратия не имела оружия. У нее была только ее вера, вера в Императора. Я... я думаю, что только свет Императора заставил ужасного монстра убраться обратно в Варн.

Слушая, как Кирилл Зингерманн рассуждает о вере и свете Императора, Мерсади не выдержала.

-- Нет, Кирилл, -- заговорила она, -- этому должно быть какое-то другое объяснение. Даже несчастный случай с Джубалом не выходит за пределы физических возможностей. Ведь сам Воитель говорил Локену, что Джубалом овладел некий ксенос, вышедший из Варна. Я сама слушала ваши лекции, где говорилось, что колдовство и суетверия затуманивают разум и заслоняют от нас реальность. В этом и состоят Имперские Истины. Не могу поверить, что итератор Кирилл Зингерманн больше не верит в Имперские Истины.

— Верить или, моя дорогая? —
Зиндертманн печально улыбнулся и покачал
головой. — Возможно, эта самая вера и
есть наибольший обман. В прошлые века
философы не раз пытались объяснить
механику небес. Один из них высказал
предположение, что Вселенная покоится
на гигантских кристаллических сферах и
управляется огромной машиной, что и
обуславливает движение небесных тел. Его
остеяли, заявив, что подобная машина,
если бы она существовала, была бы
слишком большой и шумной, и каждый мог
бы услышать ее работу. На что философ
ответил, что все мы родились в этом
шуме и так привыкли к нему, что не в
состоянии услышать.

Мерсади присела рядом с
Зиндертманном и обняла его за плечи,
заметив с удивлением, что старик
дрожит всем телом, а глаза его полны
слез.

— Я начинаю слышать ее, Гарвель, —
дрожащим голосом произнес итератор. — Я
начинаю слышать музыку сфер.

Мерсади перехватила взгляд Локена.

обращенный на Зингерманна, и увидела в нем работу разума и честность, поглеченные итератором. Воинов Астартес всегда учили, что суеверие несет гибель Империи и лишь Имперские Истины достойны того, чтобы отстаивать их в боях.

И вот теперь, у нее на глазах, все менялось.

-- Варварус был убит намеренно, -- после недолгой паузы произнес Локен. -- Убит из нашего болтера.

-- Тектор Варварус? Командир Имперской армии? -- переспросила Мерсади. -- Я думала, он погиб от рук саурейских воинов.

-- Нет, -- сказал Локен. -- Его убил кто-то из наших.

-- Но почему?

-- Он хотел... Не знаю, наверно, отдать нас под трибунал... за гибель людей на посадочной палубе. Малогарст с ним не соглашался, Варварус настаивал... И вот теперь он мертв.

-- Значит, это правда, -- вздохнул Зингерманн. -- Несогласных заставляют

утолкнуть.

— И все же кое-кто остался, — произнес Локен, и в его голосе прозвенела стальная решимость.

— Тогда мы должны что-то делать, Гарвель, — сказал Зингерманн. — Мы должны выяснить, что происходит с Легионом, и остановить зло. Локен, мы должны бороться. У нас есть ты, с нами правда, и нет причин, почему бы мы не...

Грохот распахнутой двери тренировочного зала и последующий лязг металла по металлу оборвал речь инструктора. На Мерсади упала огромная тень. Обернувшись, она увидела позади сутулую фигуру Малогарста, одетого в светлую тунiku, отделанную шнуром цвета морской волны. За Малогарстом, советником Воителя, закрепилось прозвище Кривой, как из-за ужасных ранений, деформировавших его тело, так и из-за способности решать самые запутанные проблемы.

Лицо Малогарста выражало крайнее недовольство, и, казалось, от всей его фигуры веяло злобой.

— Локен, — заговорил он. — Здесь гражданские лица?

— Кирилл Зингерманн и Мерсади Олитон — официальные летописцы Великого Крестового Похода, и я могу за них поручиться, — ответил Локен, встав лицом к лицу с Малогарстом.

Малогарст был доверенным лицом Воителя, и Мерсади не решалась представить себе, к чему могло привести противодействие подобному человеку.

— Капитан, возможно, ты еще не знаешь об указе Воителя, — сказал Малогарст спокойным тоном, который так не вязался с возникшей между двумя Астартес напряженностью. — Эти клерки и писцы уже доставили нам немало неприятностей, и кому, как не тебе, это знать. Локен, в этом деле не должно быть никаких послаблений и исключений.

Локен продолжал стоять перед Малогарстом. И в какое-то мгновение Мерсади показалось, что он готов ударить советника.

— Мы все исполняем свой долг в проведении Великого Крестового Похода.

Мал, -- сдержанно ответил Локен. -- Без этих мужчин и женщин великая цель не может быть достигнута.

-- Штатские не воюют, капитан, они только жалуются и задают вопросы. Они могут писать все, что им угодно, когда война будет выиграна, могут распространять Имперские Устны среди покоренного нами населения. За исключением этих случаев, они не являются частью Великого Похода.

-- Нет, Малогарст, -- возразил Локен. -- Ты неправ, и сам это знаешь. Император создал примархов и Легионы не для того, чтобы они погрязли в невежестве. И он послал нас покорять Галактику не для того, чтобы установить очередную диктатуру.

-- Император слишком далеко отсюда, -- сказал Малогарст и, повернувшись к дверям,махнул рукой.

В тренировочный зал вошло около дюжины солдат. Мерсади узнала их форму, но заметила, что на ней не было нашивок с именами и номером части. Но лицо одного из солдат было ей знакомо --

равнодушное, с золотистыми глазами, лицо телохранителя Петронеллы Вивар. Мерсади вспомнила, что его звали Маггард, и удивилась тому, насколько он рослый и мускулистый. На его обнаженных предплечьях виднелись недавно зажившие шрамы, а лицо поражало крупными, почти как у Локена, чертами. Он сильно выделялся среди остальных солдат, и присутствие телохранителя сильно уменьшило недоверие Мерсади к дикому предположению о причинах отсутствия Петронеллы Вивар. Аристократка вряд ли вернулась на Терру.

— Отведите императора и летописца в их каюты, — приказал Малогарст. — Поставьте караул и убедитесь, что не осталось никаких лазеек.

Маггард кивнул и шагнул вперед. Мерсади попыталась увернуться, но он оказался проворнее и сильнее. Схватив ее за шею, он толкнул Олитон к дверям. Зиндертманн добровольно позволил солдатам себя увести.

Малогарст остался стоять между Локеном и дверью. Если бы Гарвель хотел

остановить Маггарга и его солдат, ему пришлось бы сначала убрать со своего пути советника Воителя.

— Капитан Локен, — окликнул его Зингерманн. — Если хотите узнать больше, перечитайте еще раз «Хроники Урша». Вы отыщете там все необходимые разъяснения.

Мерсаги попыталась оглянуться. Из-за спины Малогарста она сумела поймать взгляд Локена, и капитан показался ей загнанным в угол хищником, готовым к атаке.

Дверь с треском захлопнулась, и Мерсаги перестала сопротивляться Маггаргу, вводящему ее и Зингерманна к их каютам.

Глава 2

СОВЕРШЕНСТВО

ИМПЕРАТОР

ТО, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ

ЛУЧШЕ ДРУГИХ

Совершенство. Мертвые зеленокожие были наилучшим подтверждением совершенства. В великоленном сражении была отвоевана гальная орбитальная станция ДС191; всполохи огня раскрывались, словно веера танцоров, и бегущие вслеп за ними группы солдат уничтожали орков, уцелевших под обстрелом. Отряды Демей Императора захватывали одно помещение за другим, прокладывая путь сквозь толпы ксеносов, наводнивших костическую станцию, и демонстрировали несравненное воинское мастерство, которому притарх Фүлгрим обучил свой Легион. Как только солдаты его роты обезглавили последнего зеленокожего противника, Саул Тарвиц

снял с головы шлем и поторщился от ударившей в нос вони. Ксеносы некоторое время владели станцией, и это не прошло бесследно. На потемневших металлических стойках центра управления пульсировали грибовые наросты, а сам командный пост был завален оружейными ящиками, доспехами и примитивными автоматами. Все это безобразие покрывал прозрачный купол, за которым чернела костическая бездна.

На фоне звездного неба выделялась система Каллиниг -- совокупность имперских миров, подвергшихся нападению зеленокожих. Захват орбитальной станции был первым шагом к освобождению Каллинига, и вскоре Детям Императора вместе с Легионом Железных Рукав предстоит штурмовать вражеские укрепления на Каллиниге IV.

-- Что за вонь?! -- раздался голос за спиной Тарвица. Обернувшись, он увидел капитана Люция, лучшего мастера меча во всем Легионе. Доспехи приятеля были забрызганы черной слизью, а на прекрасном, все еще горящем голубым пламенем мече

шипела кровь. -- Грязные животные, когда их убиваешь, у них не хватает мозгов даже на то, чтобы упасть и умереть.

Когда-то лицо Люция было безупречно гладким, что вполне соответствовало духу Легиона Фүлгритта. Однако после бесчисленных шуточек на тему, что капитан больше похож на младенца, нежели на воина, и под влиянием Серена д'Анжелуса Люций обзавелся несколькими шрамами. Теперь ровные изящные полоски образовали безупречную сетку; но, разумеется, ни один вражеский меч не коснулся лица капитана. Люций был слишком искусным мечником, чтобы позволить кому бы то ни было уродовать себе лицо.

-- Надо отдать им должное, они сильные противники, -- согласился Тарвиц.

-- Какими бы они ни были сильными, биться с ними не доставляет ни малейшего удовольствия, -- заметил Люций. -- Никакого спортивного интереса.

-- Похоже, ты разочарован.

-- Конечно разочарован. А ты нет? -- спросил Люций и, вонзив меч в труп

зеленокожего, вырезал на его спине замысловатый узор. -- Как можно достичь совершенства, если нам почти не встречаются достойные противники?

-- Не стоит недооценивать зеленокожих, -- сказал Тарвиц. -- Эти животные захватили приведенный к согласию мир и вырезали всех солдат, оставленных для его охраны. У них имеются костические корабли и оружие, принцип действия которого нам непонятен, а сражаются они так, словно война для них -- это какая-то религия.

Он перевернул ближайший трүн -- массивного самца с кожей крепкой, словно старая древесная кора. Злые желтые глаза все еще были открыты, а морда с выдающейся вперед челюстью сохранила гримасу ненависти. Лишь комки вывалившихся внутренностей подтверждали, что противник мертв. Тарвиц и сейчас еще ощущал, как дрожал его меч, погруженный в живот зеленокожего, и огроменную силу орка, пытавшегося сбить его с ног.

-- Ты так говоришь, будто нам надо

их понять, прежде чем убивать. Это же просто животные, -- сказал Люций и саркастически растянулся. -- Ты слишком много размышляешь. Это всегда доставляло тебе лишние проблемы, Саул, и только поэтому тебе не удалось достичь таких головокружительных высот, какие ожидают меня. Нет, от убийства надо получать наслаждение.

Тарвиц уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент в центр управления вошел лорд-командир Эйдолон, и Саул оставил свои соображения при себе.

-- Отличная работа, Демей Императора! -- воскликнул Эйдолон.

Благодаря своим заслугам Эйдолон принадлежал к узкому кругу офицеров, приближенных к примарху, верхушке командования Легиона. Однако Тарвиц не слишком уважал своего командира. Высокомерие Эйдолона было не по нутру воину Демей Императора, и их взаимная антипатия только усилилась на полях Убийцы во время войны против мегарахнидов.

Однако предубеждения Тарвица не

мешали Эйдолону производить впечатление могучего воина, чье величие подчеркивалось великолепными доспехами, так обильно украшенными позолотой, что пурпурный цвет Легиона был едва виден.

— Эти хищники даже не успели понять, кто их уничтожил!

Дети Императора разразились в ответ одобрительными возгласами. Легион одержал очередную классическую победу: жестко, быстро и превосходно.

Зеленокожие с самого начала были обречены на гибель.

— Приготовьтесь! — крикнул Эйдолон. — Встречайте нашего примарха!

Слуги Легиона проворно очистили грузовой отсек орбитальной станции, и все воины, сражавшиеся на Каллинидах, выстроились для встречи своего командира. В ожидании очередной встречи с любимым примархом сердце Сарвица забилось быстрее. Слишком долго Легион сражался вдали от своего предводителя, но теперь сотни Детей Императора — могучая армия в пурпурных с золотом доспехах — выстроились

безупречно ровными шеренгами и замерли
на стойке «смирно».

Но при всем великолении и
могуществе воины Астартес были лишены
бледным подобием того, кто приходился
отцом каждому из них.

Благородное лицо примарха Демей
Императора, словно вырезанное из
алабастра и обрамленное гривой
волнистых белоснежных волос, вызывало
трепет в каждом сердце. Одно его
присутствие вызывало благоговение, и при
виде непревзойденного воина душа Тарвица
наполнилась гордостью. Фүлзрим был
живым воплощением искусства войны и в
каждой битве стремился к совершенству с
той же страстью, с какой портретист
ищет нужный ракурс для превосходного
портрета. Огин наплечник его золотых
доспехов был сделан в форме орлиного
крыла — символа Легиона, предмета
непреходящей гордости всех Демей
Императора.

Орел являлся личной эмблемой
Императора, и только этот Легион
удостоился чести носить такой же знак.

что позволяло воинам Фүлгрима считать себя элитой среди Астартес. Сегодня на поясе Фүлгрима покачивался меч с золотым эфесом, по слухам, подаренный самим Воителем в знак братской дружбы.

Но обе стороны от примарха встали его приближенные офицеры: лорд-командир Эйдолон, апотекарий Фабий, капеллан Чартосиан и заключенный в массивный корпус гредноута Древний Риланор. Но даже облик этих героев Легиона бледнел рядом с великаном Фүлгримом, покорявшим сердца своим обаянием.

Перед выходом примарха на палубе веером развернулся строй герольдов, избранных из резервного отряда молодежи. Этим воинам еще только предстояло стать Астартес, а сегодня торжествующие голоса их золотых труб возвестили о прибытии превосходнейшего воина Галактики. В ответ над рядами воинов, приветствующих возвращение командира в Легион, пронесся оглушительный шквал аплодисментов.

Фүлгрим благодушно дождался, пока стихнут рукоплескания. Больше всего на

свете Тарвицу хотелось быть на месте этой сверкающей золотом фигуры, хотя он и сознавал, что навсегда останется не более чем рядовым офицером. Само присутствие Фүлгрима наполняло его уверенностью, что он способен достичь большего, если только представится подходящий случай. Его гордость за свой доблестный Легион усилилась, когда взгляд Фүлгрима охватил всех собравшихся, и темные, сверкающие глаза притархали приветствовали и узнавали каждого воина.

— Братья мои, — раздался мелодичный и звенящий голос Фүлгрима, — сегодня вы показали этим проклятым зеленокожим, что значит противостоять Детям Императора!

В грузовом отсеке снова поднялась буря аплодисментов, но Фүлгрим продолжал говорить, и его голос легко перекрывал ликование воинов:

— Командир Эйдолон превратил вас в оружие, против которого не могли устоять зеленокожие. Совершенство, сила, решительность — эти качества являются определяющими чертами нашего Легиона.

и сегодня вы продемонстрировали их в
полной мере. Орбитальная станция снова
находится под властью Императора, как и
многие другие объекты, захваченные
зеленокожими в тщетной надежде
замедлить наше продвижение. Пришло
время довести до конца нашу борьбу
против зеленокожих и освободить от них
всю систему Каллиниг. Вместе с моим
братом, примархом Феррусом Манусом, и
его Легионом Железных Рук мы
проследим, чтобы на территориях
Великого Крестового Похода не осталось
ни единого чужака.

Легион напряженно замер, ожидая
оглашения приказа идти в бой во главе с
обожаемым примархом.

-- Но многих из вас здесь уже не
будет, -- сказал Фүлгрим.

Глубокое разочарование острой болью
пронзило сердце Тарвица. Легион
направлялся в систему Каллиниг в полной
уверенности, что все его силы будут
брошены на решительную борьбу с
ксеносами.

-- Легион будет разделен, -- продолжал

Фүлгрим, мановением руки отменяя вздохи разочарования. -- С небольшой частью воинов я присоединюсь к силам Ферруса Мануса и его Железным Рукам в атаке на Каллиниг IV. Основная же часть Легиона отправится на соединение с Шестьдесят третьей экспедицией Воителя к системе Устваан.

На это итеются приказы Воителя и вашего примарха. Лорд-командир Эйдолон возглавит Легион в системе Устваан и будет действовать от моего имени до тех пор, пока я снова не встречу с вами.

Тарвиц посмотрел на Люция, но не смог определить, что думает мастер мечей о новых приказах. В его собственной душе вспыхнули противоречивые чувства: боль потери от скорой разлуки с примархом и радостное предвкушение сражений бок о бок с Сынами Хоруса.

-- Прошу вас, лорд-командир, -- произнес Фүлгрим и жестом пригласил Эйдолона выйти вперед.

Эйдолон кивком поблагодарил примарха.

-- Воитель снова попросил наш Легион

показать ему помощь в бою. Он ценит наши достоинства, и мы в очередной раз имеем возможность продемонстрировать свое превосходное умение сражаться. Нам предстоит подавить мятеж в системе Устван, но нам не придется сражаться в одиночестве. Кроме сил нашего Легиона, Воитель счел необходимым призвать Гвардию Смерти и Пожирателей Миров.

При упоминании Легионов, прославившихся своей жестокостью, в рядах Астартес поднялся негромкий ропот.

Эйдолон устехнулся:

— Я вижу, что многие из вас еще не забыли, что значит сражаться рядом со своими братьями Астартес. Мы знаем, какой грубой и безыскусной становится война, если ее ведут подобные воины, так что я лишь повторяю, что это превосходный шанс показать Воителю, как действуют избранные воины Императора.

Собрание снова оживилось. Тарвиц прекрасно понимал, что Дети Императора не упустят возможности показать другим Астартес свое боевое

искусство. Фүлзрим возвел гордость в ранг добродетели, и это заставляло каждого воина Легиона стремиться к недостижимым для других вершинам превосходства.

Тарик Торгаддон при встрече на поверхности Убийцы назвал это чувство высокомерием, и тогда Тарвиц пытался разубедить своего друга, но теперь, слыша вокруг хвастливые выкрики Демей Императора, он уже не чувствовал уверенности в своей правоте.

— Воитель приказал нам прибыть к месту встречи немедленно! — возвысил голос Эйдолон, чтобы перекрыть оживленные восклицания. — Система Устваан расположена не слишком далеко, но условия путешествия в варпе усложнились, так что мы должны торопиться. Ударный крейсер «Андрониус» должен отправиться к Устваану уже через четыре часа. По прибытии мы будем представлять свой Легион, а по окончании кампании Воитель не сможет не признать, что был свидетелем великопленной войны.

Эйдолон отсалютовал Фүлгриму, и примарх покинул грузовой отсек под оглушительные аплодисменты.

Услышанные известия ошеломили Тарвица. Столь значительные силы Астартес редко собирались вместе, и ему стало понятно, что враг, поджигавший в системе Устваан, был очень могущественным. Даже радостное предвзвешивание возможности продемонстрировать свои способности самому Воителю разбилось о внезапно возникшую тревогу.

— Четыре Легиона? — воскликнул Люций, словно прочитав мысли Тарвица. — Для одной системы? Это абсурд!

Астартес уже начали готовиться к переходу через варп к месту дислокации Шестьдесят третьей.

— Осторожней, Люций, от твоих слов веет высокомерием, — предостерег его Тарвиц. — Неужели ты ставишь под сомнение решения Воителя?

— Нет, я в них не сомневаюсь, — упрямо заявил Люций. — Но ты-то сам разве будешь отрицать, что это все равно что

колоть орехи кувалдой?

-- Возможно, -- признался Тарвиц. --
Однако если система Устваан восстала,
значит, когда-то она была приведена к
Согласию.

-- К чему это ты?

-- К тому, Люций, что Великий
Крестовый Поход должен был постоянно
продвигаться вперед и покорять
Галактику во имя Императора. А вместо
этого приходится возвращаться и латать
прорехи. Я могу только предполагать, что
Воитель решил устроить грандиозное
сражение с целью показать врагам, к чему
приводит мятеж.

-- Неблагодарные ублюдки, -- бросил
Люций. -- Когда мы покончим с Уствааном,
нам останется только умолять, чтобы мы
приняли их обратно!

-- После того, как там порабощают
четыре Легиона, -- ответил Тарвиц, -- не
думаю, что в системе Устваан останется
много обитателей, которых можно будет
принять обратно.

-- Что с тобой, Саул? -- спросил
Люций, обгоняя своего товарища. --

Неужели ты утратил вкус к битве?

Вкус к битве? Тарвиц никогда не задумывался над этим понятием. Он привык сражаться, доказывая, что он способен на большее, стараясь достичь совершенства в воинском искусстве. Сколько он себя помнил, ему всегда приходилось соперничать с более одаренными и более способными воинами. Он признавал свое положение в Легионе, но осознание своих возможностей -- это первый шаг к тому, чтобы их превзойти.

Наблюдая за уверенной походкой Люция, Тарвиц вспомнил, насколько его приятель-капитан обожает драться. Люций любил войну, не испытывая ни сожалений, ни угрызений совести. Он видел в бою наилучшую возможность самовыражения и бросался в бой, прокладывая кровавый путь в рядах противника своим сверкающим мечом.

-- И все же это беспокоит меня, -- пробормотал Тарвиц.

-- Что именно? -- обернувшись и глядя ему в глаза, спросил Люций.

На лице мастера меча Тарвиц

заметил поспешно замаскированное выражение недовольства. В последнее время он, к своему огорчению, все чаще и чаще замечал это выражение на украшенном шрамами лице приятеля. Тарвиц понимал, что самолюбие Люция и его страстное желание подняться на следующую ступень в Легионе Детей Императора вскоре положат конец их дружбе.

— То, что экспедиция Великого Крестового Похода приходится время от времени возвращаться и восстанавливать порядок. Приведение к Согласию должно быть окончательным и бесповоротным.

— Не беспокойся, — устехнулся Люций. — Как только некоторые из мятежных тилов получат хорошую взбучку, с восстаниями будет покончено и Великий Поход продолжится.

Мятежные тилы... Кто бы мог подумать, что придется услышать эти слова?

Тарвиц ничего не сказал, пытаясь представить огромное количество воинов Астартес, которые были мобилизованы

для участия в операции в системе
Устваан. На орбитальной станции ДС191
сражались несколько сотен, но в Легионе
их было более десяти тысяч, и большая
часть воинов отправится на Устваан III.
Только этого отряда хватило бы на
несколько военных зон. При мысли о битве,
в которой будут участвовать четыре
Легиона, у Тарвица по спине пробежал
холодок.

Что останется от системы, по
которой пройдут четыре Легиона
Астартес? Каким должно быть восстание,
чтобы оправдать применение столь
грандиозных сил?

— Я просто хочу победить, — произнес
Тарвиц, сознавая, что его слова звучат
неискренне даже для него самого.

Люций растаялся, но Тарвиц так и
не понял, было ли это согласием или
настешкой.

Заключение в собственной комнате
оказалось для Зингерманна самой
мучительной пыткой. Без множества
книг, к которым он привык обращаться в
третьем зале Архива, итератор

чувствовал себя в полнейшей растерянности. Его собственная библиотека, весьма обширная по обычным меркам, не могла выдержать никакого сравнения с несметными сокровищами, уничтоженными пожаром.

Сколько же бесценных и незаменяемых фолиантов было уничтожено порождением варна, которое они с Эуфратией вызвали со страниц «Книги Лоргара»?

Потери не поддавались исчислению, и Кирилл Зингерманн с тоской представлял, какими эпитетами наградят его люди будущего. Он уже исписал тысячи страниц отрывками прочитанных текстов, которые только смог вспомнить. Но записи получались слишком разрозненными и неполными. Он понимал, что попытка восстановить все, что было им прочитано, обречена на провал, но не мог отказаться от усилий, как не мог остановить свое сердце.

Его личный долг и смысл всего Великого Похода состоял в накоплении мудрости величайших мыслителей и воинов Галактики. Кто знает, каких

головокружительных высот сложит
достичь Имперium, опираясь на этот
мощный фундамент знаний?

Перо Зингерманна скользило по
бумаге, воспроизводя высказывания
философов древней Элленики и их споры
относительно природы божественности.
Конечно, многие могли бы считать
изложение трудов давно умерших людей
пустой тратой времени, но Зингерманн
понимал: пренебрежительное отношение к
прошлым ошибкам влечет их повторение в
будущем.

В отрывке, который император
воспроизводил в данный момент,
говорилось о непостижимой
таинственности ложных богов, и
Зингерманн понимал, что подобные тайны
встречаются гораздо чаще, чем ему
хотелось бы признать. Все, что он увидел
и прочитал после посещения Шестидесяти
Три Девятнадцать, рассеяло его
скептицизм, и он больше не мог отрицать
реальность событий, происходивших на его
глазах, и не мог не прислушиваться к
истинам, которые проповедовала

Эуфратия.

Боги существуют, и, говоря об Императоре, существуют среди нас...

Он немного потемнел, позволяя мысли утвердиться в его голове и укрыть все его существо теплом, словно уютным одеялом. Облегчение, подаренное этой мыслью, показалось Зиндерманну панацеей от всех бед и тревог, беспокоивших его весь последний год. Он улыбнулся, а перо продолжало неистово бежать по бумаге без всяких усилий с его стороны.

Зиндерманн, осознав, что перо двигается по бумаге по его воле, ошеломленно затер, а затем уставился на лист и прочел появившуюся строчку:

Ты ей нужен.

Страх холодной рукой сжал сердце, но едва возникло ощущение ужаса, как разум наполнился ощущением любви и доверия. Перед мысленным взором возникли неожиданные образы: Воитель в новых, только что изготовленных доспехах черного цвета, и янтарное око сияет на его груди, словно уголек в печи. Но вот с наплечников Воителя протянулись

страшные когти, а латный воротник
разгорелся красным огнем и озарил лицо
призрачным демоническим светом...

-- Нет! -- выдохнул Зингерманн.

Ужасное видение вызвало в нем
неописуемый ужас, но едва оно утвердилось
в мыслях, как картина изменилась, и он
увидел Эufrатию Киулер, лежащую без
сознания на койке в медицинском отсеке.
При виде Эufrатии страхи мгновенно
рассеялись, и Зингерманн ощутил, как
любовь к этой молодой женщине заливает
его чистым и удивительным светом.

Он улыбнулся, но тут видение
потемнело, и ужасные пожелтевшие когти
возникли снова и протянулись к Эufrатии.

От неожиданно болезненного
предчувствия Зингерманн вскрикнул.

Интератор снова перевел взгляд на
загадочную строчку и пораился
отчаянному зову.

Ты ей нужен.

Кто-то посылает ему
предупреждение.

Святой грозит опасность.

Управление Легионом -- воинами

Астартес, костическими кораблями, вспомогательными службами и сопровождавшими экспедиции полками Имперской армии -- было поистине титанической работой. А собрать в одном месте в одно время сразу четыре Легиона -- практически невыполнимая задача для любого, но не для Воителя.

«Дух тищения» с глинным и острым, как наконечник копья, носом вынырнул из варпа в калейдоскопе огней. Мощное заградительное поле, оберегающее от воздействия варпа, после перехода в реальный мир стекло с боков корабля зигзагами молний. Ближайшая звезда системы Устваан сияла в черноте космоса холодным, резким светом. На фронтальной броне «Духа тищения» мерцали Глаз Хоруса, да и весь корабль после победы над аурейской технократией изменил облик; цвет слоновой кости, сопутствовавший Лунным Волкам, сменился блестящей серо-зеленой массой Сынов Хоруса.

Через несколько мгновений из варпа вынырнул другой корабль, он прорвался в

реальный мир со свойственной его Легиону жесткой целеустремленностью. Если «Дух мщения» отличался угрожающим изыществом, то этот корабль воплощал прямолинейную жестокость. Весь громадный корпус был равномерно покрыт серой краской, а единственным украшением служил латунный череп на фронтальной броне. Судно носило имя «Стойкость» и являлось флагманским кораблем Легиона Гвардии Смерти. Вслед за ним к флотилии Воителя присоединилось несколько крейсеров меньшего размера и вспомогательных судов, таких же серых и однообразных, поскольку в Легионе Мортариона об украшениях заботились ровно столько, сколько требовал устав.

Спустя несколько часов из глубин Варна появился резкий силуэт «Завоевателя», который тоже присоединился к флотилии Воителя. Сверкающий бело-голубыми цветами Легиона Пожирателей Миров, «Завоеватель» был флагманским кораблем притарха Ангрона, и его простые очертания и тяжелая мощь как нельзя

лучше подходили легендарной отваге командира.

Последним во главе небольшой флотилии костических кораблей появился «Андрониус» Демей Императора и тоже припнулся к колоссальным силам, собравшимся у Устваана. Это судно, пурпурное с позолотой, больше напоминало летающий дворец, чем боевой корабль, но внешний вид был обманчив. Орудийные палубы ошетились сотнями стволов, управляемых прекрасно обученными слугами, которые жили и утирали на службе Легиона. При всей своей излишней нарядности «Андрониус» был компактной и смертельно опасной боевой машиной.

За всю историю Великого Крестового Похода столь грозные силы еще ни разу не собирались в одном месте.

До сих пор только Император мог мобилизовать подобную армаду, но он оставался на далекой Терре, а Легионы подчинялись Воителю.

Вот так четыре Легиона встретились в назначенном месте и обратили свои взоры на систему Устваан.

Сирены, оповестившие о возвращении «Духа мщения» в реальный костюм, стали для Кирилла Зиндерманна сигналом к действию. Проткнув лоб уже влажным носовым платком, он поднялся из-за стола и подошел к дверям своей каюты. Он открыл жалюзи и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться; за дверью его встретили недружелюбные взгляды двух солдат Имперской армии в новенькой форме, лишенной всяких знаков отличия.

— Я могу вам чем-то помочь, сэр? — спросил его высокий солдат со строгим и неприветливым лицом.

— Да, пожалуйста, — ответил Зиндерманн, стараясь придать голосу самое приветливое и мирное выражение. — Мне необходимо пройти на медицинскую палубу.

— Но вы не выглядите больным, — заметил второй стражник.

Зиндерманн хихикнул и, словно добрый дедушка, ласково похлопал солдата по руке.

— Нет, я не болен, мой мальчик. Речь идет о моем грузе. Она очень опасна

больна, а я обещал за ней присмотреть.

— Простите, — сказал первый солдат, но его тон исключал всякую просьбу об извинении. — Мы получили приказ от Астартес никого не выпускать с этой палубы.

— Понимаю, понимаю, — вздохнул Зиндертманн, позволив слезинке скатиться из уголка глаза. — Я вовсе не хотел беспокоить вас, мальчики, но мой друг... Понимаете, она мне почти как дочь. Она мне очень дорога, и, если вы разрешите мне ее проведать, вы окажете неоценимую услугу старому человеку.

— Я не думаю, что это возможно, — сказал стражник, но Зиндертманн уже уловил нотку сочувствия в его голосе и решил надавить сильнее.

— У нее... У нее... Ну, словом, ей осталось совсем немного, и сам Малогарст мне говорил, что я смогу ее навестить перед... перед концом.

Упоминание имени Малогарста было с его стороны блефом, но блефом рассчитанным. Вряд ли эти двое солдат имеют возможность напрямую связаться с

советником Воителя и проверить. Зингерманн продолжал говорить тихо и ласково, не выходя из роли доброго дедушки и пользуясь всеми профессиональными уловками итератора -- точно подобранным тембром голоса, своей старческой хрупкостью и прямым взглядом, помогающим поддерживать контакт с аудиторией.

-- А у тебя есть дети, мой мальчик? -- спросил Зингерманн, касаясь руки стражника.

-- Да, сэр, есть.

-- Тогда ты понимаешь, почему я должен ее повидать, -- продолжал Зингерманн, рискнув подойти вплотную и надеясь, что правильно оценил своих стражников.

-- И вы хотите только пройти на медицинскую палубу? -- спросил солдат.

-- Только туда, и нигда больше, -- пообещал Зингерманн. -- Мне надо только несколько минут, чтобы с ней попрощаться. Вот и все. Пожалуйста!

Солдаты обменялись взглядами, и Зингерманн с трудом удержался от

улыбки. Он их поймал! Первый стражник кивнул, и солдаты расступились, чтобы дать ему пройти.

— Только на медицинскую палубу, — повторил солдат, выписывая пропуск, позволявший итератору пройти на медицинскую палубу и обратно. — Если ты не вернешься в свою комнату через пару часов, я лично притащу тебя сюда.

Зингерманн кивнул, взял протянутый пропуск и тепло пожал руки солдатам.

— Вы отличные солдаты, мальчики, — сказал он, всем своим видом излучая благодарность. — Хорошие солдаты. Будьте уверены, при случае я скажу Малогарсту о вашем сочувствии к пожилому человеку.

Он быстро отвернулся, чтобы стражники не заметили вздоха облегчения, и поспешно зашагал по коридору, ведущему на медицинскую палубу. Шаги гулким эхом отдавались в стенах пустынного лабиринта переходов корабля, и с его лица не сходила идиотская улыбка. Когда-то целые миры подпадали под чары его красноречия, а теперь он не

мог удержаться от ликования, обманув
двух простодушных солдат, чтобы
выбраться из своей комнаты.

Как же низко он пал.

— Есть какие-нибудь новости насчет
Барбаруса? — спросил Локен у Торгаддона,
когда они проходили через Зал Славы по
пути на Совет Лунеркала.

Торгаддон покачал головой:

— Осколки были слишком мелкими.
Апотекарий Вагдон не смог даже
определить партию. Вряд ли нам удастся
найти оружие, из которого был произведен
выстрел. Это сделал кто-то из наших —
это все, что нам известно.

Зал Славы был полон артефактов,
свидетельствующих о бесчисленных
победах Легиона. Лунные Волки привели к
Согласию немало миров. Одна огромная
скульптура, занимающая почти всю стену,
напоминала о тех днях, когда Император
и Хорус бок о бок сражались в одной из
первых кампаний Великого Крестового
Похода. Император с мечом в руке разил
стройных, одетых в маски чужаков, а
Хорус, стоя спиной к отцу, вел огонь из

болтера.

Неподалеку от статуи Локен заметил стену с конечностями мезарахнигов с Убийцы. Лапы, гибриды металла и плоти, оканчивались чрезвычайно острыми лезвиями. После возвышения Хоруса в ранг Воителя трофеев было собрано не так уж много, большая часть экспонатов принадлежала Лунным Волкам, впоследствии превратившимся в Сынов Хоруса в знак признания заслуг примарха.

-- Стоит обратить внимание и на летописцев, -- сказал Локен. -- Они задают слишком много вопросов. Кое-кого из них уже, возможно, убили.

-- Кого именно?

-- Каркази и Петронеллу Вивар.

-- Каркази! -- воскликнул Торгаддон. -- Проклятье, я слышал, что он покончил с собой, но, конечно, они в состоянии это подстроить. В ложе говорили, что необходимо заставить его молчать, особенно Аббаддон настаивал. Они даже отказались признать это убийством, хотя Аббаддон считал, это все равно как в бою

уничтожить врага. Вот поэтому я и порвал с ложей.

-- Они говорили, как собираются это сделать?

-- Нет, -- покачал головой Торгаддон. -- Только твердили, что это необходимо.

-- Все это недолго будет оставаться тайной, -- пообещал Локен. -- Ложа уже не соблюдает секретности, так что рано или поздно развязка наступит.

-- Что же нам теперь делать?

Локен отвел взгляд от лица приятеля и посмотрел вдоль коридора, ведущего к Совету Лунеркала.

-- Я не знаю, -- сказал он и тотчас жестом предостерег Торгаддона от дальнейших разговоров: за одним из дальних стенгов телькнула чья-то фигура.

-- Что случилось? -- спросил Торгаддон.

-- Я не уверен, но, кажется, там кто-то есть, -- ответил Локен.

Друзья двинулись мимо стенга, оцетинившегося трофейными мечами, захваченными в древнем феодальном королевстве, и странных осадных машин --

все, что осталось от уничтоженного
Легионом народа. Замеченный Локеном
силуэт оказался воином Астартес в
доспехах Пожирателей Миров.

Локен и Торгаддон обогнули угол
высокой тумбы из орехового дерева и
увидели покрытое шрамами лицо воина.
Он пристально разглядывал огромный
боевой меч, выбитый Воителем из рук
ксеноса-преторианца.

— Добро пожаловать на «Дух
мщения», — заговорил Локен.

Пожиратель Миров оторвал взгляд
от оружия. Сильно загоревшее, благородное
лицо воина выгодно оттеняли белые и
синие цвета его Легиона.

— Приветствую, — сказал он и в
воинском салюте поднял кулак к груди. —
Кхарн, Восьмая ударная рота
Пожирателей Миров.

— Локен, Десятая рота, — отозвался
Локен.

— Торгаддон, Вторая, — кивнул
Торгаддон.

— Это впечатляет, — продолжал
Кхарн, окидывая взглядом залы музея.

— Благодарю, — сказал Локен. —
Воитель всегда говорит, что мы должны
полнить своих противников. Если забыть
врагов, ничему не научишься.

Он указал на оружие, которое только
что рассматривал Кхарн.

— Где-то здесь хранится и чучело
существа, которое держало этот меч. Оно
примерно с танк размером.

— У Ангрона тоже есть коллекция
трофеев, — сказал Кхарн. — Но он
оставляет только оружие тех врагов, с
которых стоит полнить.

— Значит, всех их полнить не стоит?

— Нет, — твердо ответил Кхарн. —
Нет ничего хорошего в том, чтобы знать
своего врага. Единственное, что имеет
значение, — это уничтожение противника.
Все остальное только отвлекает.

— Слова истинного Пожирателя
Миров, — заметил Торгаддон.

Кхарн с веселой устешкой взглянул
ему в лицо.

— Ты хочешь меня спровоцировать,
капитан Торгаддон, но мне известно, что
говорят о Пожирателях Миров в других

Легионах.

-- Мы были на Ауре, -- сказал Локен. --
Вы просто головорезы.

-- Ха! -- снова улыбнулся Кхарн. -- В
наши дни не часто услышишь честные
слова, капитан Локен. Да, мы убийцы и
гордимся этим, поскольку мы лучшие в
своем деле. Мой примарх не стыдится
того, что он делает лучше других, и я
тоже.

-- Вы прибыли для участия в
Совете? -- спросил Локен, меняя тему.

-- Да, я состою советником при своем
примархе.

Торгаддон иронически поднял бровь:

-- Тяжелая работа.

-- Иногда, -- признался Кхарн. -- Ангрон
не слишком заботится о дипломатии.

-- А Воитель считает, что это очень
важно.

-- Я тоже так думаю, но каждый
Легион по-своему относится к разным
вещам, -- хохотнул Кхарн и хлопнул
Локена по наплечнику. -- Как честный воин,
могу сказать, что и у вашего Легиона
хулигателей не меньше, чем поклонников.

Многие из вас слишком самодовольны.

— У Воителя высокие требования, — сказал Локен.

— Могу тебя заверить, у Ангрона тоже, — ответил Кхарн, и Локен с изумлением услышал в его голосе нотку тревоги. — Император знает, что в некоторых случаях лучше всего предоставить Пожирателям Миров заниматься тем, что они делают лучше других. Воителю тоже это известно, иначе нас бы здесь не было. Может, тебе неприятно будет это услышать, капитан, но если бы не такие воины, как я, Великий Крестовый Поход давно бы потерпел неудачу.

— А вот в этом позволь с тобой не согласиться, — сказал Локен. — Я не могу поступать так, как поступаете вы.

Кхарн тряхнул головой:

— Капитан, ты воин Астартес. Если ради победы потребуются убить все живое в городе, ты это сделаешь. Мы должны превосходить своих врагов во всем. Это известно воинам всех Легионов. Только Пожиратели Миров говорят об этом

открыто.

-- Будет надеяться, что до такого не дойдет.

-- Не слишком уповайте. Как я слышал, этот Устваан III будет нелегко взять.

-- А что тебе о нем известно? -- спросил Торгадгон.

-- Ничего особенного, -- пожал плечами Кхарн. -- Обычные слухи. Что-то насчет религии, говорили о ведьмах и колдунях, о небесах, которые вдруг становятся красными, о монстрах из варна. Старые сказки. Вряд ли Сыны Хоруса верят в такие вещи.

-- Галактика очень сложна, -- осторожно заметил Локен. -- Нам неизвестно и половины того, что в ней происходит.

-- Да, мне и самому приходилось удивляться, -- подгакнул Кхарн.

-- Она меняется, -- продолжал Локен. -- Галактика изменяется, а вместе с ней меняется и Великий Крестовый Поход.

-- Да, -- охотно подтвердил Кхарн. -- Так и есть.

Локен хотел расспросить Кхарна, что он под этим подразумевает, но в этот момент распахнулись двери Совета Лунеркала.

-- Вероятно, скоро начнется созванный Воителем совет, -- сказал Кхарн, кланяясь обоим капитанам. -- Мне пора вернуться к своему примарху.

-- А нам пора присоединиться к Воителю, -- сказал Локен. -- Может, еще увидится на Устваане III?

-- Может, и увидится, -- кивнул Кхарн и отвернулся от стендов, хранящих трофеи былых войн. -- Если только от этого Устваана что-нибудь останется после того, как над ним поработают Пожиратели Миров.

Глава 3

ХОРУС НА ТРОНЕ СВЯТАЯ В ОПАСНОСТИ ИСТВААН JJJ

Зал Совета Лунеркала стал новым сооружением на «Духе тцения». Прежде Воитель проводил заседания и встречи на стратегической палубе, но было принято решение о постройке нового, грандиозного зала для совещаний. Спроектированное Путером Эгоном Момусом помещение было прекрасно приспособлено для того, чтобы подчеркнуть главенствующую роль Воителя в Великом Походе и представить его первым среди равных в глазах всех офицеров.

Со стен зала свисали огромные знамена. Почти все они принадлежали славным подразделениям Легиона, но были и такие, принадлежность которых Локен не мог определить. На одном знамени на кроваво-красном поле был изображен трон из черепов, венчавший медную башню; на

белом поле грубого резко выделялась
черная восьмиконечная звезда. Столь
трагичная символика невольно стучала
Локена, но он решил, что знамена
представляют воинскую ложу, ставшую
неотъемлемой частью Легиона.

Однако великолепие архитектурного
замысла не могло сравниться с величием
самого примарха Сынов Хоруса, который
восседал на громадном базальтовом троне.
Рядом стояли Абагдон и Аксиманг. Оба
капитана были в полном боевом облачении
-- Абагдон в блестящей черной броне
юстаэринцев, Аксиманг -- в бледно-зеленых
доспехах.

Абагдон и Маленький Хорус
посмотрели на подошедших Локена и
Торгаддона. Враждебность, возникшая
между ними во время аурейской кампании,
пустила уже такие глубокие корни, что
скрывать ее стало невозможно. Встретив
суровый взгляд Абагдона, Локен ощутил
печаль, он окончательно осознал, что
светлый идеал Морнивала окончательно и
бесповоротно утер. В полном молчании
Локен и Торгаддон заняли свои места по

другую сторону от трона Воителя.

Когда-то они стояли плечом к плечу на планете, названной ее обитателями Террой, и при свете луны, отраженной в воде, Локен дал клятву верности духу Легиона.

Казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

— Локен, Торгаддон, — окликнул их Хорус, и Локен, несмотря на все, что произошло в последнее время, ощутил прилив гордости при обращении к Воителя. — На сегодня ваша роль — только наблюдать и демонстрировать братьям из других Легионов твердость наших намерений. Вы все поняли?

— Да, мой Воитель, — ответил Торгаддон.

— Локен? — спросил Хорус.

Локен кивнул:

— Да, Воитель.

Он ощутил на себе пристальный взгляд Хоруса, но продолжал неотрывно смотреть на высокие двери Совета Лунеркала. Створки бесшумно раздвинулись, и из темного коридора

появился кроваво-красный ангел смерти.

Примарха Пожирателей Миров Локен видел и раньше, но до сих пор его поражала чудовищная физическая мощь. Ангрон был высоким, почти как Воитель, но гораздо массивнее и шире, а его непомерно большие плечи наводили на мысль о могучем тягловом животном. На злобном, покрытом шрамами лице были едва заметны глаза, прикрытые тяжелыми веками. Из выбритого черепа торчали уродливые имплантаты, вживленные в кору головного мозга, которые соединялись с воротом доспехов при помощи гофрированных трубок. На примархе сияла бронзовая гладиаторская броня с тяжелыми металлическими пластинами поверх кольчуги, делавшая его похожим на божество древнего мира. За спиной висело два цепных меча.

Локен слышал, что до того, как его отыскал Император, Ангрон был рабом, и хозяева насильно вживили дополнительные элементы в мозг, чтобы увеличить агрессивность и превратить Ангрона в совершенного убийцу для сражений на

арене.

Сейчас, глядя на примарха, Локен склонен был верить этим слухам.

Советник Ангрона, Кхарн, сопровождал своего грозного командира, и его суровое, покрытое шрамами лицо казалось безмятежно спокойным по сравнению с отягощенным вечно хлопочущей яростью лицом примарха.

— Хорус! — громыхнул Ангрон. — Как я посмотрю, Воитель встречает своего брата по-королевски. Неужели теперь я твой подданный?

— Ангрон, — невозмутимо откликнулся Хорус, — я рад, что ты смог к нам присоединиться.

— Неужели ты думал, что я пропущу такую потеху? Ни за что на свете, — ответил Ангрон голосом, которым мог бы говорить просыпающийся вулкан.

Вторая делегация, сияя пурпуром и золотом, вошла через вторые двери. Эйдогон во всем своем великолении прошеествовал через зал, а следом за ним — отряд Демей Императора со сверкающими мечами, чьи доспехи мало чем уступали

роскошной броне командира.

-- Воитель, лорд Фүлгрим свидетельствует вам свое почтение, -- официально и с большим достоинством произнес Эйдолон. Локен отметил про себя, что со времени последнего разговора с Воителем Эйдолон улучшил свои дипломатические навыки. -- Он заверяет вас, что его неотложное дело почти закончено, и он сам вскоре к нам присоединится. Я уполномочен говорить от его имени и командовать Легионом в его отсутствие.

Локен перевел взгляд с Ангрона на Эйдолона и в очередной раз убедился в существовании неприязни между двумя Легионами. Разница между Детями Императора и Пожирателями Миров была велика настолько, насколько это вообще возможно для двух Легионов Астартес. Воины Ангрона сражались и одерживали победы благодаря неустержимой прямолинейной мощи, а Дети Императора до совершенства свое умение разделять силы врага и последовательно их уничтожать.

— Лорд Ангрон, — с поклоном произнес
Эйдогон, — для меня это большая честь.

Ангрон не снизошел до ответа, и
Локен заметил, как напрягся оскорбленный
Эйдогон, но дальнейшей эскалации
напряжения помешало прибытие в Совет
Лунеркала последней делегации,
приглашенной Воителем.

Мортарион, примарх Гвардии
Смерти, вошел в сопровождении отряда
воинов, одетых в тускло мерцающие
терминаторские доспехи. На броне самого
Мортариона тоже не было никаких
украшений, кроме медного черепа, символа
Гвардии Смерти, прикрепленного к
наплечнику. Его мертвенно-бледное лицо и
черепа были лишены всяких признаков
растительности, а рот и горло закрывал
массивный ворот, из щелевидных
отверстий которого с шипением
вырывались серые струйки пара.

Капитан Гвардии Смерти шел рядом
со своим примархом, и Локен, узнав
старого знакомого, не смог удержаться от
улыбки. Капитан Натаниэль Гарро
сражался вместе с Сынами Хоруса еще в

те времена, когда они были Лунными
Волками. Благодаря своему
непоколебимому кодексу чести и прямому,
честному характеру этот уроженец
Терры завоевал дружбу многих воинов в
Легионе Воителя.

Капитан Гвардии Смерти поймал
взгляд Локена и слегка кивнул в знак
приветствия.

-- С прибытием нашего брата
Мортариона, -- заговорил Хорус, -- собрание
в полном составе.

Воитель встал с трона и спустился с
возвышения в центр зала. В этот момент
огни немного потускнели, и перед Хорусом
возник светящийся шар.

-- Это, -- сказал Хорус, -- модель
Истваана III, любезно предоставленная
картографами с управляемых
сервиторами спутников. Заполните его
хорошенько, поскольку здесь будет
твориться история.

Цона Арүкен оторвался от своих дел
и, убедившись, что на него никто не
смотрит, достал из-за пазухи форменной
куртки карманную фляжку. В ангаре, как

обычно в эти дни, кипела напряженная работа, и никто не обращал внимания на модератора. Время, когда подготовка к сражению титана класса «Император» могла заморозить любого, даже самого пресыщенного наблюдателя, давнотминовало, и теперь немного осталось тех, кто еще не видел, как обновляется колоссальный корпус «Диес ире» для очередной битвы.

Арүкен сделал небольшой глоток из фляжки и задрал голову, любуясь военной машиной, словно своей подружкой.

Бронированный корпус титана еще нестрел царапинами и вмятинами, которые не успели залатать сервиторы механикутов, и Уона ласково похлопала рукой по крепким пластинам, прикрывавшим нижнюю опору.

— Ну, милая, — сказал он, — тебе здорово досталось в последнее время, но я все равно тебя люблю.

При мысли о любви между человеком и машиной он весело устехнулся, но все равно не мог не испытывать теплых чувств к машине, которая так часто

спасала эту жизнь. Вместе с «Диес ире» они прошли сквозь огонь бесчисленных сражений, и, что бы ни говорил Тимус Кассар, Уона верил, что в недрах могучего титана бьется сильное сердце и живет душа.

Вспомнив о Тимусе и его треклятых службах, Уона загрустил и снова отхлебнул из фляжки. Напарник утверждал, что чувствует в себе свет Императора, а Уона не испытывал ничего подобного.

Как ни старался он поверить в то, что проповедовал Тимус, ему никак не удавалось преодолеть глубоко укоренившегося в его душе скепсиса. Поверить в то, чего не можешь ни видеть, ни ощутить? Тимус называл это истинной верой, но Уона был так устроен, что мог воспринимать только то, что мог потрогать или испытать.

Если бы принцес Түрнет узнал о молниеносных собраниях, которые посещают его модераторы, те вылетели бы из команды управления «Диес ире», как снаряд из болтера. При одной мысли о

перспективе провести остаток жизни простым прислужником по спине Арүкена пробежал неприятный холодок. Уона не мог себе представить, что будет, если они лишится возможности воссоединяться с самой совершенной машиной из созданных в кузницах Марса. Тимүс Кассар часто приглашал его на молитвенные собрания, и всякий раз, когда Уона соглашался, они тайком пробирались по лабиринтам переходов в какую-нибудь неиспользуемую часть корабля, чтобы послушать отрывки из Божественного Откровения. И всякий раз, возвращаясь, он покрывался холодным потом, страшаясь, что его застыкают и отдадут в руки военного трибунала.

Уона был офицером команды тимана с тех пор, как впервые ступил на борт своей первой военной машины — тимана класса «Нес войны» под названием «Венатор», и, если бы дело дошло до выбора, он без колебаний предпочел бы «Диес ире» Божественному Откровению.

И все же мысль о том, что Тимүс, возможно, прав, не давала ему покоя.

Уона прислонился спиной к ноге

титана и соскользнул по ней вниз, усевшись на корточки и обхватив колени руками.

-- Вера, -- прошептал он. -- Ее нельзя заработать, нельзя купить. Как же тогда ее обрести?

-- Ну, -- раздался голос откуда-то сверху, -- ты можешь начать с того, что оставишь фляжку в покое и пойдешь со мной.

Цона поднял голову. У сводчатой двери, ведущей в недра титана, стоял Тимус Кассар, как всегда в безупречной, хоть сейчас на парад, форме.

-- Тимус! -- воскликнул Цона, торопливо засовывая фляжку обратно в карман. -- Что-то случилось?

-- Мы должны спешить, -- решительно ответил Тимус. -- Святая в опасности.

Маггарг шел по сутрачным коридорам «Духа тщениа» быстрым шагом, сгорая от нетерпения, словно человек, спешащий на долгожданное свидание. За последние несколько месяцев его мускулистое тело еще больше увеличилось, словно он подхватил вирус

какой-то быстротекущей формы
гигантизма.

Но в процедурах, которыми его подвергали апотекарии Воителя, не было ничего ужасного. Теперь его тело изменялось так, как невежественные хирурги дома Карпинус не смогли бы добиться при всем желании. Маггард ощущал, как новые органы преобразуют его скелет и мышцы в нечто столь совершенное, что он пока с трудом мог себе представить. И это было только начало.

Маггард был одет в новый белый костюм, поскольку доспехи уже были малы для его быстро растущего тела. Обнаженный кирлианский клинок мерцал в его руке. Мастера Легиона были готовы переделать броню, как только тело примет окончательную форму, а пока Маггард тосковал по привычной тяжести доспехов. Как и он сам, доспехи должны родиться заново и превратиться в нечто, стоящее внимания Воителя и его избранных воинов. Маггард понимал, что еще не достоин занять место в их рядах.

но он уже нашел свою нишу в Легионе Сынов Хоруса. Он мог ходить там, где не должны были видеть Астартес, действовать так, как они не имели права поступать, и проливать кровь в тех случаях, когда Астартес надлежало выступить в роли миротворцев.

Для подобных дел требовался особый человек -- способный и без излишней совести, и Маггард идеально подходил на эту роль. Он убил не одну сотню людей, действуя по приказу дома Карпинус, и еще больше убил до того, как его поймали и сделали телохранителем аристократки. Но по сравнению с той смертью, которую он нес сейчас, все это были мелкие и незначительные делишки.

Маггард вспомнил восхитительное ощущение начала новой жизни, возникшее в тот момент, когда Малогарст поручил ему уничтожить Угнация Каркази.

Дуло пистолета прижалось к угрожающему подбородку летописца, и его мозги разлетелись по потолку тесной и захлупленной комнаты. Маггард не сразу позволил грузному телу поэта рухнуть на

ворох окровавленных листов.

Зачем потребовалось убивать Каркази, Маггарда не интересовало. Советник говорил с ним по поручению Хоруса, а Маггард поклялся в вечной верности Воителю еще на спутнике Давина, когда протянул ему свой меч.

Позже, то ли в награду, то ли во исполнение собственных замыслов, Воитель убил его бывшую хозяйку, Петронеллу Вивар, за что Маггард был благодарен ему до гробовой доски.

Что бы ни задумал Воитель, Маггард перевернет небо и землю, лишь бы выполнить его волю.

А теперь ему приказали сделать нечто удивительное.

Он должен убить святую.

Зингерманн средним пальцем выбивал на своем подбородке барабанную дробь и одновременно пытался сделать вид, что он имеет полное право находиться в этой части корабля. Рабочие палубы в оранжевых комбинезонах и офицеры-артиллеристы в желтых тундирах беспрестанно сновали мимо, пока

император нетерпеливо ждал своих помощников. Выданный ему пропуск он крепко сжимал в руке, словно талисман, предохраняющий от нежеланного любопытства окружающих.

— Ну же, ну, — шептал Зингерманн. — Где же ты?

Связавшись с Кассаром, он сильно рисковал, но ему больше не к кому было обратиться. Мерсади не верила в Божественное Откровение, и, говоря по правде, Кирилл и сам не был уверен в правоте учения, но знал: тот, кто послал ему странное видение об опасности, нависшей над Эуфратией Киилер, надеется на него и ждет активных действий. О том, чтобы обратиться за помощью к Гарвелю Локену, не могло быть и речи, поскольку появление капитана не могло остаться незамеченным.

— Император, — прошипел кто-то над его ухом, и Зингерманн едва не вскрикнул от неожиданности.

Худощавое лицо Тимуса Кассара излучало решимость. Рядом с ним стоял еще один человек, одетый в такую же, как

и у Кассара, форменную куртку
модератора титана.

— Титус, — с облегчением вздохнул
Зиндерманн. — Я не был уверен, что тебе
удастся выбраться.

— У нас не слишком много времени, не
хотелось бы, чтобы принцес Түрнет
заметил наше отсутствие, но в вашем
послании говорилось, что святой грозит
опасность.

— Так и есть, — подтвердил
Зиндерманн. — Смертельная опасность.

— Откуда вам это известно? —
спросил второй офицер.

Кассар раздраженно поморщился.

— Извините, Кирилл, это Цона
Арүкен, мой друг, тоже модератор «Диес
ице». Он один из нас.

— Я просто знаю, — сказал
Зиндерманн. — Я видел... не знаю... Было
видение. Она лежала на кровати, и кто-то
хотел причинить ей зло.

— Видение! — выдохнул Кассар. — Вы
поистине один из избранных
Императора.

— Нет, нет, — прошептал

Зингерманн. -- Ничего подобного. А теперь идемте, у нас мало времени, надо торопиться.

-- Куда мы идем? -- спросил Цона Арүкен.

-- На медицинскую палубу, -- ответил Зингерманн и показал пропуск. -- Мы должны попасть на медицинскую палубу.

На поверхности шара, повисшего над головой Хорүса, появились очертания материков и океанов, а затем проступили контуры геофизических подробностей: равнины, леса, моря, горные цепи и города.

Хорүс поднял руки к шару, словно поддерживая его, как атлант из мифов древней Земли.

-- Это Устваан III, -- повторил он, -- мир, приведенный к Согласию тринадцать лет назад усилиями Двадцать седьмой экспедиции под командованием нашего брата Коракса.

-- Он что, не довел дело до конца? -- фыркнул Ангрон.

Хорүс метнул на Ангрона грозный взгляд:

-- Да, некоторое сопротивление имело

место, но последние остатки агрессивных группировок были уничтожены Гвардией. Ворона в долине Редарт.

Место сражения, расположенное в горах одного из северных континентов Устваана, вспыхнуло на глобусе красным огоньком.

— В те времена орден летописцев еще не был навязан экспедициям Советом Терры, но на планете был оставлен значительный контингент гражданских лиц, чтобы облегчить распространение Имперских Устин.

— Значит ли это, что Устины не были приняты? — спросил Эйдолон.

— Мортарион? — Хорус повернулся к брату и жестом предложил ему взять слово.

— Четыре месяца назад Гвардия Смерти получила с Устваана сигнал бедствия, — сказал Мортарион. — Сигнал был слабым и старым. Мы смогли получить его только потому, что один из кораблей, следовавших с флотилией на Арктуран, вышел из варпа для небольшого ремонта. Судя по давности сигнала и

учитывая время, которое потребовалось для передачи, можно предположить, что послание было отправлено около двух лет назад.

— Что в нем говорилось? — спросил

Анзрон.

В ответ голографическое изображение глобуса развернулось в большой плоский экран, похожий на экран пикт-проектора, висящий в воздухе. Сначала он был непроглядно черным, но вот на экране появилось пятно, и Локен увидел лицо — лицо женщины, освещенное желтым огоньком свечи — единственным источником света. Несмотря на плохое качество сигнала, несложно было понять, что женщина испугана: глаза широко раскрыты, дыхание частое и прерывистое. На лбу поблескивает испарина.

— У нее на воротнике эмблема Двадцать седьмой экспедиции, — заметил Торгадгон.

Женщина настроила прибор, при помощи которого вела запись, и в зал Совета Луперкаля хлынули звуки: треск пламени, отдаленные крики и оружейная

стрельба.

-- Это революция, -- заговорила женщина искаженным полехатым голосом. -- Открытое восстание. Эти люди, они... отвергли... отвергли все. Мы пытались объединить их, мы считали, что Дева Битвы -- это... какое-то примитивное суеверие, но мы ошиблись, это реальность. Праал лишился разума, и теперь он с Невцами Войны.

Внезапно женщина оглянулась на что-то за пределами экрана.

-- Нет! -- отчаянно закричала она и открыла огонь из оружия, которого до этого не было видно. Яркие вспышки выстрелов осветили помещение, и что-то непонятное ударилось в стену после того, как она опустошила магазин. -- Они подбираются все ближе. Они знают, что мы здесь... Я думаю, что уже осталась одна...

Женщина снова повернулась к экрану:

-- Здесь творится какое-то безумие, полное безумие! Я прошу помощи, хотя и не надеюсь пережить этот ужас. Пришлите кого-нибудь, любого, лишь бы остановить...

А затем в уши ударил пронзительный
взвон. Женщина схватилась за голову и
пробывала что-то нечленораздельное.
Изображение задрожало и рассыпалось,
потом мелькнули отвратительные
детали, от которых легла кровь.
Обезумевшие глаза женщины, разорванная
плоть, каменные осколки и разверстая
пасть с окровавленными зубами. Экран
погас.

— После этого с Уствааном III
больше не удалось связаться, — произнес
Мортарион, нарушив воцарившееся
молчание. — Астронавты планеты либо
перешли на сторону бунтовщиков, либо
погибли.

— Прозвучавшее имя «Праал» означает
Вардуса Праала, губернатора,
оставленного управлять Уствааном III
от имени Императора. В его обязанности
входило укрепление Согласия и
искоренение традиционных религиозных
структур, составлявших основу
общественного строя коренного населения.
Если он стал соучастником мятежа, как
говорится в этом послании, значит, его

уничтожение является одной из первых наших задач.

Локен только представил, что снова придется сражаться с населением, официальный правитель которого стал предателем, и тотчас ощутил неприятный озноб. Посмотрев на Торгадгона, он понял, что сходство предстоящей войны с кампанией на Давине не ускользнуло и от его взгляда.

Голографический экран свернулся в шар и снова превратился в глобус Устваана III.

— Культурный и религиозный центр планеты, его столица, находится здесь, — сказал Хорус, и участок, где был показан один из северных городов у подножия колоссального горного хребта, стал увеличиваться. — Это город Хорал. Отсюда поступил сигнал бегства, здесь, в здании, известном как Дворец Регента, должен был находиться и Праал со своей командой. Несколько штурмовых групп захватят все стратегически важные объекты, а когда город будет в наших руках, весь Устваан тоже окажется в

нашей власти. В первой атаке будут принимать участие комбинированные силы всех Легионов при поддержке титанов механикумов и отрядов Имперской армии. Остальную часть планеты покорят дополнительные подразделения Имперской армии, когда они будут в состоянии преодолеть варп и присоединиться к нам.

— Почему бы просто не разбомбить город? — спросил Эйдолон.

Тишина, воцарившаяся после его слов, показалась оглушительной.

Локен ожидал, что Воитель сделает выговор Эйдолону, постывшему усомниться в правильности решений Воителя, но Хорус лишь снисходительно кивнул.

— Потому что эти люди — преступники, а если уничтожать преступников издали, кто-нибудь обязательно выживет. Если мы хотим раз и навсегда покончить с этой проблемой, придется запачкать руки и во время одного решительного сражения уничтожить всех сразу. Это не так элегантно, как привыкли действовать

Дети Императора, но для меня главное не красота, а быстрая и эффективная победа.

— Да, конечно, — согласился Эйдолон, качая головой. — Подумать только, как слепы эти люди, что не видят реальности Галактики.

— Не тревожьтесь, лорд-командир, — произнес Абадгон, спускаясь по ступеням тронного возвышения, чтобы встать рядом с Воителем. — Скоро мы разясним, насколько ошибочен выбранный ими путь.

Локен, удивленный уважительным тоном Первого капитана, искоса взглянул на него. Вся предыстория отношений Сынов Хоруса с Эйдолоном пестрела доказательствами того, насколько сильно Абадгон презирал высокомерного Эйдолона.

Что же изменилось?

— Мортарион, — продолжил Хорус, — твоя задача — вступить в бой с основными силами городской стражи Хорала. Если они не изменились с тех пор, как воевали с Гвардией Ворона, значит, это профессиональные солдаты и не отступят даже при столкновении с Астартес.

Голографическое изображение в

воздухе стенилось планом города Хорал и его окрестностей. Это был большой город с многомиллионным населением, состоящий из множества различных зданий, от просторных особняков и вилл до обширных жилых комплексов и нагромождений производственных построек. Красивые бульвары и широкие улицы пересекали город во всех направлениях. Основная часть населения, видимо, была сосредоточена в густонаселенных жилых районах и на многочисленных фабриках.

Западная окраина города на плане была выделена особенно ярко; она представляла собой настоящую сеть оборонительных рубежей и бункеров. Противоположная сторона Хорала прилегала к отвесным скалам горного края — естественный рубеж, надежно охраняющий город от классической наземной атаки.

К несчастью для города Хорала, Воитель не собирался проводить классическую наземную атаку.

— Похоже, что значительные силы сосредоточены именно на этих рубежах, —

сказал Хорус. — У я уверен, что у них отличные укрепления и артиллерия. Многие из этих сооружений были построены после приведения этого мира к Согласию для защиты имперского правительства на Устваане. Это значит, что укрепления построены нами, и они очень прочные. Овладесть рубежами защиты и разрушить фортификацию — нелегкая задача, к тому же нам не много известно о вооруженных силах Хорала.

— Я принимаю этот вызов, Воитель, — заявил Мортарион. — Мой Легион привык сражаться в таких условиях.

Изображение сменилось, и в воздухе появилось другое сооружение — живописное нагромождение арок и шпилей, с десятками боковых ответвлений, сплетающихся в замысловатый лабиринт, окружающий массивный центральный купол из полированного камня. Главное здание города, великолепный дворец, казавшийся драгоценной брошью на нарядном платье Хорала.

— Дворец Регента, — восхищенно произнес Эйдолон.

– У твой Легион должен овладеть
им, – сказал Хорус, – вместе с
Пожирателями Миров.

Локен снова уловил злобный взгляд
Эйдолона, брошенный в сторону Ангрона.
Порг-командир не мог скрыть своего
отвращения от перспективы сражаться
бок о бок с этим варварским Легионом.
Ангрон, если и заметил недовольство
Эйдолона, никак на него не отреагировал.

– Во дворце, вероятнее всего,
находится сам Праал, – продолжал Хорус. –
А потому для нас это один из важнейших
объектов. Дворец должен быть взят,
правительство города уничтожено, Праал
– убит. Он предал нас, так что я не
намерен брать его живым.

Наконец голографический экран явил
странное нагромождение каменных
построек к востоку от Дворца Регента.
Для неискушенного взгляда Локена все это
казалось набором церковных шпилей, башен
и целых соборов, поставленных друг на
друга в течение многих столетий.

– А это Храм Испышения, и его будут
атаковать мои Сыны Хоруса, – сказал

Воитель. — Скорее всего, латеж имеет религиозную основу, а Храм Испытания представляет собой центр духовных сил. Согласно донесениям Коракса, этот оплот языческой религии должен был быть разрушен в первую очередь. Предполагается, что Храм сохранился до сих пор, и вершина религиозных сил должна находиться там. Это еще одно место вероятного нахождения Праала, так что и в этом случае я требую полного разрушения, и никаких пленников.

Впервые Локену довелось заранее увидеть поле боя, на котором предстояло сражаться. Храмом Испытания, вероятно, будет нелегко овладеть: это массивное и сложное сооружение представляло собой многоуровневое здание со множеством укромных мест, где враги могли без труда спрятаться. Задача таила в себе множество опасностей.

Вот почему Воитель направляет туда собственный Легион. Он знает, что его воины смогут выполнить задание.

План города на изображении стал быстро уменьшаться и вскоре снова

стенился глобусом планеты.

-- Подготовка к основной операции подразумевает уничтожение станций наблюдения на седьмой планете системы Уствваан, -- сказал в заключение Хорус. -- Как только мятежники останутся без связи, начнется вторжение. Отделения первой волны будут высаживаться в десантных капсулах и на боевых кораблях, вторая волна должна остаться в резерве. Надеюсь, все поняли, что потребуются от ваших Легионов.

-- У меня имеется один вопрос, Воитель, -- произнес Ангрон.

-- Говори, -- разрешил Хорус.

-- Зачем с такой тщательностью планировать вторжение, когда все можно сделать одним массированным ударом?

-- Ты возражаешь против моих планов, Ангрон? -- настороженно спросил Хорус.

-- Конечно, возражаю, -- бросил Ангрон. -- У нас здесь четыре Легиона, титаны, множество боевых кораблей, и все на один город. Надо обстрелять его из всех имеющихся орудий, а чудом уцелевших перерезать на улицах. Тогда посмотрим, у

кого на этой планете хватит духу
продолжить восстание. Но нет, ты
хочешь, чтобы мы уничтожали
мятежников по одному, да еще
предлагаешь вылавливать главарей, словно
ты собираешься сохранить этот мир.
Мятеж зреет в людях, Хорус. Убей людей,
и любому восстанию придет конец.

-- Лорд Ангрон, -- рассудительным
тоном заговорил Эйдолон, -- вы не приняли
во внимание...

-- Придержи язык, когда находишься
среди старших! -- рявкнул Ангрон. -- Я знаю,
что думают о нас Дети Императора, но
не ошибись, принимая откровенность за
глупость. Попробуй еще раз заговорить со
мной без моего разрешения, и я тебя убью.

-- Ангрон!

Голос Воителя прокатился по
сводатам зала, и примарх Пожирателей
Миров нехотя отвлекся от Эйдолона.

-- Ты не слишком дорожишь жизнью
своих воинов, -- сказал Хорус. -- И уверен в
правильности только одного -- твоего --
способа ведения войны, но это не значит,
что ты волен поступать так, как тебе

заблагорассудится. Я Воитель, я командир
всех и всего, что имеет отношение к
Великому Крестовому Походу. Твой
Легион будет сражаться согласно моим
приказам. Понятно?

Анзрон коротко кивнул, а Воитель
повернулся к Эйдолону:

— Лорд-командир Эйдолон, ты здесь
находишься не среди равных, и твое
присутствие на этом военном совете
стало возможно лишь благодаря моему
доброму к тебе отношению, но оно быстро
переменится, если ты и дальше станешь
вести себя так, словно за твоей спиной
стоит Фүлгрим, готовый с тобой
побояться.

Эйдолон быстро восстановил
самообладание.

— Конечно, мой Воитель, я не хотел
никого оскорбить. Я ручаюсь, что мой
Легион будет готов к атаке на станции
слежения и к захвату Дворца Регента.

Хорус перевел взгляд на довольно
устыхающегося Анзрона.

— Пожиратели Миров будут готовы,
Воитель, — пообещал Кхарн.

— Тогда наше собрание закончено, — объявил Хорус. — Возвращайтесь к своим Легионам и готовьтесь к войне.

Делегации потянулись к выходам. Кхарн что-то негромко говорил Ангрону, а Эйдолон напустил на себя еще более важный вид, стараясь восстановить пошатнувшееся реноме. Мортарион тоже направился к выходу вместе с Гарро и его терминаторами, и Локену показалось, что на губах примарха протелькнула удовлетворенная улыбка.

Хорус повернулся к Абаггону:

— Проследи за подготовкой истребителя для полета на «Завоеватель». Надо разъяснить Ангрону истинную цель этой кампании.

Затем он, даже не взглянув в сторону Локена и Торгаддона, направился прочь из зала Совета Лунеркала в сопровождении Абагдона и Аксиманга.

— Весьма поучительно, — заметил Торгаддон, оставшись наедине с Локеном.

Локен устало улыбнулся.

— Я видел, как тебе хотелось, чтобы Ангрону ударил Эйдолона.

Торгаддон растеялся, припомнив, как его первая встреча с Эйдолоном на поверхности Убийцы чуть не закончилась дракой.

— Как жаль, что мы не можем вместе с Воителем посетить «Завоеватель», — сказал Торгаддон. — Там будет на что посмотреть. Хорус объясняется с Ангроном. Интересно, о чем они будут говорить?

— А в самом деле, о чем? — поддакнул Локен.

Гарвель признавал, что слишком многого не знает, но стоило ему мысленно посетовать на свое невежество, как он вспомнил слова Кирилла Зингерманна, сказанные в тот момент, когда его выводили солдаты.

— Тарик, нам еще надо подготовиться к бою, я бы хотел, чтобы ты за этим проследил. Похоже, на Устваане будет жарко.

— Понимаю, — отозвался Торгаддон. — Храм Испытания. Проклятое нагромождение. Вот что получается, когда у людей имеется бог, в которого они

верят.

-- И передай Вунусу, чтобы он не поторопился. Если нам придется штурмовать Храм Испытания, мне хотелось бы иметь при себе отделение Локасты.

-- Конечно, -- кивнул Торгаддон. -- Иногда мне кажется, что я больше никому не могу доверять, кроме тебя и Вунуса. А чем ты собираешься заняться?

-- Мне еще надо кое-что перечитать, -- ответил Локен.

Глава 4

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ МОМЕНТ БЕРЕГИТЕ ЕЁ

Куда бы ни шел Эреб, его постоянно сопровождали тени. Трепещущие шептуньи стали его непременными спутниками, невидимые существа не показывались на глаза посторонним и предпочитали клубиться в его тени. Но сейчас они упорхнули от Эреба и укрылись в темных углах зала, построенного из камня по образу и подобию жертвенника в храме Дельфоса, где Акишаб перерезала ему горло.

Скрытое в глубине «Духа мщения», помещение храмовой ложи было темным и жарким, потрескивающий костер посреди пола служил единственным источником света. От пляшущих языков пламени по стенам метались причудливые тени.

– Мой Воитель, – произнес Эреб. – У нас все готово.

– Хорошо, – ответил Хорус. – Чтобы

достичь этого, нам пришлось заплатить немалую цену, Эреб. И ради нашего блага, а главным образом -- ради твоего собственного блага пусть наши усилия будут оправданны.

-- Так и будет, Воитель, -- заверил его Эреб, ничуть не обеспокоенный прозвучавшей угрозой. -- Наши союзники с нетерпением ожидают откровенного разговора с вами.

Эреб нагнулся над костром, и пламя отразилось на его гладком татуированном черепе и полированных доспехах, недавно перекрашенных в темно-красный цвет, как было предписано всем Несущим Слово.

Эреб был уверен, что все сделал правильно, и все же он потемнел. Общение с существами варна всегда грозило неожиданностями, и если вдруг ожидания Воителя не оправдаются, дни Первого капеллана сочтены.

Колоссальная фигура Воителя, казалось, заполняла собой все помещение ложи. Сегодня Хорус надел доспехи цвета обсидиана, присланные в подарок самим

генералом-фабрикатором. Комплект был прислан в знак подтверждения союза с механикумами Марса, и хотя цвет его соответствовал цветам юстаэринцев, броня значительно превосходила терминаторские доспехи как прочностью, так и красотой. Янтарно-желтые глаза смотрели с нагрудника и плечевых пластин брони, а правая рука Воителя была закована в необычную перчатку с острыми лезвиями на пальцах.

Эреб поднял лежавшую рядом с кинжалом книгу, выпрямился и стал осторожно перелистывать страницы, пока не дошел до сложной таблицы символов.

— Все готово. Я могу начать, как только совершится жертвоприношение.

Хорус кивнул.

— Agent, входи, — приказал он.

Спустя мгновение в помещении воинской ложи появилась сгорбленная и закутанная в мантию фигура агента Регула. Представитель механикумов Марса почти полностью состоял из механизмов, что для элиты его ордена было обычным делом. Под мантией

скрывалось тело, состоящее из сверкающей бронзы, стали и соединительных кабелей. Даже лицо, если его можно так назвать, представляло собой совокупность оптических окуляров и вокабуляторного устройства, позволяющего общаться с окружающими.

Регул привел с собой хрупкую Инг Mae Синг; астронавт ступала с опаской, а ее руки постоянно двигались, словно она отгоняла рой мух.

— Здесь очень необычно, — заметил Регул скрипучим, словно железо по стеклу, голосом.

— Agent, — обратился к нему Воитель, — ты представляешь здесь орген Механикус. Великий Крестовый Поход нуждается в помощи техноагентов Марса, и они должны войти в наше новое сообщество. Ты уже предложил мне свои услуги, и теперь пришло время узнать цену этой сделки.

— Воитель, — отозвался Регул, — я полностью в вашем распоряжении.

Хорус кивнул.

— Продолжай, Эреб, — сказал он.

Эреб шагнул мимо Воителя и встретил взгляд на Унг Мае Синг. Несмотря на то, что женщина-астронавт была слепая, она содрогнулась, словно взгляд резанул по животу. Она отступила к самой стене и попыталась проскользнуть мимо Эреба, но он протянул руку, крепко схватил женщину за плечо и подтащил к костру.

— Она сильная, — произнес Эреб. — Я чувствую ее силу.

— Она лучшая из всех моих астронавтов, — сказал Хорус.

— Значит, ваш выбор верен, — одобрительно кивнул Эреб. — Важна не только сила, но и ее значение. Жертва не будет принята, если не представляет собой ценности для дарителя.

— Нет, прошу вас! — крикнула Унг Мае Синг и забилась в руках Эреба, как только до нее дошел смысл прозвучавших слов.

Хорус шагнул вперед и бережно взял ее за подбородок. Женщина затерлась, оставив попытки освободиться. Он приподнял ей голову так, что, будь астронавт зрячей, она смотрела бы ему прямо в лицо.

— Вы предали меня, госпожа Синг, —
сказал Хорус.

Унг Мае Синг всхлинула, с
грожащих губ сорвались невнятные
возражения. Она попыталась
отрицательно потнуть головой, но Хорус
крепко держал ее за подбородок.

— Нет смысла это отрицать. Мне
уже все известно. После того, как вы
рассказали мне об Эфратии Киллер, вы
послали кому-то предупреждение, не так
ли? Скажите мне, кто это был, и я
сохраню вам жизнь. Попытайтесь
сопротивляться, и тогда ваша смерть
будет более мучительной, чем вы можете
себе представить.

— Нет, — прошептала Унг Мае Синг. —
Я уже мертва. Я знаю это, так что
убейте меня, и покончит с этим.

— И вы не ответите на мой вопрос?

— В этом нет смысла, — вздохнула
Унг Мае Синг. — Отвечу или нет, вы все
равно меня убьете. Если у вас и хватает
сил скрыть свою ложь, то ваш соучастник
ничего не скрывает.

Хорус медленно кивнул, словно нехотя

принятая тяжелое решение.

— Тогда нам больше нечего сказать друг другу, — печально произнес он и отвел руки назад.

Когти перчатки с размаху вошли в грудь Унг Мае Синг, лезвия пронесли сердце и легкие и, красные от крови, вышли из спины.

Эреб кивком указал на костер. Воитель поднял тело Унг Мае Синг на плечи, и кровь потекла в огонь.

Капли крови зашипели, и помещение затопил горячий и мощный поток предсмертных чувств астронавта: страх, боль и ужас предательства.

Эреб, опустившись на колени, стал тщательно выводить на полу символы, приведенные на страницах книги: восьмиконечную звезду, обведенную тремя кругами, стилизованный череп и клиновидные руны колхиса.

— Тебе уже приходилось делать это раньше, — заметил Хорус.

— Много раз, — подтвердил Эреб. — С их помощью я могу слышать голос своего примарха, а к этому голосу наши союзники

относятся с уважением.

— Они пока еще не союзники, — возразил Хорус, опустил руку и позволил телу Унг Мае Синг соскользнуть с когтей.

Эреб пожал плечами и стал нараспев читать текст из «Книги Лоргара». Низким гортанным голосом он обращался к богам варна и просил их прислать своего представителя.

Несмотря на ярко пылающий костер, в комнате потемнело и стало заметно прохладнее. Ледяной ветер прорвался из невидимого отверстия, принося с собой пыль давно минувших столетий, и каждый его вздох говорил о падении империй, и каждое дуновение рождало ощущение безвременья, вечности...

— Все так и должно быть? — спросил Рэгүл.

Эреб, улыбнувшись, молча кивнул, а ветер становился все холоднее, и шептуньи в углах загрожали от неведомого ужаса — они чужали, что приближается нечто древнее и чудовищное. На стенах комнаты сгустились тени, но не пламя почти погасшего костра отбрасывало их. Наконец

ударил, словно хлыстом, и раскатился по
полюже пронзительный хохот.

Регул с шипением развернулся всем
своим механическим корпусом, стараясь
определить источник звука, и его окуляры
непрерывно вращались, не в силах
сфокусировать зрение в наступившей
темноте. На трубах и рычагах появился
морозный иней.

Хорус стоял неподвижно, а вокруг
него шипели и металась тени, неясные
голоса доносились отовсюду и ниоткуда.

Это тебя твой народ называет
Воителем?

Эреб кивнул в ответ на
вопросительный взгляд Хоруса.

-- Да, это я, -- сказал Хорус. -- Я
Воитель Великого Крестового Похода. А
кто говорит со мной?

Я Зарр'Келл, -- ответил голос. --
Повелитель Теней.

Все трое постылись в недра «Духа
мщения», к выложенным плиткой
помещениям медицинской палубы.
Зиндертанн спешил изо всех сил и,
несмотря на затрудненное и болезненное

дыхание, все ускорял шаг, чтобы спасти святую от страшной участи.

— А что вы ожидаете увидеть, когда мы придем к святой, итератор? — спросил Цона Арүкен, беспокойно барабанив пальцами по кобуре пистолета.

Зингерманн вспомнил маленький медицинский бокс, где они с Мерсади Олитон проводили долгие часы у постели неподвижной Эүфратии, и ненадолго задумался.

— Я и сам точно не знаю, — признался он. — Но уверен, что ей необходима наша помощь.

— Я лишь надеюсь, что усилий хрупкого пожилого человека и двух наших пистолетов достаточно, чтобы отвести беду.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Зингерманн, спускаясь по широкой винтовой лестнице, ведущей вглубь корабля.

— Ну, я просто удивляюсь, как вы собирались сражаться, если святой действительно что-то угрожает. Нас ведь ожидает нечто опасное, не так ли?

Зингерманн остановился, не только ради того, чтобы ответить Арүкенү, но и чтобы перевести дух.

— Тот, кто послал мне предостережение, вероятно, надеялся на мою помощь, — сказал он.

— У вас этого достаточно? — удивился Арүкен.

— Уона, оставь его в покое, — предупредил его Тимүс Кассар.

— Нет, будь я проклят, если оставлю! — взорвался Арүкен. — Все это слишком серьезно, и мы можем попасть в нешуточную беду. Эта ваша Киилер, она же, по-вашему, святая, правда? Тогда почему сила Императора не может ее уберечь? Почему для этого нужны мы?

— Уона, Император действует через своих доверенных слуг, — пояснил Тимүс. — Недостаточно просто верить и ждать божественного вмешательства, чтобы привести мир в порядок. Император указал дорогу, и нам самим предстоит воспользоваться шансом и выполнить Его волю.

Зингерманн прислушивался к

разговору приятелей, и его тревога
возрастала с каждой секундой.

— Не знаю, смогу ли я на это пойти,
Тимүс, — сомневался Арүкен. — Мне трудно
реши́ться, не имея каких-либо
доказательств нашей правоты.

— Мы на верном пути, Цона, —
настаивал Тимүс. — Ты должен верить,
что Император рассчитывает на твою
помощь.

— Не знаю, как насчет Императора, но
здесь явно не обошлось без дьявольских сил.
Я хочу и дальше управлять титаном, а
этому быстро придет конец, если нас
поймают на какой-нибудь глупости.

— Пожа́луйста! — прервал их
Зиндертманн, ощущая почти физическую
боль в груди от тревоги за Эүфратию. —
Надо идти! Что-то ужасное, злое
подкрадывается к ней, и мы обязаны его
остановить. У меня нет более
убедительных аргументов. Простите
меня, но вы должны просто довериться
мне.

— Почему я должен вам верить?! —
взорвался Арүкен. — Вы не дали мне для

этого ни единого повода. Я даже не знаю, зачем я здесь оказался!

— Послушай меня, Арүкен, — заговорил Зиндерманн своим самым убедительным тоном. — Когда ты проживешь такую же длинную и сложную жизнь, какая досталась мне, ты убедишься, что вся она сводится к единственному моменту — моменту, когда человек раз и навсегда понимает, кто он такой на самом деле. Этот момент настал, Арүкен. Станет ли он для тебя предметом гордости в будущем, или ты будешь сожалеть о нем всю оставшуюся жизнь?

Модераторы титана обменялись взглядами, затем Арүкен вздохнул:

— Надо бы поразмыслить над этим, ну да ладно, давайте поспешим, чтобы спасти положение.

Зиндерманн испытал огромное облегчение, и боль в груди немного утихла.

— Я горжусь тобой, Арүкен, — сказал он, — и благодарю. Твоя помощь нам необходима.

— Благодарить будете, когда мы спасем вашу святую, — сказал Арүкен и

стал спускаться по лестнице.

Они миновали несколько палуб, пока не добрались до створок, украшенных изображением посоха с крыльями, оплетенного гвүтя змеями. С тех пор как на борт «Духа щения» были доставлены последние раненые, прошло уже несколько недель, так что стерильные сияющие коридоры, выложенные плиткой, и сверкающие сталью кабинеты казались пустынным лабиринтом безликих комнат.

— Нам сюда, — указал Зингерманн на один из коридоров.

Он столько раз навещал Эүфратию до запрета на передвижения по кораблю, что без труда ориентировался во владениях медиков. Кассар и Арүкен молча следовали за итератором и настороженно оглядывались, каждую секунду ожидая появления того, кто может помешать их планам. Наконец, все трое остановились перед ничем не примечательной белой дверью, на которую указал Зингерманн.

— Бүдет лучше, если мы войдем первыми, итератор, — предложил Арүкен.

Зингерманн кивнул, понялся от

двери, а увидев, что офицеры достали свои
пистолеты, обеими руками зажал уши.
Арүкен присел на корточки перед самой
дверью и кивнул Кассару, чтобы тот
подогвинул створку.

Дверь бесшумно отъехала в сторону,
и Арүкен, выставив перед собой пистолет,
ворвался внутрь. Кассар метнулся следом,
поводя пистолетом слева направо в
поисках цели, и Зингерманн приготовился
услышать оглушительный залп.

Но ничего подобного не произошло, и
он остелился открыть глаза и уши.
Интератор не знал, радоваться ему или
опасаться самого худшего. Вдруг они
опоздали?

Повернувшись, он заглянул за дверь и
увидел так хорошо знакомую по
предыдущим посещениям маленькую
чистую палату. Эфратия неподвижно,
словно манекен, лежала на кровати, ее
кожа по-прежнему была белой, как
алебастр, а на лице застыло
страдальческое выражение. Трубки двух
капельниц тянулись к ее рукам, а в
изголовье кровати попискивал аппарат

контроля жизнедеятельности организма.
Через монитор прибора тянулась
волнистая линия.

Если не обращать внимания на
абсолютную неподвижность, Эуфратия
выглядела точно так же, как и в
последний раз, когда Зингерманн видел ее.

-- Может, и не стоило так
врываться, -- произнес Арүкен. -- Похоже, мы
успели вовремя.

-- Мне кажется, ты даже слишком
прав, -- сказал Зингерманн, глядя на
появившегося в дальнем конце коридора
золотоглазого Маггарда с обнаженными
руками в руке.

Ты известен нам, Воитель, -- сказал
Зарр'Келл, и его шепот разнесся по всему
зданию. -- Говорят, что ты тот, кто мог бы
нам пригодиться. Это правда?

-- Возможно, -- ответил Хорүс,
ничуть не смущенный странностью его
невидимого собеседника. -- Мой брат
Лоргар утверждает, что твои хозяева
способны дать мне силы для достижения
победы.

Победа, -- прошептал Зарр'Келл. --

Абсолютно бессмысленное понятие в масштабах космоса. Но, да, мы можем предложить тебе достаточную силу. Ни одна армия не сможет устоять перед тобой, ни один смертный не сумеет тебя победить, и любые амбиции будут оправданы, если ты принесешь нам клятву верности.

-- Это только слова, -- сказал Хорус. -- Покажи мне что-нибудь осязаемое.

Власть, -- прошептал Зарр'Келл, и звук его голоса скользкой змеей обвился вокруг Хоруса. -- Варн предлагает власть. Для богов варна нет ничего невозможного.

-- Для богов?! -- воскликнул Хорус. -- Ты напрасно тратишь время, бросаясь такими словами. Они меня не впечатляют. Я уже знаю, что твои «боги» нуждаются в моей помощи, так что давай говорить откровенно или покончим с этой игрой.

Твой Император, -- продолжил Зарр'Келл, и на краткий миг Эребу почудился оттенок беспокойства в его голосе. Подобные существа не могли ожидать сопротивления со стороны смертного, даже такого могущественного.

как примарх. — Он занимается делами, в которых ничего не смыслит. Его грандиозные замыслы на планете, которую вы называете Террой, вызвали бурю в Варне, и она грозит взорвать его изнутри. Тебе должно быть известно, что нам нет дела до ваших владений. Они для нас прокляты. Мы предлагаем могущество, которое поможет тебе занять его место. Воитель. С нашей помощью ты сможешь уничтожить всех своих противников и сесть на трон Императора. Мы предоставим тебе власть над всей Галактикой. Взамен мы хотим лишь одного: чтобы его действия прекратились, и ты занял его место.

Вкрадчивый, свистящий шепот невидимого собеседника звучал очень убедительно, но Эреб заметил, что Хорус остается равнодушным к его посулам.

— Что мне в этой власти? Ты понимаешь всю грандиозность такого предприятия? Галактика будет в расколота, и брат пойдет против брата. В распоряжении Императора останутся его Легионы, Имперская армия,

Кустодианская Гвардия и Сестры
Безмолвия. Стожете ли вы
противостоять такому противнику?

Боги варна повелевают силами любой
реальности. Все, что создает твой
Император, мы уничтожаем и разрушаем.
Если он навязывает сражение, мы исчезаем
из виду, а когда он начинает накапливать
силы, мы наносим удар из темноты.
Превосходство богов так же неизбежно, как
течение времени и смертность плоти.
Разве боги не повелевают скрытой от
твоих глаз Галактикой, Воитель? Разве
не они по своей воле погрузили варн в
темноту?

- Так это сделали твои боги? Зачем?
Они ослепили мои Легионы!

Это было необходимо, Воитель.
Темнота ослепила и Императора тоже, и
это соответствует нашим планам, равно
как и твоим. Император вообразил себя
повелителем варна и жаждет выявить
своих противников, но мы быстро
расстроим его планы. Если потребуются,
ты можешь осуществить переход через
варн, Воитель, поскольку мы в состоянии

не только принести тьму, но и
восстановить свет.

— Так Император остается в
неведении относительно того, что
происходит?

В совершенном неведении, —
подтвердил Зарр'Келл. — Итак, Воитель,
ты убедился, какой силой мы обладаем и
что готовы тебе предоставить. Тебе
остается только дать свое согласие, и
сделка состоится.

Хорус молчал, словно взвешивая свой
выбор, и Эреб ощутил растущее
нетерпение существа из варна.

Наконец Воитель заговорил:

— Я вскоре брошу свои Легионы против
тиров в системе Устваан. Это будет
первым этапом нового Великого
Крестового Похода. На Устваане я должен
решить кое-какие проблемы и намерен
разобраться с ними своими силами.

Прежде чем продолжить, Хорус
пристально посмотрел на Эреба.

— Когда я покончу с Уствааном, то
принесу свои обязательства в обмен на
могущество, обещанное твоими богатыми. Но

никак не раньше. Мои Легионы должны самостоятельно пройти сквозь огонь Устваана, поскольку только в этом случае они превратятся в мой сверкающий клинок, направленный в сердце Императора.

Свистящая волна холода прокатилась по залу от могучего вздоха Зарр'Келла.

Мои повелители принимают твое условие, -- сказал он нежного голоса. -- Ты сделал правильный выбор, Воитель.

Ледяной ветер, прилетавший вместе со словами существа из варна, задул еще сильнее, и его равнодушная жестокость была равносильна убийству невинной жертвы.

Обжигающий холод охватил Эреба, и он вдохнул его, прежде чем ощущение исчезло, и неестественная тьма в воинской ложе стала рассеиваться, уступая место свету костра.

Существо из варна исчезло, и бездна напотинала о себе лишь болью где-то в самой глубине души.

-- Наши усилия были не напрасны, Воитель? -- спросил Эреб после того, как

выпустил из груди долго сдерживаемый
воздух.

— Нет, — ответил Хорус и посмотрел
на бездыханное тело Инг Мае Синг. — Ура
стоила свеч.

Затем он повернулся к Регул:

— Agent, я хочу, чтобы главный
фабрикатор узнал обо всем, что
произошло. Я не могу связаться с ним
напрямую, так что тебе придется взять
быстрый корабль и отправиться на Марс.
Если это существо говорило правду, ты не
потратишь на путешествие много
времени. Келбор-Хал должен провести
очистку в своем ордене и подготовиться к
новой роли в Великом Крестовом Походе.
Передай, что я свяжусь с ним, как только
наступит подходящий момент, и что я
жду от механиков единства.

— Конечно, Воитель. Все будет
исполнено.

Регул повернулся к выходу, и тут
заговорил Эреб:

— Мы долго ждали этого события.
Лоргар будет в восторге.

— Лоргару еще предстоит выиграть

собственные битвы, Эреб, — резко ответил Воитель. — Если его постигает неудача на Калте и Легион Жиллимана вмешается в борьбу, все это будет бесполезно. Так что побереги свое ликование до тех пор, пока я не сяду на трон Терры.

При виде телохранителя Петронеллы у Зингерманна упало сердце. Каждый шаг этого человека приближал смерть, и Зингерманн проклинал себя за то, что так долго добирался до палаты Эуфратии. Его медлительность погубила святую, а может, и всех ее защитников тоже.

Цона Арүкен широко распахнул глаза, увидев массивную фигуру убийцы. Он быстро повернулся к своему приятелю:

— Тимүс, хватай ее, скорее!

— Что? — изумился Кассар. — Она подключена ко всем этим приборам. Нельзя же просто...

— Не спорь со мной, — прошинел Арүкен. — Действуй быстрее, у нас гости, и гости нежеланные.

Затем Арүкен обернулся к Зингерманну:

— Ну, император? Это и есть тот единственный момент, когда мы должны осознать самих себя? Если это так, то я уже сожалею, что связался с вами.

Зингерманн ничего не смог ответить. Маггард заметил их, и на лице бывшего телохранителя медленно расплылась улыбка, заставившая императора похолодеть.

«Я убью вас всех, — говорила эта злобная ухмылка. — Убью не спеша».

— Не трогай ее, пожалуйста, — умолял Зингерманн и сам поразился тому, насколько жалкими были его слова.

Ему захотелось убежать, скрыться где-нибудь подальше от этой страшной улыбки, предвещавшей долгую, мучительную смерть, но ноги словно налились свинцом и приросли к полу. Зингерманн понял, что не в состоянии шевельнуть ни одним мускулом.

Из палаты выскользнул Цона Арүкен, за ним — Тимүс Кассар с неподвижной Эүфратией на руках. Зингерманн заворочено уставился на капли, набүхающие на концах оборванных трубок.

капельницы. Он не в силах был отвести взгляд и все смотрел, как капельки набухают, потом отрываются и падают на пол, растекаясь при ударе в маленькие лужицы.

Арүкен поднял пистолет и прицелился в голову Маггарга.

-- Не подходи, -- предостерегающе произнес он. Маггарг даже не заметил шага, лишь злобещая устешка стала шире.

Тимүс Кассар, прижимая к груди Эүфратию, медленно поднялся под взглядом убийцы.

-- Проклятье, бежим отсюда, -- прошептал он. -- Скорее!

Арүкен махнул рукой Зингерманну, чтобы тот уходил за Кассаром, и сковавшее их тератора оцепенение рассеялось. Маггарг уже был от них не более чем в десяти шагах, и Зингерманн понял, что кровопролития не избежать.

-- Стреляй в него! -- крикнул Кассар.

-- Что?! -- воскликнул Арүкен, бросая на своего приятеля отчаянный взгляд.

-- Стреляй, -- повторил Кассар. -- Убей его, пока он не убил нас.

Уона Арукен посмотрел на приближающегося Маггарда, кивнул и дважды нажал на курок. Громыхнули выстрелы, и по коридору прокатилось эхо. Стена за спиной Маггарда взорвалась фонтаном осколков. Только убийцы на прежнем месте уже не было.

Зингерманн вскрикнул и отскочил к Кассару, а Маггард выскочил из бокса, в котором укрылся за мгновение до выстрелов Арукена. Теперь в его руке тоже был пистолет, который трижды вздрогнул, изрыгнув три ярких вспышки.

Зингерманн снова закричал и схватился руками за голову в предчувствии жуткой боли, когда пули вопьются в его тело, разорвут внутренние органы и выйдут из огромных ран на спине...

Но ничего подобного не произошло, и Зингерманн услышал лишь удивленный возглас Уоны Арукена, который тоже отшатнулся и изумленно замер с открытым ртом.

Маггард все так же стоял на своем месте, и его мускулистая рука сжимала

крупнокалиберный пистолет,
наставленный прямо на них.

В жерле ствола бесконечно медленно
раскрывался цветок белого пламени, а
немного впереди в воздухе висели две пули,
неторопливо поворачиваясь вокруг своей
оси.

Пока Зингерманн удивленно
таращился, из дула пистолета Маггарда
показался заостренный кончик третьей
пули, и тогда итератор в недоумении
повернулся к Арүкенү. Офицер титана
пребывал в таком же затешательстве и
стоял неподвижно, уронив руки.

— Что же это такое? — выдохнул
Арүкен.

— Я... н-не знаю, — заикаясь, протянул
Зингерманн, не в силах оторвать взгляда
от застывшей перед ним картины. —
Может, мы уже мертвы?

— Нет, итератор, — произнес за его
спиной Кассар. — Это чудо.

Зингерманн почувствовал, все его
тело словно онемело, и лишь сердце
продолжало колотиться, угрожая
проломить грудную клетку. Он обернулся.

Симус Кассар стоял в конце коридора и крепко прижимал святую к груди. До сих пор Эфратия не подавала никаких признаков жизни, а теперь ее глаза были открыты и полны ужаса, правая рука вытянута вперед, и серебряный орел, вплавленный в ее ладонь, сиял мягким внутренним светом.

-- Эфратия! -- закричал Зингерманн.

Но едва ее имя сорвалось с грожащих губ, как глаза святой закатились, и рука бессильно свесилась вниз. Зингерманн рискнул оглянуться на Маггарда, но та была мертва, которая спасла им жизнь, до сих пор удерживала убийцу на месте.

Зингерманн сделал глубокий вдох и на негнущихся ногах побрел по коридору. Голова Эфратии лежала на груди Кассара, и женщина снова была так же неподвижна, как и весь прошедший год. От этого зрелища Зингерманну захотелось плакать.

Он поднял руку, дотронулся до ее волос и кожи, оказавшейся очень горячей.

-- Она спасла нас, -- с благоговением произнес Кассар.

— Я думаю, что ты прав, мой мальчик, — сказал Зингерманн. — Я думаю, что ты совершенно прав.

Уона Арүкен, пятась, подошел к ним, снова держа убийцу на прицеле.

— А что будем делать с ним? — спросил он.

Зингерманн оглянулся на Маггарга.

— Оставь его. Нельзя, чтобы его смерть оставила кровь на руках святой. Вряд ли Божественное Откровение выигрывает оттого, что вторым деянием святой станет убийство. Если уж мы намерены учредить новую церковь во имя Императора, она должна проповедовать всепрощение, а не кровопролитие.

— Вы уверены? — усомнился Арүкен. — Он снова попытается ее убить.

— Значит, нам надо обеспечить ей безопасность, — сказал Кассар. — На борту «Духа мщеника» много последователей Божественного Откровения, и мы сумеем ее спрятать до тех пор, пока святая не поправится. Вы согласны, император?

— Да, это именно то, что нужно, — кивнул Зингерманн. — Спрячьте ее.

Березуме ее.

Глава 5

ТЕМНОЕ ЦАРСТВО ДЕВА БУТВЫ

Локен уже довольно давно не заходил на стратегическую палубу, поскольку после сооружения Совета Лунеркаля она почти лишилась своего прежнего значения. В любом случае, от членов ложи до него дошел негласный приказ о том, что он и Торгадгон больше не считаются приближенными Воителя и не могут выражать мнение Легиона.

Платформа пустынной стратегической палубы нависала над оживленным залом капитанского мостика, и Локен, склонившись над перилами, наблюдал за старшими офицерами «Духа мщения», которые обсуждали операцию по уничтожению истваанского Экстрануса.

Воины Гвардии Смерти и Детей Императора уже десантировались на поле боя, а значит, враги Воителя уже гибнут. Невозможность присоединиться к

товарищам по оружию и разделить с ними опасность боя раздражала и сердила Локена. Ему хотелось бы сейчас оказаться на этой бесплодной скале рядом с братьями, тем более что, по словам Торгадгона, Саул Тарвиц был в их числе.

Сыны Хоруса и Дети Императора в последний раз встречались во время войны против аурейской технократии, и теперь братская дружба была официально восстановлена припархатами обоих Легионов и неофициально — их воинами.

Локен тосковал по тем временам, когда вместе со своими товарищами был занят в обсуждении прошлых или грядущих кампаний. Чувство товарищества придавало ему сил и уверенности, и он понимал это только теперь, когда остался в одиночестве.

— Я скучаю даже по твоим рассказам о «лучших временах», Ёактон, — прошептал Локен с печальной улыбкой.

Наконец он отвернулся от капитанского мостика и развернул клочок бумаги, обнаруженный под потертой обложкой «Хроник Урша».

Не в первый раз он прочел строки, написанные торопливым мелким почерком Кирилла Зиндерманна на листке из записной книжки:

Даже Воитель, возможно, не достоин твоего доверия. Ущи храм. Он должен быть в таком месте, которое когда-то было сердцем всего Великого Похода.

Локен не забыл слов, сказанных Зиндерманном, когда Малогарст выгварял его из тренировочного зала, и отыскал книгу на пенелище третьего зала Архива. После несчастья, повергнувшего Эуфратию Киулер в коматозное состояние, большая часть Архива все еще лежала в руинах. Сервиторы и слуги постарались спасти как можно больше книг, но даже теперь Локен, не будучи заядлым книголюбом, испытывал грусть при мысли о бесценных сокровищах разума, погибших в пламени.

«Хроники Урша» он отыскал, без труда, словно книга дожидалась его. Раскрыв ее, Локен обнаружил оставленную Зиндерманном записку.

Капитан толком не знал, что ищет, поскольку сама мысль о том, что на борту

«Духа щеня» может находиться храм, казалась ему смехотворной, но Зиндертманн, заклиная его найти книгу и вложенную в нее записку, говорил абсолютно серьезно.

Он должен быть в таком месте, которое когда-то было сердцем всего Великого Похода.

Локен оторвал взгляд от строчек и осмотрел стратегическую палубу приподнятая платформа, где Боутель проводил совещания, ниши по краю, где Сыны Хоруса стояли в почетном карауле, и высокий стальной купол. Вдоль стен из-под потолка свисали почти неразличимые в полутраке знамена всех рот Легиона Сынов Хоруса. Заметив среди них знамя Десятой, Локен приветствовал его ударом кулака по нагруднику госпехов.

Если где-то и билось сердце Великого Крестового Похода, то именно на стратегической палубе «Духа щеня».

Сейчас здесь было безлюдно, но не только отсутствие людей рождало ощущение тоскливой заброшенности. Стратегическая палуба была отвергнута,

и вместе с ней были отвергнуты проповедуемые некогда идеалы. На стенограмму пришло нечто темное и непонятное.

Стоя в центре стратегической палубы, Локен ощутил боль в груди, но она никак не была связана с его физическим состоянием. Ему потребовалось немного времени, чтобы заметить нечто необычное, чего здесь не должно было быть: запах, слабый, едва различимый, но явно присутствующий в воздухе.

В конце концов, Локен узнал запах, это был ладан, приторный и навевающий воспоминания о горячих сухих ветрах, напоенных горьковатыми ароматами трав. Исключительное обоняние позволило Локену различить еще какие-то ароматы, смешанные с запахом ладана, и направление, откуда они проистекали. В надежде отыскать источник запаха он прошелся по стратегической палубе. Где же он раньше мог слышать этот аромат?

Обострившееся обоняние привело его к знаменитой Седьмой роты, которой командовал Таргост. Неужели мастер логи использовал знатя для какой-нибудь

ритуальной церемонии?

Но нет, запах казался слишком сильным, чтобы распространяться от ткани. В воздухе теперь четко ощущался запах горящего лагана. Локен отвел зная Седьмой роты от стены и ничуть не удивился, обнаружив за ним темное отверстие прохода, ведущего в лабиринт тоннелей, пронизывающих внутренности «Духа тщениа».

Существовал ли этот проход в те времена, когда на стратегической палубе собирались члены Морнивала? Локен был уверен, что нет.

Ущи храм, — вспомнил он слова Зиндертманна, нагнулся, поднырнул под зная и прошел в тоннель, позволив тяжелой ткани снова закрыть проход за его спиной. Запах лагана явно шел отсюда, и благовоние сгорело недавно, а может, горит и сейчас.

Внезапное воспоминание заставило Локена схватиться за рукоять боевого ножа. Ему стало ясно, где он обонял этот запах раньше. Юрты обитателей Давина благоухали этим ароматом, и, несмотря

на воздушные фильтры госпехов, он проникал в ноздри и навсегда запечатлелся в памяти.

В переходе было совершенно темно, но усиленное зрение Локена позволило рассмотреть короткий, недавно проложенный коридор, упиравшийся в сводчатую дверь. На ее металлической поверхности были высечены непонятные знаки. Хотя это была всего лишь дверь, Локен ощутил неестественный трепет. Он... испугался того, что мог за ней обнаружить, и чуть не повернул обратно.

Осознав собственный испуг, Локен яростно тряхнул головой и решительно двинулся вперед. Но тревога не только никуда не делась, но с каждым шагом становилась все сильнее. На двери на уровне глаз висел искусно выточенный череп, но не это зловещее украшение, а сам факт его наличия заставлял Локена чувствовать себя не в своей тарелке. Что-то в свирепом оскале мертвой головы выдавало жестокого убийцу, говорило о радости кровопролития и стремлении к беспощадной резне.

Локен отвел взгляд от оскаленного черепа и обнажил боевой нож. Капитан вдруг поймал себя на том, что испытывает сильное желание вонзитьлезвие в любого, кто окажется за дверью.

Распахнув створки, он перешагнул порог.

Его взгляду открылось просторное помещение бывшего склада, переделанного таким образом, что трюм стал напоминать подземную каменную пещеру. Двойной ряд скамей тянулся вдоль стен, исписанных непонятными знаками и словами. С потолка свисали черепа с пустыми глазницами, скалившие зубы в злобных ухмылках. Локен подошел ближе, и они стали легонько раскачиваться, а из глазниц потянулись тонкие струйки дыма.

У дальней стены стоял низкий деревянный стол. В широкой чаше, украшенной резьбой по всей поверхности, темнели бурые разводы, в которых Локен по запаху определил запекшуюся кровь. В небольшом углублении рядом лежала толстая книга.

Было ли это помещение храмом? Он

выполнил множество флаконов и бутылочек, расставленных в храмовой пещере Шенчүщих Вершин.

То место на планете Шестьдесят Три Девятнадцать выглядело совсем иначе, но вызывало схожие чувства.

Внезапно в воздухе что-то прошепестело, словно неразборчивый шепот, и Локен обернулся, выставив перед собой нож.

Он был один, и все же шепот над ухом был слишком отчетливым, и Локен готов был поклясться жизнью, что перед ним кто-то стоит. Он сделал глубокий вдох и медленно обошел комнату, держа наготове нож на тот случай, если таинственный шептун все же проявит свое присутствие.

На скамьях он обнаружил лишь лохмотки разорванной на ленточки ткани и вернулся обратно к столу, который, как догадался Локен, должен был служить алтарем. Гарвель внимательно осмотрел книгу. Ее кожаная обложка потрескалась от старости и местами почернела от копоти.

Локен нагнулся и кончиком ножа

открыл книгу. Текст был написан
угловатыми значками, и строчки
располагались на странице вертикально.

-- Эреб! -- воскликнул Локен, вспомнив,
что точно такие же символы были
вытатуированы на черепе Несущего Слово.

Неужели это и есть «Книга Лоргара»,
из-за которой, по словам Кирилла
Зиндертманна, в Архиве возник пожар?
Итератор клялся, что книга помогла
какому-то монстру вылезти из варна,
после чего и начался пожар, но Локен видел
только слова.

Как могут слова нести опасность?

Едва эта мысль оформилась в его
голове, как Локен удивленно тизнул --
знаки на странице загрожали и стали
меняться. Символы наречия Несущих
Слово превратились в жесткие цифровые
обозначения языка Хтонии, потом
изогнулись в элегантный шрифт
имперского готика и продолжали
меняться, трансформируясь в буквы
тысячи неизвестных Локену языков.

Ему пришлось крепко зажмуриться,
чтобы избавиться от неожиданно

возникшего головокружения.

-- Что ты здесь делаешь, Локен? --
раздался над его ухом знакомый голос.

Локен стремительно обернулся, но обнаружил, что он по-прежнему один в пустом храме.

-- Как ты осмелился обмануть доверие Воителя? -- слышался тот же голос, и снова из-за спины, но на этот раз возникло ощущение присутствия чего-то материального.

Медленно повернувшись, капитан увидел стоящего у алтаря Торгаддона.

-- Ложись! -- закричал Тарвиц, и автоматная очередь прошла над его головой, закончившись черно-белыми взрывами на голой скале истваанского Экстрануса. -- Отделение Фүлджерииона, за мной! Всем остальным отделениям оставаться на позиции и ждать приказа к выступлению.

Тарвиц побежал, не сомневаясь, что сержант Фүлджериион и его солдаты следуют за ним по пятам к укрытию в ближайшем кратере. Станция наблюдения -- огромное, похожее на орган сооружение из

башен, куполов и антенн -- была возведена
истваанцами на Экстранусе, и все
пространство перед ней постоянно
пересекали линии трассирующих снарядов.
Весь комплекс удерживался на голой
поверхности скалы массивными якорями и
был покрыт ином и пылью.

Солнце системы Истваан, маленький
холодный диск, едва выглядывало из-за
горизонта и заливало все вокруг резким
голубым светом. Автоматические огневые
точки беспрестанно осыпали Демей
Императора градом снарядов, но две сотни
Астартес продолжали классическую
атаку, целью которой был штурм
бронированных створов восточного шлюза
станции.

У истваанского Экстрануса почти не
было атмосферы, зато наличествовал
стертельный холод, и наземные боевые
действия были возможны только благодаря
системе герметизации силовых доспехов.

Тарвиц соскользнул в кратер, и
орудийный снаряд тотчас выбил осколки
каменя из стены рядом с ним. Сержант
Фүлджерион и его воины, укрывшись за

цитами от нуля, попадали на землю с
обеих сторон от Тарвица. Все они были
ветеранами, много лет служили в
отделении Фүлджериона и в самом
страшном сражении чувствовали себя как
дома. Тарвиц знал, что рядом с ним
лучшие воины Легиона.

— А они были готовы к нашему
приходу, верно? — спросил Фүлджерион.

— Они должны были знать, что мы
вернемся, чтобы восстановить Согласие, —
сказал Тарвиц. — Кто знает, сколько
времени они готовились к нашему
возвращению.

Тарвиц выглянул из-за края кратера и
отметил, что на всех заранее
распределенных позициях видны пурпурные
госпехи Астартес. Вот что значит
подготовка Детей Императора! Они
согласованно занимают позиции и наносят
тщательно скоординированные удары, а
боевые группы передвигаются по полю
сражения, словно фигуры по шахматной
доске.

— Капитан Гарро из Гвардии Смерти
рапортует, что он вышел на позицию, —

раздался в воксе голос Эйдолона. --

Покажите им, как надо воевать!

Гвардии Смерти было приказано занять позицию у западных ворот станции, и Тарвиц не мог не устехнуться, представив себе, как его старый друг Гарро упорно ведет своих воинов к цели под оружейным огнем. Непреклонную волю к победе он ставил гораздо выше всех тактических уловок. «Что ж, каждому свое», -- подумал Тарвиц, обнажая свой ценной меч.

Столь простая тактика не устраивала Детей Императора, считавших, что война -- это не просто убийство врага, а тонкое искусство.

-- Тарвиц и Фүлджерион на позиции, -- доложил он. -- Все подразделения готовы.

-- Выполняйте приказ! -- поступила команда.

-- Вы слышали лорда Эйдолона! -- крикнул Тарвиц. -- Вперед, Дети Императора!

Воины ответили дружными возгласами, отделения поддержки открыли огонь, и Тарвиц с Фүлджерионом

выбрались на край кратера. Сражение можно было сравнить с неоднократно сыгранным спектаклем: каждое из подразделений двигалось в совершенном согласии с остальными, тяжелые орудия обстреливали вражеские огневые точки, штурмовые отряды устремились вперед к цели, а тактические отделения заняли позиции прикрытия.

Башенные орудия противника разворотило взрывом, и в морозный воздух взлетела туча осколков стали и чугуна.

Мимо Тарвица со свистом пронеслась ракета, ударила в створы шлюза и оставила на поверхности металла раскаленную вмятину. За первой ракетой последовала вторая, потом третья, и наконец, створы прогнулись внутрь. В мертвенном голубом свете истванского солнца Тарвиц заметил блеск золотых доспехов Эйдолона, лорд-командир устремился к наметившейся пробоине, подняв огромный энергетический молот, от которого во все стороны с треском рассыпались искры.

Молот обрушился на покореженные створы, бело-голубая вспышка, словно зигзаг молнии, осветила все вокруг, раздался, оглушительный грохот, и ворота рухнули. Как и подобает командиру, лорд Эйдогон первым ворвался в здание. Вслед за ним вбежал Тарвиц.

Внутри станции темноту нарушали только вспышки оружейного огня и искрящиеся кабели, вырванные из гнезд взрывной волной. Визор Тарвица быстро рассеял мрак, но через разрушенные двери наружу вырвался теплый воздух, быстро превратившийся в клубы белого пара. И вот тогда Тарвиц впервые увидел своих противников.

Они были одеты в черные доспехи, несли на себе громоздкие силовые батареи, соединенные толстыми кабелями с тяжелыми винтовками. На пластинах брони виднелся серебряный орнамент — возможно, просто украшение, возможно — схема сигнальной цепи.

Лица врагов закрывали капюшоны с единственной красной линзой напротив одного глаза. Под куполом станции

находилось не меньше сотни солдат противника, они скрывались за грудями разбитого оборудования и мебели. Под прикрытием такой баррикады противники образовали сильную оборонительную линию и, как только Эйдолон со своими воинами вошел внутрь, открыли огонь.

Устваанские солдаты ответили залпами рубиновых лазеров, заполнив все пространство красным горизонтальнымливнем. В Тарвица попало сразу три лазерных луча, один в грудь, второй по ногам, а третий угодил точно в шлем. Отчего системы восприятия наполнились треском статических разрядов.

Фүлджерцион упорно продвигался вперед, прикрываясь от лазерных лучей сильно побитым щитом. Эйдолон шел по центру, и каждый удар его молота разил устваанцев на смерть. От удара энергомолота раздробленные тела с переломанными конечностями взлетали высоко в воздух. Интенсивность вражеской стрельбы немного ослабела, и Деми-Императора устремились вперед, заливая ряды противника болтерным огнем.

Обстрел прорвал линию обороны, и штурмовики ринулись в образовавшиеся проходы, чтобы пустить в ход смертельно опасные ценные мечи.

Тарвиц трижды выстрелил из болтерного пистолета по движущейся черной фигуре, и один из врагов развернулся и упал после того, как заряд угодил ему в шею. Воины Фүлджерии заняли позиции на остатках баррикады, и под прикрытием их огня Эйдолон с несколькими избранными воинами вновь двинулся вперед.

Тарвиц убивал врагов тщательно выверенными выстрелами и ударами ценного меча, сражаясь так, как должен сражаться Астартес из Легиона Фүлгрита. Каждый удар нес смерть врагу, а каждый шаг был продуманным и точным. Инкрустированные золотом доспехи позволяли игнорировать огонь противника, а отсветы выстрелов на полированном шлеме делали его похожим на героя из древних легенд.

— Мы овладели входом в башню! — прокричал Эйдолон, как только последний

из истваанцев был обезглавлен
безупречным ударом одного из Астартес. —
Гвардия Смерти докладывает о серьезном
сопротивлении противника. Взорвите
внутренние двери, и мы закончим за них
работу.

Воины с зарядами взрывчатки
бросились к дверям внутреннего перехода,
и Тарвиц сквозь грохот стрельбы услышал
серию взрывов. Он опустил меч и,
воспользовавшись краткой передышкой в
сражении, огляделся по сторонам.

У его ног лежало мертвое тело, в
черных доспехах зияли трещины, а
прикрывающий лицо капюшон был
разорван. Замерзшие капли крови
драгоценными камнями рассыпались вокруг
головы, и Тарвиц, опустившись на одно
колени, отбросил с лица обрывки ткани.

Кожа воина была покрыта черными
татуировками, повторявшими рисунок на
его доспехах. Невидящий глаз, уже
заиндевелевший, взирал с мертвого лица.
Тарвиц не мог представить существо,
обладающее достаточной силой, чтобы
принудить человека отказаться от

принесенных клятв в верности Императору.

Но от поисков ответа на этот вопрос его отвлек глухой раскат взрыва, разрушившего внутренние двери. Выбросив из головы мысли о мертвеце, Тарвиц снова занял место рядом с Эйдолоном, а лорд-командир, подняв огромный молот, ринулся в центральный зал. Саул Тарвиц бежал рядом со своими боевыми братьями, зная, что бы ни приготовили для них истребители, никакое оружие не может сломить волю к победе, ведущую вперед Детей Императора.

Тарвица и его воинов окутали облака пыли, поднятой взрывом, и несколько мгновений понадобилось для того, чтобы сенсоры доспехов подобрали подходящий режим и вернули бойцам возможность видеть происходящее в деталях.

Скоро и пыль осела, и Дети Императора оказались в самом сердце Истребительского Экстрануса.

Тарвиц резко остановился. Он внезапно понял, что информация о сооружении, полученная перед боем, оказалась неверной.

Сооружение не являлось станцией связи, это был храм.

Лицо Торгадгона было пепельного цвета, кожа казалась жесткой, а вокруг горящего желтого глаза собрались морщины шрамов. В беззубом рту поблескивали острые металлические зубы, а в центре лица пролегли две глубокие раны. На виске была вырезана восьмиконечная звезда, и ее точная золотая копия украшала черные доспехи.

— Нет! — воскликнул Локен и понялся от этого ужасного призрака.

— Ты отступник, Локен, — прошипел Торгадгон. — Ты предатель.

Иссушающий ветер унес слова Торгадгона и дохнул в лицо Локена запахом гниющей плоти. Едва Гарвель вдохнул эти ядовитые миазмы, перед его мысленным взором встали видения разоренных, заброшенных земель, заваленных остовами проржавевших машин, словно скелетами вытерших чудовищ. На горизонте гигантским засохшим цветком высился город, а из его стоячих и обгоревших лепестков

поднялась колоссальная центральная башня, утыкавшаяся в тяжелые темные тучи.

Тучи и дым застилали солнце, и с небес доносился гулкий хохот Богов Тьмы. Никогда еще Локену не приходилось видеть картины такого всепоглощающего запустения, и ему захотелось закричать во весь голос.

Это неправда. Этого не может быть. Он не верит в призраков и видения.

Ярость придала ему сил. Он заставил себя отвести взор от утирающего мира и внезапно обнаружил себя летящим по Галактике от одной звезды к другой. Он видел, как взрываются солнца, и пылающее звездное вещество вытекает в бездну. Над ним нависла злобная громада красной звезды, словно огромный, ужасный, жгучий глаз. Из этого глаза непрерывным потоком вылетали подобные титанам монстры и целые флотилии, заливающие Вселенную потоками крови.

Из кровавых рек поднялись языки бушующего пламени и стали уничтожать все на своем пути, оставляя лишь

бесплодную, почерневшую пустыню.

Может, это видение безумного ага, куда попадают после смерти грешники? Локен припомнил красочные описания из «Хроник Урша», дикие фантазии, мрачные суеверия.

— Нет, — раздался голос Торгаддона, — это не галлюцинация сумасшедшего. Это будущее.

— Ты не Торгаддон! — закричал Локен, тряхнув головой, чтобы избавиться от свистящего шепота.

— Ты видел гибель Галактики.

Локен увидел Сынов Хоруса, охваченных неистовым безумием, изливавшимся из огненного глаза, одетых в черные доспехи и окруженных кривляющимися бесформенными существами. Он заметил Абгаддона и самого Хоруса — огромного, черного как ночь гиганта, который крушил целые миры своими латными перчатками.

Это не могло быть будущим. Это какое-то искаженное, бредовое представление о будущем.

— Ты ошибаешься.

Видение объятый пламенем
Галактики рассеялось, и Локен попытался
зацепиться взглядом за что-то
устойчивое, что могло бы уверить его в
невозможности воплощения ужасной
картины. Но он снова летел и падал, и
образы перед внутренним взором
расплывались, пока он не открыл глаза и
не обнаружил, что находится в третьем
зале Архива. Здесь, в окружении книг,
которые упрощали Галактику до понятий
формальной логики и оставляли безумие
запертым в жестоком эпосе язычников,
Гарбель на мгновение почувствовал себя в
безопасности.

Но и здесь что-то было не так. Книжки
вокруг него загорались, истинные знания
плановмерно уничтожались, чтобы народ
оставался в невежестве и не мог постичь
истины. На полках не оставалось ничего,
кроме огня и пепла, а едва Локен
попытался спасти гибнущие книги, огонь
перекинулся и на него. Он старался уберечь
от пламени мудрость древних времен, но
его руки покрылись волдырями и
почернели, и плоть стала отваливаться

от костей.

Музыка сфер. Механизм реальности, невидимый, но всеобъемлющий...

Едва пламя прогорало, как с выжженных мест на Локена начинали появляться из клубящейся бездны варпа глаза темных сил. Чужовищные существа, скачущие среди трюнов, рогатые головы и блеющие козлиные морды, извращенные бесстысленными уловками варпа. Раздутые монстры, истекающие гноем и зараженные личинками, поглощали мертвые звезды; покрытый медной броней гигант испускал бесконечный воинственный клич, сидя на троне из черепов, а в серебряном городе, построенном из лжи, бездушные колдуньи приносили в жертву миллионы жизней.

Локен заставил себя оторваться от этого безумия. Вспомнив слова, которые он бросил в лицо Хорусу Аксиманду у ворот храма Дельфоса, он снова громко прокричал их:

— Я не склонюсь ни перед каким храмом и не признаю существование духов! Я чту лишь чистоту Имперских Истин!

В следующее же мгновение его снова обступили каменные стены мрачного храма и напоенный ладаном воздух. Локен глубоко вздохнул. Сердце у него бешено колотилось, а голова кружилась.

Но он не ощущал страха, а только гнев.

Приходящие в этот храм обрекают всю человеческую расу темным силам, невидимо клубящимся в бездне варна. Возможно ли, что это те же самые силы, что поразили Ксавье Джубала?

Те самые, которые едва не убили в корабельном Архиве Кирилла Зиндертманна?

Локену стало плохо при мысли, что все его знания о варне оказались ложью.

Ему говорили, что там нет никаких богов.

Ему говорили, что в варне нет ничего, кроме бессмысленной, ненаправленной энергии.

Ему говорили, что Галактика слишком бездушна для мелодрамы.

Все, что ему говорили, оказалось ложью.

Гнев придал ему новые силы, и Локен ринулся к алтарю, захлопнул старинную книгу и защелкнул медные застежки на обложке. Но даже закрытая книга источала ужасное стремление. Мысль о том, что книга может таить в себе хоть какую-то опасность, еще несколько месяцев назад рассмешила бы Локена, но, несмотря на весь ужас и бредовость всего увиденного и услышанного, он не мог не доверять собственным чувствам. Капитан схватил книгу, зажал ее под мышкой и направился к выходу из храма.

Закрыв за собой дверь и проскользнув под знаменем Седьмой роты, Локен снова оказался в пустынном сутраке стратегической палубы.

Зингерманн оказался прав. Локен услышал музыку сфер, и она оказалась кошмарной песней, повествующей о разложении, резне и гибели всей Вселенной.

Локен был абсолютно уверен, что ему предстоит заставить ее умолкнуть.

В центре главного помещения истваанского Экстрануса возвышалась

широкая ступенчатая пирамида, составленная из огромных каменных блоков, подобных которым Тарвиц не встречал ни в одном мире. Каждый блок был вырезан из какого-то згания, и на многих еще сохранились различные архитектурные детали — резьба, часть фриза, горгулья или даже отдельные статуи, самым странным образом выступавшие из общего фона.

У подножия пирамиды сгрудились истаанские солдаты, отчаянно сражавшиеся в ближнем бою с закованными в серые доспехи Астартес из Гвардии Смерти. Сражение велось без всяких правил, и искусство войны уступило место мучительной жестокости банальной резни.

Тарвиц перевел взгляд с развернувшейся у подножия битвы на самую вершину пирамиды, где яркий свет кружился и метался вокруг человеческой фигуры, выводящей рыдающую мелодию.

— В атаку! — взревел лорд Эйдолон.

Он ринулся вперед, словно наконецник коня, а штурмовая группа образовала

окрыл его смертельно опасные крылья. Тарвиц выбросил из головы мысли о певце и полчился вслед за командиром. Он прикрывал его спину и уничтожал врагов, пытавшихся окружить группу.

Дети Императора присоединялись к сражению у подножия пирамиды. Вскоре рядом с Эйголоном Тарвиц заметил и Люция, клинок мечника сверкал, словно пойманная звезда.

Неудивительно, что Люций быстро занял позицию рядом с командиром; он лишь подтверждал свое стремление подняться по ступеням служебной лестницы и занять место рядом с Эйголоном как лучший воин Легиона. Тарвиц рубил мечом направо и налево.

Для борьбы с истваанцами не требовалось большого мастерства, а только сильная рука и желание победить. Пробиваясь сквозь ряды защитников в черных доспехах, Тарвиц вскоре взобрался на первую ступень пирамиды.

В перерыве между ударами Тарвиц бросил взгляд наверх и увидел бойцов Гвардии Смерти, карабкающихся к

фигуре на самой вершине пирамиды. Впереди виднелся знакомый массивный силуэт Натаниэля Гарро. Старинный друг Тарвица неутомимо взбирался наверх со столь знакомым лачным упорством. Даже в пылу сражения Тарвиц испытал радость от очередной встречи со своим названным братом. Гарро продолжал стремительно подниматься к вершине, явно намереваясь атаковать сияющую личность, по-видимому, командующую битвой.

До сих пор лицо существа закрывали длинные волосы, но тут пряди отбросило, словно порывом ветра, и Тарвиц увидел, что на вершине пирамиды стоит женщина. Ее белые шелковые одежды медленно развевались, словно щупальца какого-то морского чудовища.

Даже сквозь грохот боя Тарвиц слышал ее пение.

Женщина парила над пирамидой, удерживаясь только на звуковой волне. Человеческое горло не способно было производить подобные звуки. Они следовали один за другим, пронзительные

ноты сталкивались, соединялись,
переплетались. Казалось, что ее песня
разрывает границу между варпом и
реальностью, и вот уже камни с вершины
пирамиды поднялись в воздух и начали по
спирали подниматься к самому куполу.

Тарвиц не мог отвести от женщины
глаз, но вот на поверхность телодви
всплыла одна диссонирующая нота и
зазвучала в бешеном крещендо. В тот же
момент взрыв снес часть пирамиды, и
массивные каменные блоки запрыгали в
потоках света. Пирамида содрогнулась,
камни посыпались вниз на Демей
Императора, убивая и калеча многих.

Грохочущая лавина камней пронеслась
мимо Тарвица, и он едва сумел сохранить
равновесие. По склону стремительно
скатилось тело в доспехах Гвардии
Смерти, и Тарвиц увидел окровавленное
лицо Натаниэля Гарро.

Он пробрался по поверхности
разрушающейся пирамиды к щели, в
которую упал Гарро, наклонился и,
вцепившись в наплечники доспеха,
вытащил своего товарища на поверхность.

Тарвиц увидел, что Гарро серьезно ранен, и отнес его подальше от поля битвы. Натаниэль лишился одной ноги, оторванной выше колена, а часть грудной клетки и плечо были раздроблены. Быстро затвердевающая кровь стеклянными пузырями застыла на его ранах, а в животе воткнулись острые каменные осколки.

-- Тарвиц! -- заскрежетал зубами Гарро, скорее от злости, чем от боли. -- Это Дева Битвы! Не слушай ее.

-- Держись, брат, -- ответил Тарвиц, -- я вернусь за тобой.

-- Только убей ее, -- бросил ему вдогонку Гарро.

Тарвиц взглянул наверх и увидел, что Дева Битвы переместилась ближе, направляясь к Детям Императора. Глаза закрыты, лицо безмятежно спокойное, руки раскинуты, словно она призывала воинов в свои объятия, и жуткая песня лилась из ее горла.

Каменные блоки вокруг Астартес снова стали подниматься в воздух. И вдруг Тарвиц увидел, как песнопение Девы Битвы оторвало от земли одного из

Астартес -- капитана Оговокара, знаменосца Легиона. Его доспехи дергались и прогибались, словно разрываемые невидимыми пальцами, и вскоре блестящие керамитовые пластины, сорванные песней Девы Битвы с тела, рухнули вниз.

А затем развалился на части и сам Оговокар: кровь вырвалась из артерий на его горле, влажно блеснули позвонки у основания черепа, и оторванная голова запрыгала по осыпающемуся склону пирамиды...

Пока утирал Оговокар, жестокая красота пения, которое, как казалось Тарвицу, предназначалось ему одному, полностью захватила капитана. Диссонирующие ноты говорили одновременно о красоте и смерти, об удивительном мире, который придет, едва он отдастся на волю мелодии и позволит ей завладеть его существом. Война тотчас закончится, и ненависти не останется даже в воспоминаниях.

Не слушай ее.

Тарвиц сердито хмыкнул, пистолет

мгновенно оказался у него в руке, и он выстрелил. Теперь за пением почти не было слышно даже болтерной стрельбы. Снаряды ударили в защитную силовую оболочку, окружавшую Деву Битвы, и засверкали белыми вспышками преждевременных взрывов. Все больше и больше Демей Императора и воинов Гвардии Смерти поднимались в воздух, и акустическое воздействие обезглавливалось их. Тарвиц понимал, что потребуются совсем немного времени, и превосходство Астартес будет потеряно.

Оставшиеся в живых истребительские солдаты уже перегруппировались и теперь карабкались вверх по пирамиде вслед за Астартес. Тарвиц увидел, как Люций в окружении врагов орудует мечом, и вокруг него кружит алая метель из затерзающей крови.

Решив, что Люций вполне способен о себе позаботиться, Тарвиц стал подниматься, стараясь отыскать безопасный путь в хаосе, учиненном Девой Битвы. Впереди блеснуло золотым, и Тарвиц узнал госпехи Эйдолона.

сверкавшие, словно таяк, в лучах Девы Бумвы. Лорд-командир с яростным воплем преодолел последние ступени пирамиды, и Тарвиц поспешил догнать его.

Дева Бумвы раскинула вокруг себя сверкающее покрывало, и, когда Эйдолон ринулся сквозь него, световая оболочка стала непрозрачной, превратившись в молочнo-белую пелену. Пистолет Тарвица уже опустел, так что он отбросил бесполезное оружие, взялся обеими руками за рукоять меча и устремился вслеп за командиром в пелену света.

Громогласные вопли Девы Бумвы в тот же момент заполнили его мозг и, едва капитан прорвался сквозь пелену света, возросли до оглушительного крещенго.

Эйдолон стоял на коленях, потеряв шлем, а над ним уже склонилась Дева Бумвы. Она простерла руки перед собой и окатывала Эйдолона волнами энергии, настолько сильной, что стало видно движение воздуха.

Доспехи Эйдолона начали вибрировать и коробиться, шлем треснул.

и из-под него брызнула струйка крови, но лорд-командир все еще был жив и не собирался сдаваться.

С криком «За Императора!» Тарвиц бросился вперед.

Дева Битвы заметила его и небрежным движением кисти швырнула на землю. От сильного удара шлем раскололся, и на мгновение весь мир для капитана наполнился стертельно опасной красотой ее пения. Зрение вернулось к Тарвицу в тот момент, когда Эйдолон кинулся вперед. Бросок Тарвица на короткое мгновение отвлек от Эйдолона внимание Девы Битвы, и мелодия ее песни всего на один миг обратилась на него.

Но этого короткого мига хватило командиру Детей Императора.

Глаза Эйдолона сверкнули огнем, рот распахнулся в яростном крике, вобравшем в себя всю его ненависть и отвращение к врагу. Но затем рот растянулся еще шире, и крик перешел в пронзительный вой. Тарвиц от этого ужасного звука, не успев подняться, снова опрокинулся навзничь, выронил меч и зажал руками уши. В

звучковой атаке, исходящей от Эйдолона, не было призыва к прекрасной и милосердной смерти, а только оглушительный и мучительный вопль.

Волна немзыкального крика ударила в Деву Битвы и неожиданно рассеяла ее чары. Она открыла рот, чтобы запеть новую песню восхваления смерти, но крик Эйдолона обратил ее музыку в унылую погребальную панихиду.

Звук скорби и боли наслаивался друг на друга, и Дева Битвы под их тяжестью упала на колени. Эйдолон закончил свой крик и, протянув руку, подобрал оброненный Тарвицем меч. Дева Битвы уже корчилась от боли, и окружающая световая завеса стала слабеть по мере того, как она теряла контроль над мелодией.

Эйдолон сумел преодолеть и звук, и свет. Широкий меч в его руке только один раз сверкнул серебром, и голова Девы Битвы слетела с плеч.

Песня, наконец, оборвалась.

Тарвиц приник к потрескавшейся поверхности камня, глядя, как Эйдолон

победным жестом поднимает меч, и никак не мог осознать, что же сейчас произошло на его глазах.

Ужасные мелодии Девы Битвы все еще звенели в его ушах, но он тряхнул головой, чтобы избавиться от них, и недоверчиво уставился на своего командира.

Эйголон обернулся к Тарвицу и бросил рядом с ним меч.

— Отличный клинок, — сказал он. — Ублагодарю за своевременное вмешательство.

— Как?... — только и смог произнести Тарвиц.

— Сила воли, Тарвиц, — сказал Эйголон. — Это было лишь проявлением силы воли. Да и что может сделать таяканье этой девки с такими воинами, как мы?

— Наверно, ничего, — ответил Тарвиц, приняв протянутую Эйголоном руку, чтобы подняться.

Весь зал перед ними внезапно погрузился в полную тишину. Выжившие истваанцы в момент гибели Девы Битвы

попадали на землю и, рыдая, катались из стороны в сторону, словно дети, лишившиеся родителей.

— Я не понимаю... — начал Тарвиц, видя, что воины Гвардии Смерти уже начали прочесывать поместье.

— Тарвиц, тебе и не надо ничего понимать, — сказал Эйдогон. — Мы победили, и только это имеет значение.

— Но что вы сделали?...

— Я всего лишь убил врага, — сердито бросил Эйдогон. — Это понятно?

— Понятно, — кивнул Тарвиц, хотя, по правде говоря, понять столь неординарную способность своего командира он мог не больше, чем принцип межзвездных путешествий в Варне.

— Уничтожьте всех оставшихся вражеских солдат, — отдал приказ Эйдогон. — А потом необходимо разрушить весь комплекс.

С этими словами он повернулся и стал спускаться с пирамиды, приветствуемый восторженным криком своих подчиненных.

Тарвиц подобрал свое оружие и

посмотрел на развернувшуюся перед ним картину победы. Астартес уже перегруппировались, и он поспешил спуститься к раненому Гарро.

Капитан Гвардии Смерти сидел, прислонившись спиной к основанию пирамиды, его грудь тяжело поднималась, и Тарвиц понял, что только крайним напряжением воли Натаниэль не позволил встроеной в доспехи системе жизнеобеспечения впрыснуть медикаменты, отключающие сознание.

-- Тарвиц, ты жив, -- произнес Гарро, едва он спустился с последней ступени.

-- Вроде того, -- ответил Тарвиц. -- Вот не знаю, можно ли то же самое сказать о тебе.

-- Ты о чем? -- фыркнул Гарро. -- Это пустяки, были у меня раны и потяжелее. Дополни мои слова, парень, я поправляюсь и буду учить тебя новым приемам в тренировочной камере раньше, чем ты успеешь почистить свой доспех.

Несмотря на все странности прошедшей битвы и тяжелые потери, Тарвиц не смог удержаться от улыбки.

-- Раз снова тебя видеть, Натаниэль, -- сказал он, наклоняясь и пожимая протянутую руку. -- Очень много времени прошло с тех пор, как мы сражались бок о бок.

-- Согласен, мой названный братец, -- кивнул Гарро. -- Но у меня возникло такое чувство, что до окончания этой кампании нам представится еще немало возможностей.

-- Вряд ли, если ты будешь и дальше так нарываться. Тебе нужен апотекарий.

-- Чепуха, мой мальчик, тут много тех, кому помощь хирурга сейчас нужнее, чем мне.

-- Ты никогда не научишься признавать, что тебе требуется помощь? -- с улыбкой спросил Тарвиц.

-- Нет, -- согласился Гарро. -- Это ведь не в обычаях Гвардии Смерти, не так ли?

-- Будет считать, что я этого не знаю, -- уклончиво ответил Тарвиц и, несмотря на протесты Гарро, тахнул рукой апотекарию Демей Императора. -- Вы для меня слишком варварский Легион, чтобы можно было что-то понять.

— А вы — компания примерных мальчишек, которых внешний вид заботит больше, чем достижение цели, — сказал Гарро, возвращаясь к обычной перепалке, заменявшей им приветствия.

Капитанов-полюбовников связывало слишком многое, и они слишком часто спасали друг друга жизнь, чтобы позволить формальностям и мелким различиям между Легионами разрушить их дружбу.

Гарро ткнул пальцем себе за спину, на пирамиду:

— Ты убил ее?

— Нет, — ответил Тарвиц. — Это сделал лорд-командир Эйдогон.

— Эйдогон? — усмехнулся Гарро. — Вот уж не ожидал от него такого. Что ж, если он сумел ее одолеть, значит, кое-чему научился с тех пор, как я его видел в последний раз.

— Я думаю, что ты прав, — сказал Тарвиц.

Глава 6

ДУХ ЛЕГИОНА

ВСЁ БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ ОТВРАЩЕНИЕ

Локен обнаружил Абадгона на смотровой палубе, огромный купол которой выступал над верхней декой «Духа мщения». Прозрачные стеклянные панели ловили отраженный свет пустынных скал истваанского Экстрануса. Под куполом было тихо и темно, обстановка располагала к размышлениям, и Абадгон смотрелся здесь инородным телом. Его бурлящая энергия и мощь наводили на сравнение с запертым в клетку хищником, готовым наброситься при первой возможности.

– Локен, – заговорил Абадгон, как только тот вошел в зал. – Ты вызвал меня сюда?

– Да, я.

– Почему?

– Верность, – коротко ответил

Локен.

Абагдон презрительно фыркнул:

-- Тебе незнакомо значение этого слова. Ты никогда ее не проявлял.

-- Так, как это сделал ты на Давине?

-- А, -- вздохнул Абагдон, -- так вот с чем речь. Не вздумай читать мне нотации, Локен. Ты не смог сделать того шага, который сделали мы ради спасения Воителя.

-- Возможно, я единственный, кто смог остановиться.

-- И что тогда? Ты позволил бы Воителю погибнуть, лишь бы не признавать, что во Вселенной есть силы, недоступные твоему пониманию?

-- Я здесь не для того, чтобы обсуждать произошедшее на Давине, -- сказал Локен, раздосадованный потерей контроля над беседой.

-- Тогда зачем ты пришел? Мне пора готовить к бою воинов, и я не желаю тратить время на пустую болтовню.

-- Я позвал тебя, потому что хочу получить ответы на вопросы. Об этом, -- сказал Локен и бросил на мозаичный пол

книгу, которую забрал из храма.

Абагдон наклонился и поднял книгу. В руках Первого капитана она казалась маленькой, словно один из памфлетов Каркази.

-- Так теперь ты еще и вор, -- бросил Абагдон.

-- Не смей говорить мне таких вещей, Эзекиль. По крайней мере, до тех пор, пока не представишь ответы. Я знаю, что Эреб устроил против нас заговор. Он украл у интерексов анафет и привез его на Давин. Мне это известно, и тебе тоже.

-- Ты ничего не знаешь, Локен, -- устехнулся Абагдон. -- Все, что происходит в рамках Великого Крестового Похода, делается во благо Империи. У Воителя есть план.

-- План? -- переспросил Локен. -- И в этом план входит убийство невинных людей? Гектора Варваруса? Изнация Каркази? Петронеллы Вивар?

-- Ты про летописцев? -- растеялся Абагдон. -- Ты в самом деле беспокоишься об этих людях? Это же мелочь, Локен, они не заслуживают нашего внимания. Это

Совет Терры пытается навязать нам разных чиновников, чтобы задерживать нас и разрушить наше стремление завоевать Галактику.

-- А Эреб? -- спросил Локен, стараясь не давать воли своему гневу. -- Почему он оказался на «Духе мщения»?

Абаддон в одно мгновение пересек зал наблюдений.

-- Это не твое дело!

-- Это мой Легион! -- воскликнул Локен. -- И потому это касается и меня.

-- Больше не касается.

Локен ощутил, как в нем растет волна гнева, и угрожающе сжал кулаки. От Абаддона не укрылась его напряженность.

-- Хочешь разрешить наш спор, как принято у воинов?

-- Нет, Эзекиль, -- сквозь зубы ответил Локен. -- Что бы между нами ни произошло, ты все еще мой брат по Морнивалю, и я не стану с тобой драться.

-- Ах да, Морниваль, -- кивнул Абаддон. -- Это была благородная идея, но я уже пожалел, что вовлек тебя в братство. А кстати, если бы дело дошло до

кровопролития, неужели ты надеялся со-
мной справиться?

Локен не стал отвечать на его
насмешку.

-- Эреб все еще здесь? -- спросил он.

-- Эреб находится на флагманском
корабле в качестве гостя, -- сказал
Абаддон. -- И тебе лучше бы не забывать об
этом. Если бы ты присоединился к нам,
когда была такая возможность, ты бы
получил ответы на свои вопросы. Но ты
сделал свой выбор, Локен, так теперь и
живи с ним.

-- Эзекиль, ложа принесла в наши
Легион, а может, и в другие Легионы тоже
какое-то зло, что-то из варна. Это зло
погубило Джубала и овладело Тембой на
Давине. Эреб лжет нам всем!

-- И использует нас, верно? А еще Эреб
манипулирует нами и готовит судьбу,
которая хуже смерти? -- насмешливо
сказал Абаддон. -- Тебе слишком мало
известно. Если бы ты осознал величие
замыслов Воителя, ты бы умолял нас
принять тебя обратно.

-- Так расскажи мне, Эзекиль, и

может, я попрошусь обратно. Когда-то мы считали друг друга братьями, и мы снова можем или стать.

— Ты веришь в это, Локен? Ты откровенно дал понять, что не согласен с нами. По крайней мере, именно так сказал Торгадгон.

— Раги моего Легиона, раги Воителя я всегда могу изменить свое мнение, — ответил Локен. — Но только пока и вы согласны на это.

— Однако ты никогда не согласишься, не так ли?

— Никогда! Не согласен, пока дух Легиона находится под угрозой.

Абадгон покачал головой:

— Мы лишь потому оказались в таком затруднительном положении, что люди вроде тебя не соглашаются идти на компромисс.

— Эзекиль, компромисс может означать только нашу гибель.

— Постарайся забыть об этом, пока продолжается нынешняя кампания. После Устваана все кончится.

— Я ни о чем не забуду, Эзекиль. И я

отыщу ответы на свои вопросы, -- пообещал Локен и отвернулся от своего брата.

-- Если ты выступишь против нас, ты проиграешь, -- предостерег его Абаддон.

-- Может быть, -- ответил Локен. -- Но другие тоже поднимутся против вас.

-- Тогда они тоже погибнут.

-- Благодарю за то, что вы все собрались, -- произнес Зингерманн, удивленный и немного испуганный большим количеством пришедших людей. -- Вы пошли на немалый риск ради нашей встречи.

В надежде услышать слова святой, ошибочно полагая, что она очнулась, верующие со всего корабля собрались в темной ремонтной мастерской, где повсюду виднелись потеки смазки и слова заглушались шипением трубопроводов. В толпе Зингерманн видел людей из Легис Мортис, рабочих флотилии, персонал охраны и даже несколько солдат Имперской армии. Вооруженные винтовками воины охраняли входы в мастерскую, и их присутствие служило печальным напоминанием об опасности.

нависшей над последователями
Божественного Откровения.

Такое многолюдное собрание не могло
остаться незамеченным, и Зингерманн
понимал, что необходимо как можно
скорее уговорить людей разойтись, пока их
не обнаружили, но сделать это так, чтобы
не спровоцировать открытого восстания.

— До сих пор ваши собрания не
привлекали внимания в силу их небольшой
численности, но такое количество людей
обязательно заинтересует командование, —
продолжал он. — Не сомневаюсь, что в
последнее время вы слышали немало
странных разговоров, и, надеюсь, вы
простите меня за желание уберечь вас от
заблуждений.

Слухи о чудесном спасении Кишлер
быстро распространились по всему
кораблю. Об этом шепотом говорили
чужаки; со скоростью эпидемии
слух охватил весь штат летописцев и
достиг ушей многих офицерских чинов
экспедиции. Вслед за известием о
способностях святой поползли разного рода
вымыслы и самые фантастические

выдумки, невероятные истории о
вернувшихся путях и самом Императоре,
якобы говорившем непосредственно со
святой, чтобы указать путь Его народу.

— Что со святой? — раздался голос из
толпы. — Мы хотим ее видеть!

Зиндертманн поднял руку:

— Святая, к счастью, жива. С ней
ничего не случилось, но, к сожалению, она
по-прежнему спит. Кое-кто из вас слышал,
что она очнулась, но, должен вас огорчить,
это не так.

В мастерской поднялся возмущенный
гул. Зиндертманн лишил их желанной
надежды, и люди рассердились. Император
был вынужден вспомнить свои речи в
приводимых к Согласию тирах, когда,
используя профессиональные уловки и
приемы императоров, провозглашал
Имперские Истины.

Теперь ему придется применить те
же самые методы, чтобы дать людям
надежду.

— Святая все еще спит, это верно, но
на один короткий миг она очнулась от
дремоты и спасла мне жизнь. Я видел, что

ее глаза были открыты, и я знаю, что она
вернется к нам, когда мы будем больше
всего в ней нуждаться. А до тех пор мы
должны соблюдать осторожность,
поскольку во флотилии есть силы,
готовые уничтожить нас за нашу веру.
Сам факт, что нам приходится
собираться тайно и полагаться на
вооруженных солдат ради собственной
безопасности, лишнее тому
подтверждение. Малогарст лично
посылает воинов, чтобы положить конец
встречам последователей Божественного
Откровения. Уже погибли люди, и их кровь
на руках Астартес. Изгнаний Каркази, да
упокоит Император его душу, первым
осознал опасность, исходящую от
необузданных Астартес, и не успели мы
опомниться, как их руки протянулись к
нашим шеям... Когда-то я не мог поверить
в святых. Я приучил себя воспринимать
только логические выводы и научные
факты, а религию и суеверия отбрасывать
прочь. Магия и чудеса казались
невозможными, считались выдумкой
невежественных людей, старавшихся

понять и объяснить свой еще не познанный мир. Понадобилась жертва святой, чтобы я осознал свое невежество. Я видел, как защищает Император, но святая показала мне не только это. Император защищает тех, кто в него верит, но кто защитит самого Императора?

Зингерманн позволил вопросу повиснуть в воздухе.

-- Мы защитим! -- воскликнул Тимус Кассар, проталкиваясь через толпу вперед и поворачиваясь лицом к слушателям.

Зингерманн сам попросил Кассара вмешаться с толпой и тщательно проинструктировал его, когда и что сказать -- основной приём императоров усиливать впечатление от своих слов.

-- Мы должны защитить Императора, поскольку больше никто этого не сделает, -- сказал Кассар и обернулся к императору. -- Но для этого мы должны остаться в живых, верно, император?

-- Да, -- ответил Зингерманн. -- Вера, которую обрело наше братство, вызвала такой страх у высшего руководства

флотилии, что они пытаются нас уничтожить. И я уверен, среди них имеется враг Императора. Мы должны жить, чтобы противостоять этому врагу, когда он полностью себя проявит.

Предостережение императора вызвало в толпе людей гневный и тревожный ропот.

— Друзья мои, — продолжил Зиндертманн. — Опасность, грозящая нам, велика, но святая с нами, и ей требуется убежище. Мы оставим это убежище в тайне, а вам следует внимательно наблюдать за знаками и самим оставаться в безопасности. И расскажите всем о ее спасении.

Кассар вернулся в толпу и стал убеждать всех вернуться на свои рабочие места. Слова Зиндертманна принесли людям некоторое успокоение, и они начали постепенно расходиться. Глядя им вслед, Зиндертманн не мог не задуматься, все ли они переживут грядущие дни.

Галерея Мечей, словно позолоченный хребет, проходила по всей глине «Андрониуса». Крыша над ней была

прозрачной, и все пространство освещалось сиянием далеких звезд. По обеим сторонам стояли сотни статуй -- героев Демей Императора с драгоценными камнями вместо глаз и суровым, испытующим выражением лиц. Говорили, что достоинства будущего героя можно определить по тому, как долго он сможет сидеть по Галерее Мечей и выдерживать невыносимые взгляды статуй.

Тарвиц признавал, что не может считать себя героем, он был просто рядовым офицером, который старался как можно лучше исполнять свой долг. Но, войдя в Галерею, тоже не опустил головы. Командиры отделений и рот из давних минувших времен смотрели на него, а он вспоминал их имена и подвиги, известные каждому воину легиона и почитаемые каждым. Памяти павших братьев-воинов были посвящены целые отсеки «Андрониуса», но любой из Астартес мечтал, чтобы его подвиги были увековечены именно здесь.

Тарвиц не надеялся, что его жизненный путь найдет отражение в

Галерее Мечей, но был полон решимости сделать все возможное, чтобы стать достойным такой чести. Даже если высокая цель казалась недостижимой, к ней стоило стремиться.

Эйдолон, стоявший перед резной статуей лорда-командира Телиоза, героя кампании на Магривейне, обернулся раньше, чем Тарвиц успел к нему подойти.

— Капитан Тарвиц, — заговорил Эйдолон, — тебя не часто можно увидеть в этом месте.

— Это не в моих привычках, — ответил Тарвиц. — Я стараюсь не нарушать покой героев Легиона.

— А что же привело тебя сюда сегодня?

— Я бы хотел поговорить с вами, если вы мне позволите.

— Ты мог бы с большей пользой потратить это время на заботу о своих воинах, Тарвиц. В этом лучше всего проявляются твои способности.

— Я польщен вашими словами, командир, но есть кое-что, о чем я хотел у

вас спросить.

-- О чем именно?

-- О смерти Девы Витвы.

-- Вот оно что. -- Эйдолон снова посмотрел на возвышающуюся перед ним статую, и та ответила ему холодным немигающим взглядом. -- Она была сильным противником, хотя и совершенно порочным, но эта порочность и питала ее силы.

-- Я хотел бы знать, как вы ее убили.

-- Капитан, ты говоришь так, словно находишься в обществе равного себе.

-- Командир, я видел, что вы сделали, -- не отступал Тарвиц. -- Этот вопль, это... не знаю, это какая-то сила, о которой я раньше никогда не слышал.

Эйдолон поднял руку:

-- Я могу понять, почему ты задаешь эти вопросы, и мог бы на них ответить, но будет лучше, если ты все увидишь своими глазами. Иди за мной.

Тарвиц последовал за своим командиром, и они прошли через всю Галерею Мечей, затем свернули в узкий боковой проход, все стены которого были

увешаны свитками пергаментов. На глиняных полосках были тщательно записаны все прошлые деяния воинов Легиона, и новички, прежде чем вступить в ряды Астартес, должны были заучивать описания славных сражений.

Дети Императора не только хранили память обо всех своих триумфах, они пропагандировали эти знания, поскольку совершенство воинских качеств Легиона было достойно всеобщего почитания.

— Тебе известно, почему я боролся с Девой Битвы? — спросил Эйдолон.

— Почему?

— Да, капитан, почему?

— Потому что так должен поступать каждый из Детей Императора.

— Объясни.

— Наши герои воодушевляют всех, шагая впереди. Остальные воины Легиона, вдохновленные их примером, идут следом. Они способны на это, поскольку наш Легион ведет сражение настолько искусно, что они не чувствуют себя уязвимыми, сражаясь на острие атаки.

— Превосходно, капитан, — улыбнулся

Эйдолон. -- Надо вменить тебе в обязанность инструктировать новичков. А ты сам мог бы воодушевлять других, идя впереди?

В сердце Тарвица вспыхнула неожиданная надежда

-- Конечно! Если мне представится возможность, я буду рад повести других. Но я не думал, что вы считаете меня достойным этой роли.

-- Я и не считаю, Тарвиц. Ты рядовой офицер, и ничего больше, -- протолкнул Эйдолон, разбивая хрупкую надежду Тарвица на предложение проявить отвагу в качестве лидера и героя.

-- Я сказал это не для того, чтобы тебя оскорбить, -- продолжал Эйдолон, прекрасно понимая, что уже нанес оскорбление. -- Такие люди, как ты, играют в нашем Легионе очень важную роль. Но я -- избранник Фүлгрита. Примарх отметил меня и поднял до того положения, которое я сейчас занимаю. Он посмотрел на меня и обнаружил те качества, которые необходимы командиру Детей Императора. А посмотрев на тебя,

не обнаружил этих черт. Вот потому, будучи избранником Фүлгрима, я понимаю свои обязательства так, как ты, капитан Тарвиц, их понять не можешь.

Эйдолон привел его к просторной лестничной площадке, с которой винтовая лестница спускалась в отделанный белым мрамором холл. Тарвиц узнал один из входов в корабельный апотекарион, куда несколько часов назад доставили раненых с Истванского Экстрануса.

— Я думаю, что вы недооцениваете меня, лорд-командир, — сказал Тарвиц. — Но для блага моих солдат я должен знать...

— Для блага твоих солдат ты все готовый на жертвы, — сурово бросил Эйдолон. — И для избранных эти жертвы очень велики. И главная из них — это сознание, что победа важнее всего.

— Командир, я не понимаю.

— Поймешь, — ответил Эйдолон и повел его через золоченую арку в центральный апотекарион.

— Книга? — переспросил Торгаддон.

— Книга, — повторил Локен. — Это улика. Эреб находится на корабле, мне это

точно известно.

Сутрачное помещение законченного после пожара третьего зала Архива было одним из немногих оставшихся на «Духе мщения» мест, где Локен, вспоминая долгие разговоры с Кириллом Зингерманном, еще чувствовал себя как дома. Он уже несколько недель не встречался с итератором и только надеялся, что пожилому человеку ничего не грозит и что он не пал жертвой Малогарста и его безликих солдат.

— Наверно, его скрывают Абагдон и все остальные, — предположил Торгадон.

— Как же мы до этого дошли? — вздохнул Локен. — Я готов отдать жизнь за Абагдона, и за Аксиманга тоже, и уверен, они бы сделали для меня то же самое.

— Гарвель, мы не можем на этом остановиться. Должен же быть какой-то выход. Мы можем снова собрать братство Морниваль или, по крайней мере, убедиться, что Воитель в курсе того, что затевает Эреб.

— Что бы это ни было.

- Да, что бы это ни было. Гость ложился или нет, но ему не место на нашем корабле. Разгадка должна быть в нем. Если мы отыщем Эреба, мы можем рассказать Воителю обо всем, что происходит, и покончить с этим.

- Ты в самом деле в это веришь?

- Не знаю, но это не удержит меня от попытки.

Торгаддон обвел взглядом помещение, притронулся пальцем к обуглившимся книгам и полкам.

- Почему ты настоял на встрече в этом месте? Здесь пахнет, как у погребального костра.

- Потому что сюда никто не приходит, - ответил Локен.

- И почему бы это? Такое приятное местечко!

- Тарик, оставь на время свои наставки. Когда-то Великий Крестовый Поход должен был нести просвещение в самые дальние уголки Галактики, а теперь он боится знаний. Чем больше мы узнаем, тем больше возникает вопросов, а чем больше спрашиваем, тем больше

понимает, несмотря на все нагромождения
лжи. Те, кто пытается нас
контролировать, боятся книг.

-- Утератор Локен, -- растеялся
Торгаддон, -- ты меня просвещаешь!

-- У меня был хороший учитель, --
сказал Локен и снова вспомнил о Кирилле
Зингерманне и о том, что все знания и
понятия, которыми он привык верить,
оказались настолько непрочными. -- Дело
не только в том, что Астартес грозит
раскол. Меняется все: философия,
идеология, даже религия -- абсолютно все.
Кирилл говорил, что Веку Раздора как
раз предшествовала эпоха всеобщей слепой
покорности. Мы пересекли Галактику,
чтобы нести мир и просвещение, но
причина наших неудач, возможно, в нас
самых.

Торгаддон повернулся и положил руку
на плечо своего друга.

-- Послушай, скоро нам предстоит
идти в бой на Устваане III, и, по
донесениям от Гвардии Смерти, во главе
вражеских войск стоят какие-то
психомонстры, которые убивают криком.

Эти существа стали нашими врагами не потому, что они читали не те книги или что-то в этом роде. Они наши враги потому, что так сказал Воитель. Давай на время забудет обо всем. Надо идти и сражаться. Это немного прояснит обстановку.

— А ты уже знаешь, входим ли мы в состав штурмовой группы?

— Воитель уже назначил отряды, входящие в штурмгруппу, и мы там есть. Похоже, что мы войдем и в состав общего наступления.

— Вот как? И это после всего, что произошло?

— Я тебя понимаю, но дареному коню в зубы не смотрят.

— Ну, по крайней мере, Десятая рота будет со мной.

Торгагдон покачал головой:

— Не совсем так. В штурмгруппу назначены не целые роты, а несколько разных отрядов.

— Почему?

— Потому что ему нравится удивленное выражение твоего лица.

- Тарик, будь хоть немного серьезнее.

Торгаддон пожал плечами:

- Воину виднее. Сражение предстоит не из легких. Нас выбросят прямо над городом.

- А как насчет Локасты?

- Ты их получишь. Все равно Винуса, по-моему, невозможно удержать на месте. Ты же его знаешь: если бы его оставили на корабле, он бы тайком пробрался в посадочную капсулу. В этом он похож на тебя: хорошая драка помогает ему прочистить мозги. После Устваана все встанет на свои места.

- Хорошо. Я чувствую себя гораздо лучше, когда спину прикрывает отделение Локасты.

- Похоже, тебе и в самом деле требуется помощь, -- устехнулся Торгаддон.

Локен тоже не смог удержаться от улыбки, но причиной была не столько шутка Торгаддона, сколько то, что, несмотря на все неприятности, Тарик остался таким же, каким был -- человеком, которому можно доверять, и

друзгом, на которого можно положиться.

— Ты прав, Тарик, — сказал Локен. — После Устваана все должно пойти по-другому.

Центральный апотекарион сверкал стеклом и сталью кабинетов, прилегающих к круглому помещению главной лаборатории. В одном из них в ожигании выетки геносемени стоял стазис-резервуар с растерзанным телом капитана Одовокара, и при виде его Тарвиц ощутил, как по спине пробежал холодок.

Эйдолон миновал лабораторный зал и по выложенному плитками коридору прошел в раззолоченный вестибюль, где главенствовало огромное мозаичное изображение победного боя Фүлгрима на Тарсусе, где примарх, несмотря на множество тяжелых ранений, одолел коварного эльдара.

Эйдолон поднял руку и нажал на один из цветных камешков, украшавших пояс примарха, а затем отступил назад, поскольку мозаичное панно отошло от стены, открыв освещенный проход и

ведущую вниз винтовую лестницу. Эйдолон, сделав знак рукой Тарвицу следовать за ним, начал спускаться. В отличие от остальных помещений «Андрониуса», здесь не было никаких украшений, а голубоватое сияние, как увидел Тарвиц, исходило снизу, словно источник света находился под лестницей. Дойдя почти до конца лестницы, Эйдолон обернулся.

— Вот, капитан Тарвиц, здесь ты получишь ответ на свой вопрос, — произнес он.

Голубое свечение исходило от высоких, до самого потолка, прозрачных цилиндров, стоящих вдоль стен комнаты. Каждый цилиндр был наполнен какой-то жидкостью, а в ней плавали неясные тени. Огни отдаленно напоминали человеческие силуэты, другие были похожи на отдельные части тела и органы. Центральную часть комнаты занимали лабораторные столы, заставленные оборудованием и приборами, о назначении которых Тарвиц мог только догадываться.

Он прошел вдоль ряда цилиндров и с поворотом поворачиваясь, увидев, что

некоторые заполнены раздувшейся плотью,
едва помещавшейся между стенок.

— Что это? — спросил он у Эйдолона,
ужасаясь виду чудовищных колб.

— Боюсь, что моих объяснений здесь
будет недостаточно, — ответил Эйдолон и
прошел к проему, за которым открылась
еще одна комната.

Тарвиц последовал за ним,
внимательно взглядываясь в содержимое
цилиндров. В одном он обнаружил тело,
сложением напоминавшее воина Астартеса,
но это был не труп, а, скорее, еще не
родившееся существо с расплывчатыми и
не до конца сформировавшимися чертами
лица.

В другом цилиндре заключалась
голова с огромными фасеточными
глазами, как у невиданного насекомого.
Приглядевшись внимательнее, Тарвиц с
тихим ужасом заметил, что глаза не
были вживлены в голову, поскольку нигде не
было ни одного шрама, а сам череп имел
соответствующие им очертания.

Их здесь выращивали.

Тарвиц подошел к последнему

цилиндр в ряд и в нем увидел колоссальный мозг с дополнительными долями, выступавшими как опухоли, и с отходящими от него гибкими трубками, по которым подавалась жидкая суспензия.

В следующей комнате было очень холодно, и вдоль стен выстроились металлические охлаждаемые шкафы. На мгновение Тарвиц задумался об их содержимом, но затем понял, что совершенно не хочет этого знать, поскольку воображение уже нарисовало ему разнообразные уродства и мутации. В центре комнаты стоял один хирургический стол, но достаточно большой, чтобы на него можно было положить любого из Астартес. Над столом с потолка свешивался набор всевозможных хирургических инструментов.

На поверхности стола располагались аккуратно вырезанные полоски мускульной ткани. Над ними склонился апотекарий Фабий, орудующий в темной массе плотными щипцами и иглами.

— Апотекарий, — окликнул его Эйдогон. — Капитан хотел бы узнать о

наших достижениях.

Фабий поднял голову, и на его глинном интеллигентном лице, обратленном светлыми волосами, появилось выражение крайнего удивления. Глаза аптекаря казались несколько неподходящими его лицу — маленькие и темные, они были так глубоко посажены, что походили на черные желчужины. Фабий был в глинном, до самого пола, врачебном балахоне, и только пятна крови тарали девственную белизну одеяния.

— Вот как? — сказал Фабий. — А я и не знал, что капитан Тарвиц принадлежит к нашей уважаемой компании.

— Он не принадлежит, — бросил Эйдолон. — Пока, по крайней мере.

— Тогда почему он здесь?

— Мои собственные изменения вышли наружу.

— А, понимаю, — кивнул Фабий.

— Что здесь происходит? — решительно спросил Тарвиц. — Что это за место?

Фабий приподнял одну бровь:

— Выходит, ты видел результаты

усиления твоего командира, это так?

-- Он стал псайкером? -- спросил Тарвиц.

-- Нет, нет, нет! -- растеялся Фабий. -- Ничего подобного. Способности лорда-командира явились результатом трахеотомии в сочетании с небольшим изменением генносеменного ритма. Сила лорда Эйдолона кроется в метаболических и химических процессах, а не в изменении психики.

-- Вы внесли изменения в геносема? -- выдохнул шокированный Тарвиц. -- Это же кровь нашего примарха... Если он узнает, чем вы здесь занимаетесь...

-- Не надо быть таким наивным, капитан, -- прервал его Фабий. -- Как ты думаешь, по чьему приказу мы продолжаем работу?

-- Нет! -- не унимался Тарвиц. -- Он бы не стал...

-- Вот потому я и решил тебе все показать, капитан, -- сказал Эйдолон. -- Ты помнишь зачистку Лаэрана?

-- Конечно, -- ответил Тарвиц.

-- Так вот, наш примарх видел, чего

достигли жители Лаэрана при помощи хитических и генетических манипуляций, направленных на усовершенствование физического строения. Тарвиц, лорд Фүлгрим имеет большие планы относительно нашего Легиона. Дети Императора не могут остановиться и почитать на лаврах, пока наши товарищи Астартес одерживают свои тусклые победы. Мы должны постоянно стремиться к совершенству, но мы первыми достигли того уровня, когда даже Астартес перестали удовлетворять высоким стандартам лорда Фүлгрима и требованиям Воителя. Чтобы достичь новых высот, мы должны меняться. Мы должны эволюционировать.

Тарвиц поднялся от операционного стола.

– Император в лице лорда Фүлгрима создал совершенного воина, и Астартес Легиона созданы по его подобию. К этому идеалу мы должны стремиться. А брать за образец стремление к совершенству расы ксеносов – это омерзительно.

– Омерзительно? – повторил

Эйдолон. -- Тарвиц, ты стел и дисциплинирован, и твои воины питают к тебе уважение, но тебе недостает воображения, чтобы представить, к чему может привести наша работа. Ты должен понять, что превосходство Легиона имеет гораздо большее значение, чем нравственная щепетильность.

В этом стелом заявлении прозвучало такое высокомерие, какого изумленный Тарвиц еще не замечал в характере Эйдолона.

-- Тарвиц, если бы не твое случайное присутствие при гибели Девы Битвы, ты никогда бы не получил такой возможности, -- продолжал Эйдолон. -- Ты должен понять, какие перед тобой открываются возможности.

Тарвиц твердо посмотрел на лорда-командира:

-- Что вы имеете в виду?

-- Теперь, когда тебе известно, что мы пытаемся сделать, ты, возможно, захочешь стать частью будущего нашего Легиона, а не оставаться просто одним из рядовых офицеров.

— Здесь не обойдется без риска, — заговорил Фабий, — но я могу сотворить чудеса с твоей плотью. Я могу превратить тебя в более значительную фигуру, я могу помочь тебе приблизиться к совершенству.

Тарвиц смотрел на двух воинов, стоявших перед ним. Оба они были избраны Фүлгримом, и оба были прекрасными образцами неустанного стремления к совершенству, как и подобало Детям Императора.

Затем он понял, что очень, очень далек от совершенства, как эти двое себе его представляют, и впервые обрадовался своему недостатку, если это действительно был недостаток.

— Нет, — сказал он, пнясь. — Это... неправильно. Разве вы сами не понимаете?

— Что ж, хорошо, — ответил Эйдолон. — Ты сделал свой выбор, и он меня не удивляет. Будь по-твоему. Теперь ты можешь уйти, но я приказываю никому не рассказывать о том, что ты здесь увидел. Возвращайся к своим воинам, Тарвиц. Цстваан III сүлит нам тяжкие

испытания.

— Да, командир, — ответил Тарвиц, безмерно радуясь возможности покинуть эту комнату ужасов.

Тарвиц отдал честь и выбежал из лаборатории, чувствуя на себе взгляды заключенных в огромные колбы существ.

Уже оказавшись под ярким светом лампы апотекариона, он понял, что его испытывали.

Выдержал он это испытание или провалился — это уже совсем другое дело.

Глава 7

МАШИНА БОГА

УСЛУГА

ОТГОВОРКА

Ощущение холода, скользнувшего в голову, было для Кассара чем-то вроде дружеского пожатия, придающего уверенность. Для большинства людей металлическая ласка «Дня ярости», когда глубокий интерфейс машины подключается к человеческому сознанию, могла бы показаться жуткой, но для модератора Титуса Кассара это было одним из самых привычных ощущений в Галактике.

Связь с машиной и Божественное Откровение...

Командная рубка титана была освещена лишь неярким светом, струящимся от панели управления и контрольных приборов, окрашивающим все помещение синими и зелеными полосами. Механикулы были заняты своими делами,

а их агенты, нагвинув капюшоны, трудились в недрах титана. Рабочая команда, регулирующая плазменный реактор в самом сердце военной машины, готовила «Диес ире» к сражениям с того момента, как «Дух мщения» вынырнул из варна в системе Устваан, и приборы сообщали, что основные системы титана готовы к работе.

Кассар радовался любому улучшению в боевой машине, но где-то в глубине души возникало негодование при мысли, что кто-то другой прикасается к его титану. Нитевидные датчики интерфейса глубже проникли в его мозг и послали внезапную волну холода. Системы титана словно стали частью тела модератора. Плазменный реактор тихонько тикал на холостом ходу, и по команде посредника его сдерживаемая мощь была готова излиться в боевой ярости.

— Двигательные системы немного ослабли, — сказал Кассар самому себе и добавил давления в колоссальные гидравлические узлы корпуса и ног титана. — Орудия разогреты, боезапас

загружен, -- продолжал он, сознавая, что
может привести в действие все оружие
одним лишь мысленным приказом.

Он уважал мощь и величие «Диес ире»
как воплощение силы самого Императора.
Сначала он не воспринимал всерьез
утверждения Уоны Арүкена и настежался
наг его предположением, что титан
обладает душой, но со временем это
становилось все более и более очевидным, и
не зря выбор святой пал именно на него.

Божественное Откровение оказалось
пог угрозой, и верующим приходится себя
защищать. Кассар едва не застесался, едва
эта мысль оформилась в голове, но то,
что произошло на медицинской палубе,
лишь укрепило его убежденность в
правильности выбранного пути.

Титан был воплощением силы,
лицетворением божественной ярости,
машинной Бога, которая несла
справедливый суд Императора грешникам
Устваана.

-- Император защищает, -- прошептал
Кассар, и его голос проплыл перед глазами,
как еще одна полоса неяркого света. -- У

разрушает.

— И сейчас тоже?

Кассар вздрогнул, и системы титана отступили вглубь его сознания. Неожиданно испугавшись, Тимус приподнял голову, но тотчас облегченно выдохнул, увидев напарника, Цонү Арүкена.

Арүкен щелкнул выключателем, и в рубке стало светло.

— Тимус, тебе надо быть осторожнее, неизвестно, кто может тебя услышать.

— Я осуществлял проверку систем перед сражением, — заявил Кассар.

— Ну конечно, Тимус. Если бы принцес Түрнет услышал, что ты высказываешь такие мысли, тебе бы здорово досталось.

— Мои мысли касаются только меня, Цона. Даже принцес не может запретить мне думать.

— Ты в самом деле в это веришь? Брось, Тимус. Ты прекрасно знаешь, что пропаганда нашей веры не приветствуется на корабле. На медицинской палубе нам повезло, но угроза нигде не делась. Наоборот, опасность становится все

ближе.

— Теперь мы не можем повернуть назад, — сказал Кассар. — Особенно после того, что мы увидели.

— Я уже не уверен, что я что-то видел, — уклончиво заметил Арүкен.

— Ты шутишь?

— Нет, — буркнул Арүкен, — я не шучу. Послушай, я говорю это тебе, потому что ты хороший человек и «Диес ире» пострадает, если тебя здесь не будет. Машине нужна хорошая команда, а ты — ее часть.

— Не увиливай от темы, — одернул его Кассар. — Мы оба понимаем, что на медицинской палубе произошло чудо. Ты должен принять это, прежде чем Император войдет в твое сердце.

— Титүс, я слышал кое-какие сплетни на палубе, — сказал Арүкен, наклоняясь к Кассару. — Турнет задает вопросы. Касающиеся нас. Он расспрашивает, насколько серьезно мы увлеклись, он подозревает, что мы стали членами тайной организации.

— Ну и пусть подозревает.

– Ты не понимаешь. В бою мы всегда были отличной командой, а если мы... ну, не знаю... попадем под замок или, еще хуже, команда распадется, а для «Диес ире» не может быть лучшего экипажа, чем мы. Нельзя, чтобы вера мешала нам работать. От этого может пострадать Великий Крестовый Поход.

– Моя вера не позволяет мне идти на компромисс, Уона.

– Ну, вот опять. Твоя вера.

– Нет, – решительно тряхнул головой Тимус. – Это и твоя вера, Уона, только ты сам этого еще не понимаешь.

Арүкен ничего не ответил и плюхнулся в свое кресло, а затем кивнул на приборную панель:

– Как она себя чувствует?

– Хорошо. Реактор работает ровно, а система наведения реагирует быстрее, чем когда бы то ни было. Механикумы кое-что доработали, так что появилось несколько дополнительных звонков и свистков, чтобы не скучать.

– Тимус, ты так говоришь, будто это плохо. Механикумы знают, что делают. В

любом случае, я слышал, что до спуска на поверхность осталось двенадцать часов. Мы будем поддерживать Гвардию Смерти. Принцесс Турнет соберет нас на инструктаж через несколько часов, но, похоже, опять предстоит провести предварительную бомбардировку, чтобы напугать страху на врагов. Как тебе это нравится?

- Мне вообще нравится сражаться.

- «Диес ире» тоже любит, когда вокруг порхают снаряды, - сказал Арүкен.

- Это напоминает мне, почему я был так горд собой, - сказал Локен, окидывая взглядом воинов штурмовой группы, собравшихся на пусковой палубе «Духа мщения». - Я гордился принадлежностью к Морнивалю и тем, что я - часть всего этого.

- А я и сейчас горжусь, - отозвался Торгадгон. - Это мой Легион. Это не изменилось.

Локен и Торгадгон, полностью экипированные и готовые к высадке, стояли во главе отряда Астартес. Здесь присутствовало более трети Легиона.

тысячи воинов, готовые к битве. Рядом с ветеранами Локен видел и недавно принятых новичков, штурмовиков с ценными мечами и громогласными прыжковыми ранцами, и воинов отряда огневой поддержки, несущих тяжелые болтеры и лазганы.

Сержант Лахост продолжал инструктировать команду связистов, в очередной раз объясняя важность сохранения связи с «Духом тишины» в том момент, когда они приземлятся в Хорале.

Апотекарий Вагдон проверял и перепроверял медицинское оборудование, аптециум со связкой щупов и редуктор для забора геносемени у павших воинов.

Цактон Круз, занимавший должность капитана так долго, что достиг невиданного для Астартес возраста, и до сих пор считавший себя воином, назидательным тоном вещал группе новичков о былой славе Легиона, которую они должны поддерживать.

— И все же я бы чувствовал себя увереннее с Десятой, — произнес Локен, снова обращаясь к своему другу.

-- А я -- со Второй, -- ответил Торгадгон, -- но мы не всегда получаем то, что хотим.

-- Гарви! -- раздался рядом знакомый голос.

Локен, обернувшись, увидел подошедшего Неро Винуса, который предоставил ветеранам Локасты самим заканчивать подготовку к высадке.

-- Неро, -- откликнулся Локен, -- я рад, что ты с нами.

Винус хлопнул Локена по наплечнику механической рукой, стенившей живую после ранения на Шестьдесят Три Девятнадцать.

-- Я бы ни за что не пропустил такое событие.

-- Я тебя понимаю, -- ответил Локен.

Много времени прошло с тех пор, как они получили назначение на «Дух тишины» и стали считать себя братьями, всегда готовыми сражаться по приказу Императора. Неро Винус и Гарвель Локен сдружили еще с тех незапамятных времен, когда были выбраны кандидатами в Легион Лунных Волков, и каждый был рад

будет друга рядом.

-- Ты слышал донесения с
истваанского Экстрануса? -- возбужденно
сверкая глазами, спросил Винус.

-- Кое-что слышал.

-- Говорят, что во главе вражеских
войск стоит какая-то каста псайкеров и
все солдаты -- сплошные фанатики. Не
могу даже подумать об этом без злости.

-- Не беспокойся, -- вступил в разговор
Торгаддон. -- Я уверен, ты всех их
перебьешь.

-- Неужели опять будет как на
Давине? -- проворчал Винус, недовольно
скала зубы.

-- Это не похоже на Давин, -- заверил
его Локен. -- Совсем не похоже.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Для начала, там нет этих
проклятых болот, -- вмешался Торгаддон.

-- Гарви, для отделения Локасты было
бы большой честью, если бы ты шел в бой с
нами, -- с надеждой произнес Винус. -- У
меня в десантной капсуле есть свободное
место.

-- И для меня это будет честью, --

ответил Локен, пожмая руку друга и обдумывая неожиданно возникшую мысль. -- Рассчитывай на меня.

Он кивнул грузьям и стал пробираться сквозь свету пусковой палубы к одинокой фигуре Цактона Круза. Астартес, которого в Легионе прозвали Вполуха, с нескрываемой завистью наблюдал за подготовкой к высадке на планету, и Локен почувствовал почтенному воину. Круз на собственном примере демонстрировал, как мало даже апотекарии Легиона знают о физиологии Астартес. Его лицо было покрыто шрамами и морщинами, как кора старого дуба, зато тело до сих пор оставалось по-волчьему поджарым и закаленным годами сражений и с возрастом ничуть не ослабело. Астартес считались функционально бессмертными, а это означало, что их служба заканчивается гибелью в бою, и от этой титолетной мысли по спине Локена пробежал холодок.

-- Локен, -- приветствовал его Круз.

-- А ты не собираешься десантироваться вместе с нами, чтобы

полюбоваться видами Храма Испытания? --
спросил Локен.

-- Увы, нет, -- ответил Круз. -- Мне
приказано остаться и ждать приказов.
Мне даже не досталось места в корпусе
сил утиротворения.

-- Кактон, если у Воителя нет на
тебя никаких планов, то, может быть, ты
окажешь мне небольшую услугу? -- спросил
Локен. -- Я был бы тебе весьма
признателен.

Круз прищурился:

-- А что за услуга?

-- Ничего невозможного, это я могу
тебе обещать.

-- Тогда говори.

-- На борту остаются летописцы,
возможно, ты о них слышал: Мерсади
Олитон, Эфратия Киулер и Кирилл
Зиндерманн.

-- Да, я их знаю, -- подтвердил Круз. --
И что с ними?

-- Они... мои друзья, и я счел бы за
честь, если бы ты их разыскал и
пристотрел за ними. Просто убедись, что
они в порядке.

— А почему ты заботишься об этих мертвых, капитан?

— Они заставляют меня быть честным, — улыбнулся Локен, — и напоминают о том, что значит быть Астартес.

— Тогда я могу тебя понять, Локен, — кивнул Круз. — Наш Легион меняется, мой мальчик. Знаю, я уже наскучил тебе этими разговорами, но я костью чувствую, что на горизонте собираются тучи, которых мы не видим. Если эти люди помогут нам оставаться честными, для меня этого достаточно. Считай, что дело сделано, капитан Локен.

— Спасибо, Цактон, — сказал Локен. — Для меня это очень много значит.

— Не стоит благодарности, мальчик, — устехнулся Круз. — А теперь иди и убивай ради живых.

— Я так и сделаю, — пообещал Локен и сжал запястье Круза в воинском приветствии.

— Хорошей тебе охоты в Храме Испытания, — сказал на прощание Круз. — Лүперкаль!

— Лүперкаль! — ответил Локен.

Локен направился к десантной капсуле Локасты, и на мгновение ему показалось, что все события Давина забыты, а он снова стал просто воином. Ему предстояло сражение, которое необходимо выиграть, и встреча с врагами, которых надо уничтожить.

Локену потребовалась новая война, чтобы снова ощутить себя одним из Сынов Хоруса.

— За победу! — крикнул Люций.

Дети Императора были настолько уверены в совершенстве своих способностей ведения войны, что провозглашать тоasty за победу до того, как она была выиграна, стало для них традицией. И то, что Люций устроил праздник, не удивило Тарвица. К застолью присоединились многие из старших офицеров, а Люций больше всего хотел, чтобы его заметили. Сидящие за столом поддержали его тосты, и их радостные крики эхо отразило от белых алебастровых стен банкетного зала. Зал был украшен трофейными знаменами, парадным оружием избранных Фүлгритам.

и живописными полотнами, на которых герои Легиона расправлялись с ксеносами. Все это должно было напоминать воинам о славных победах.

Сам примарх не присутствовал на торжестве, и его место во главе стола занял Эйдолон. Люций явно был в ударе, сыпал шутками, произносил тосты, и золотые кубки с прекрасным вином звенели почти непрерывно.

Тарвиц оставил свой кубок и поднялся из-за стола.

— Уже уходишь, Тарвиц? — насмешливо спросил Эйдолон.

— Ты что! — вмешался Люций. — Мы же только начали праздновать!

— Я уверен, ты отпразднуешь за нас обоих, Люций, — сказал Тарвиц. — У меня перед высадкой на поверхность еще есть кое-какие дела.

— Чепуха! — возразил Люций. — Ты должен остаться и попотчевать нас воспоминаниями об Убийце, рассказать, как я помог тебе отразить нашествие мегарахнидов.

— Почему бы тебе самому не

рассказать эту историю, Люций? —
спросил Тарвиц. — Мне кажется, я
недостаточно полно отражал твое
участие в этом деле.

— Это верно, — устехнулся Люций. —
Ну, хорошо, я обо всем расскажу сам.

— Лорд-командир, — поклонился
Тарвиц и вышел из банкетного зала через
раззолоченные двери.

Затронуть тщеславие Люция —
лучший способ отвлечь его внимание.
Тарвиц решил пропустить веселую
братскую пиршечку, поскольку сейчас его
мысли занимали совсем другие дела.

Когда он закрывал за собой дверь в
банкетный зал, Люций уже начал
повествование о неудачной экспедиции на
Убийцу, угрожающее начало которой
обратилось великим триумфом, главным
образом благодаря Люцию, конечно.

В великодушных помещениях
«Андрониуса» царила тишина, а ровное
гуление двигателей усиливало ощущение
надежности корабля. «Андрониус», как и
многие другие суда Демей Императора,
был оформлен в стиле древних дворцов

Серры, что отражало желание примарха окружить своих воинов царственным величием.

Тарвиц шагал по палубам корабля, минув такие чудесные покои, при виде которых кораблестроители Юпитера зарыдали бы от восторга, пока не достигли дверей Ритуального зала, где Дети Императора давали клятвы и совершали обряды, связывающие их с Легионом. По сравнению с другими помещениями Ритуальный зал выглядел сумрачным, но не уступал ни одному из них в великолепии: мраморные колонны поддерживали высокий сводчатый потолок, а ритуальные алтари поблескивали в темноте.

Здесь Дети Императора приносили клятвы верности примарху, и здесь перед Военским алтарем Саул Тарвиц был возведен в чин капитана. Торжественность Ритуального зала компенсировала недостаточную пышность его убранства. Убранство помещения наводило на мысли о строгой тайне, скрытой от всех, кроме высших офицеров.

Возле алтаря Обрядов громоздилась бронированная фигура, в которой Тарвиц без труда узнал Древнего Риланора. Капитан остановился на пороге.

— Входи, — раздался механический голос Риланора.

Тарвиц осторожно приблизился к Древнему. При ближайшем рассмотрении темный прямоугольник, напоминающий очертаниями танк, оказался почти квадратным саркофагом, взгромодившимся на пару поршневых ног. На широких плечах гредноута с одной стороны была установлена скорострельная пушка, а с другой — могучий таран с гидравлическим усилителем. Корпус Риланора медленно повернулся по центральной оси фронтальной броней к Тарвицу, оставив «Книгу Церемоний» открытой на алтаре.

— Капитан Тарвиц, почему ты не остался со своими воинами? — спросил Риланор.

Стотрвая щель в корпусе не могла выразить никаких эмоций.

— Они и без меня хорошо

отпраздну́ют, -- ответил Тарвиц. -- Кроме того, я слишком часто слышал рассказы о былых сражениях в изложении Люция, чтобы узнать из них что-то новенькое.

-- Да, мне это тоже не по вкусу, -- сказал Риланор, и из его вокс-узла раздался грохочущий кашель.

Сначала Тарвиц решил, что система Риланора дала сбой и канал вокса воспроизвел помехи, но затем понял, что так прозвучал стех Риланора.

Риланор был в Легионе распорядителем обрядов и в промежутках между боями проводил церемонии, отмечающие постепенное продвижение Астартес от новичка до избранника Фүлгрита. Несколько десятилетий назад, в сражении с коварным эльдаром, Риланор получил тяжелое ранение, с которым не смогли справиться апотекарии Легиона, и тогда воина заключили в корпус гредноута, чтобы он мог продолжать службу. Наряду с Люцием и Тарвицем он был одним из старших офицеров, назначенных штурмовать дворцовый комплекс в Хорале.

-- Я бы хотел поговорить с тобой, уважаемый Риланор, -- сказал Тарвиц. -- Поговорить о высадке.

-- Операция начнется через несколько часов, -- ответил Риланор. -- Осталось не так уж много времени.

-- Да, я слишком задержался на празднестве и приношу за это свои извинения. Но я хотел поговорить с капитане Одовокаре.

-- Капитан Одовокар мертв, он погиб на истванском Экстранусе.

-- И в этот день Легион лишился великого воина, -- кивнул Тарвиц. -- И не только воина, поскольку он был старшим офицером штаба Эйдолона на борту «Андрониуса» и передавал приказы командиру на поверхность. После его гибели никому выполнять эту обязанность.

-- Эйдолон осведомлен о смерти Одовокара. Он найдет ему замену.

-- Я прошу оказать мне честь и назначить на эту должность, -- торжественно произнес Тарвиц. -- Я хорошо знал Одовокара и хотел бы отдать должное его памяти, закончив ту работу.

которую он начал в этой кампании.

Бронированный корпус склонился к Тарвицу, холодная поверхность металла не выражала никаких эмоций, как не выражал их и находящийся внутри покалеченный воин, который сейчас решал судьбу капитана.

— Ты согласен отказаться от чести занять место в штурмовой группе ради выполнения его обязанностей?

Тарвиц смотрел в прорезь корпуса Риланора и старался сохранить безучастное выражение лица. Риланор видел все, что пришлось пережить Легиону с самого начала Великого Крестового Похода, и, как говорили, был способен распознать ложь в тот самый момент, когда ее произносили.

Желание остаться на борту «Андрониуса» было слишком необычным, и Риланор, несомненно, мог заподозрить Тарвица в неискренности относительно причин, по которым он отказывался участвовать в битве. Но когда Тарвиц узнал, что Эйдогон не намерен лично руководить высадкой штурмгруппы, он

понял, что этому должны быть серьезные основания. Лорд-командир никогда не упускал возможности продемонстрировать свое воинское искусство, а чтобы он позволил кому-то другому занять его место — это было просто невероятно.

Кроме того, приказ о фортировании штурмовой группы, оглашенный Эйдолоном, выглядел совершенно абсурдно.

Вместо досконально продуманного боевого порядка, характерного для Демей Императора, для первой атаки были выбраны случайные подразделения — так могло показаться с первого взгляда. Только одно обстоятельство было для них общим: среди них не было ни одного отряда, которым командовали бы офицеры, пользующиеся благосклонностью Эйдолона. Но для них это было бы величайшим оскорблением со стороны лорда-командира.

Что-то в планировании этой операции казалось Тарвицу ужасно неправильным, и он никак не мог отделаться от ощущения, что необычный выбор подразделений преследует какую-то странную цель. Он должен был узнать, в

чем дело.

Наконец Риланор выпрямился.

— Я прослежу, чтобы тебе нашли замену. Ты решился на великую жертву, капитан Тарвиц, и этим оказываешь достойные почести погибшему Одовокару.

Тарвиц с трудом сдержал вздох облегчения, сознавая, что сильно рисковал, отважившись солгать Риланору.

— Прими мою благодарность, Древний, — произнес он.

— А я пойду к воинам штурмгруппы, — сказал Риланор. — Их праздник уже скоро закончится, и я должен удостовериться, что все готовы к сражению.

— Покажите совершенство горожанам Хорала, — пожелал ему Тарвиц.

— Хорошенько направляйте нас, — ответил Риланор, и в его тоне послышался непонятный намек.

Внезапно Тарвиц почувствовал уверенность в том, что Риланор хотел оставить его на корабле.

— Выполняй волю Императора, капитан Тарвиц, — напутствовал его Риланор.

— Слушаюсь, — ответил Тарвиц и отдал честь. Древний Руланор, тяжело и громко ступая, пересек Ритуальный зал и направился на банкет.

Тарвиц проводил его взглядом, гадая, увидит ли Древнего снова.

В крошечных закутках, прячущихся в толстых стенах вдоль сигнального мостика, было темно и душно. От самого входа Мерсаги видела расположенное ниже машинное отделение, где блестящие от жара рабочие трудились в адской жаре и красноватых отсветах плазменного реактора. Они сновали по мосткам, перекинутым между гигантскими машинами, и карабкались в зловещем полутраке по массивным трубопроводам, напотивавшим огромную паутину.

Мерсаги стахнула с бровей капельки пота. В пересушенном неподвижном воздухе с непривычки трудно было дышать, а к горлу подкатывала тошнота.

— Мерсаги! — окликнул ее знакомый голос.

Кирилл Зингерманн выглядел сильно измученным, грязное одеяние свободно

болталось на его узких плечах, но взглянув
лучился радостью при виде старой
знакомой. Они дружески обнялись и долго
не могли найти слов. У Мерсади при виде
старика защипало глаза, и только тогда
она поняла, как сильно по нему скучала.

— Кирилл, как я рада видеть вас
снова, — всхлинула она. — Вы так
неожиданно исчезли, я уже подумала, что
они добрались и до вас. Я не знала, что
произошло.

— Ну-ну, Мерсади, — постарался
успокоить ее Зингерманн. — Все в порядке.
Мне очень жаль, что я не сумел послать
тебе тогда весточку. Только пойти, если
бы у меня был выбор, я бы сделал все что
угодно, лишь бы не втягивать тебя в это
дело, но я уже не знаю, что еще
предпринять. Мы не можем вечно
прятать ее здесь.

Мерсади заглянула за дверь спальни,
возле которой они стояли. Она очень
хотела бы набраться смелости и
поверить, как верил Кирилл.

— Император, не говорите глупостей.
Я рада, что вы со мной связались. Я

дүмала... Я дүмала, что Малогарст или
Маггарг вас үбили.

— Маггарг был очень близок к этому, —
сказал Зингерманн. — Но святая спасла
нас.

— Она спасла вас? — үдивилась
Мерсаги. — Как?

— Я точно не знаю, но это выглядело
примерно так же, как в третьем зале
Архива. В ней была сила Императора.
Мерсаги, я видел это так ясно, как сейчас
вижу тебя! Как бы я хотел, чтобы ты
тоже это видела!

— У я бы этого хотела, — неожиданно
для себя искренне ответила Мерсаги.

Она вошла в спальню и посмотрела на
неподвижное тело Эүфратии Киилер,
лежащее на узкой кровати. Любой, кто ее
үвидел бы, решил, что она просто спит.
Маленькая комната выглядела тесной и
грязной, а рядом с кроватью было
расстелено тонкое одеяло.

Через небольшой иллюминатор падал
мерцающий звездный свет. Иллюминатор
был большой редкостью для нижних палуб
огромного корабля. Мерсаги поняла, что

кто-то с радостью отдал эту привилегию святой и ее спутнику.

Даже здесь, в темных и затхлых отсеках, вера процветала.

— Я бы хотела поверить, — сказала Мерсади, наблюдая, как ритмично поднимается и опускается грудь Эуфратии.

— А ты не веришь? — спросил Зиндертманн.

— Не знаю, — призналась она, качнув головой. — Скажите, почему я должна верить? Что вам дает вера, Кирилл?

Он улыбнулся и взял ее за руку.

— Она дает нечто, за что я могу держаться. На корабле есть люди, которые хотели бы ее убить... и я как-то, только не спрашивай, как именно, понял, что должен ее спасти.

— Разве вам не страшно? — снова спросила она.

— Страшно? — переспросил он. — Я еще никогда в жизни не был так перепуган, моя милая, но у меня есть надежда, что Император заботится обо мне. Это дает мне силы и волю преодолеть страх.

— Вы замечательный человек,
Кирилл.

— Я вовсе не замечательный,
Мерсади, — сказал он, покачивая головой. —
Просто мне повезло. Я видел, что сделала
святая, так что вера легко пришла ко мне.
Ты не видела ничего, так что тебе
придется труднее. Ты должна просто
принять тот факт, что Император
действует через Эуфратию, но ведь ты не
веришь, не так ли?

Мерсади отвернулась от
Зиндертанна, высвободила свою ладонь из
его пальцев и посмотрела сквозь
иллюминатор в темноту космоса.

— Нет. Я не могу. Пока еще не могу.
Белая полоска света мелькнула в
темноте, словно падающая звезда.

— Что это? — спросила Мерсади.
Зиндертанн склонился к иллюминатору,
чтобы лучше видеть.

Несмотря на очевидные признаки
истощения, старик-император излучал
прежнюю силу, которую раньше Мерсади
принимала как должное, и она не
удержалась, чтобы не моргнуть.

запечатлевая в ячейке памяти решимость и смелость в выражении его лица.

— Десантные капсулы, — сказал Зингерманн, указав на сверкающую серебряную каплю, недвижно висящую в бархатной тьме космоса рядом с голубоватой кроткой атмосферы Устваана III. От капли к поверхности планеты устремлялись крохотные искорки.

— Я думаю, что это «Андрониус», флагманский корабль Фүлгрита, — добавил Зингерманн. — Похоже, началось вторжение, о котором мы столько слышали. Представь, как было бы здорово, если бы мы могли за ним наблюдать...

Но тут Эүфратия застонала, и атака на Устваан III была мгновенно забыта. Император и Мерсади одновременно шагнули к кровати и присели на краешек. Мерсади наблюдала, каким заботливым жестом Зингерманн протокнул испарину со лба Эүфратии. Кожа ее была такой чистой, что, казалось, светилась изнутри.

На краткий миг Мерсади поняла,

почему люди смогли посчитать
Дуфратию святой: ее тела, такого
бледного и хрупкого, окружающий мир
совершенно не касался. Мерсади знала
Дуфратию -- бесстрашную женщину,
которая никогда не боялась высказывать
свои мысли и нарушала любые правила
ради потрясающих пиктов, которые
прославили ее как летописца. Но теперь
она стала совсем другой.

-- Она приходит в себя? -- спросила
Мерсади.

-- Нет, -- печально ответил
Зиндертанн. -- Она порой произносит
какие-нибудь звуки, но никогда не
открывает глаза. Так жаль! Порой я могу
поклясться, что она вот-вот очнется, но
затем она снова погружается в это
состояние, и кто знает, что творится в ее
голове.

Мерсади вздохнула и снова
посмотрела в космос. Сотни сияющих
огоньков неслись в сторону Устваана III.

Затем корабль стал отдаляться от
планеты.

-- Локен... -- прошептала она.

Город Хорал был великоленен.

Он являл собой шедевр зодчества, светлый и просторный, такой гармоничный, что Нитер Эгон Момус утешал Воителя штурмовать его как можно бережнее. Город был построен за целое тысячелетие до того, как Империя присягнул на верность Императору, а теперь его проспектам и улицам предстояло превратиться в поля кровавых сражений.

И Хорал до сих пор оставался городом богов, словно и не был никогда приведен к Согласию.

Дворец	Регента	--
головокружительное	сооружение	из
сверкающих мраморных плит и арок,		
отражающих солнце, -- разворачивался к		
небю, словно гигантская орхидея, и особняки		
из полированного гранита в богатых		
городских кварталах толпились вокруг,		
как преданные поклонники. Момус называл		
город глотком власти и славе, символом		
божественного права, которое вскоре		
воцарится на Устваане.		

Вдали от дворца и архитектурных

красот центра раскинулись многоэтажные жилые комплексы. Бесчисленные мосты и трубопроводы из стекла и стали пролегли над широкими зелеными бульварами и кварталами, где проживала большая часть горожан.

Промышленный район взбирался на восточный склон горного хребта, и дым высоких труб сигнализировал о готовности многочисленных оружейных фабрик обеспечить всем необходимым армию планеты. Война дышала в затылок, и каждый истребитель готовился принять участие в сражениях.

Но никакие красоты Хорала не могли сравниться с Храмом Испытания.

Даже роскошь дворца не могла затмить величие Храма Испытания, а его высокие массивные стены доминировали над всем городом. Грандиозный комплекс зданий своей массивностью подавлял все постройки вокруг, и священные башни Храма Испытания могли соперничать даже с покрытыми снегом горными вершинами. Облака царапали брюхо о шпили

тавзолеев, стены которых были украшены монументальными скульптурными композициями, рассказывающими о легендарном прошлом Устваана.

А легенды гласили, что Устваан своей песней пробудил мир к жизни, и эту музыку до сих пор могут слышать Девы Битвы. Из музыки Устваана родились бесчисленные дети, которые и населяли мир в ранние века. Так же возникли день и ночь, океан и горы, тысячи легенд,дыхание которых каждое мгновение слышится в городе Хорал.

Темные барельефы повествовали об Утраченных Детях – сыновьях и дочерях, отвергших своего родителя и в наказание изгнанных на бесплодные просторы пятой планеты. Там Утраченные превратились в чужовиц, сгорающих от зависти и тоскующих о потерянном рае.

Война, предательство, разрушение и смерть -- все они оплетали Храм Испытания в бесконечных витках мифов, их тяжесть привязывала город Хорал к земле Устваана и вселяла священное чувство долга в каждого его жителя.

Говорили, что боги Устваана снят в Храме Испытания и напевают свои кровожадные песни в кошмарных снах детей и стариков.

Долгое время легенды и мифы оставались далекими, как и положено мифам, но сейчас они овладели мыслями жителей Хорала, и каждое дуновение ветра пронзительно возвещало о возвращении Утраченных Детей.

Не задаваясь никакими вопросами, население Устваана III стало усиленно вооружаться и под командованием Баргуса Праала готовилось защитить свой город. Армия отлично экипированных солдат ожидала появления захватчиков на западных подступах к городу, где Дева Битвы своим пением возвела целую сеть земляных укреплений.

Артиллерийские позиции обосновались в сверкающих городских каньонах и направили дула орудий на запад, чтобы вбить захватчиков в землю еще до того, как они достигнут линии укреплений. Затем воины Хорала уничтожат всех, кто уцелеет.

тщательно выверенным перекрестным огнем.

Все оборонительные рубежи сооружались на западе -- единственном направлении, откуда было возможно вражеское вторжение.

Но крайней мере, так говорили людям, строившим укрепления.

Огонь в небе, появившийся перед рассветом, стал первым знамением.

В кроваво-красных лучах поднимавшегося солнца вспыхнула россыпь падающих звезд, оставлявших на небосклоне светящиеся дорожки огненных слез.

Часовые в окнах видели, как падают пылающие копья, и первая объятая пламенем десантная капсула рухнула на землю, подняв фонтан грязи.

Едва ли не со скоростью молнии по городу распространился слух о возвращении Утраченных Детей и о свершении древнего пророчества.

Слухи полностью подтвердились, когда десантные капсулы раскрылись и оттуда вышли Астартес Легиона Гвардии

Смерти.

И началась резня.

Часть вторая
ГОРОД ХОРАЛ

Глава 8

СОЛДАТЫ ПРЕУСПОДНЕЙ РЕЗНЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

-- Тридцать секунд! -- прокричал Винус, но его голос был едва слышен в реве реактивных двигателей десантной капсулы, вошедшей в атмосферу Устваана JJJ.

Локен бросил взгляд на освещенных красноватым светом Астартес и попробовал представить, как они будут выглядеть в глазах жителей Хорала, когда начнется атака, -- воинами другого племени, солдатами из преусподней.

-- Ты видишь нашу посадочную площадку? -- спросил Локен, стараясь перекричать шум.

Винус взглянул на показания пиктограмм экрана, висящего у него над головой.

-- Немного сносит! Мы попадем в цель, но не в самый центр. Ненавижу эти штучки! Куда лучше высаживаться со

штюрмкатера!

Локен ничего не ответил. Он едва слышал Винуса, поскольку капсула уже летела в плотных слоях атмосферы и рев двигателей стал просто оглушающим. Колоссальные силы, противодействующие движению, стали грохотом и огнем, капсула грозила и стала нагреваться.

Последние минуты полета прошли в оглушительном реве, и Локен не видел врага, с которым ему предстоит сражаться, и не имел возможности контролировать свою судьбу до тех пор, пока капсула не ударится о землю.

Неро был прав, предпочитая десантироваться со штюрмкатера, да и любой Астартес выбрал бы исключительную точность посадки этих летательных аппаратов, а не такой головокружительный спуск с неба на землю.

Но Воитель решил, что высадка будет осуществляться десантными капсулами, и на то -- Локен не мог не признать -- была своя причина, поскольку тысячи Астартес, внезапно ворвавшиеся в

зущу защитников, могли нанести гораздо больший моральный урон. Локену только осталось дожидаться того момента, когда десантная капсула ударится о землю и привязные ремни отстегнутся.

Он крепче сжал болтер и в десятый раз проверил висевший на бедре цепной меч. Локен был готов к бою.

-- Покаста, осталось десять секунд! -- крикнул Винус.

Но уже через секунду капсула ударилась с такой силой, что голова Локена резко дернулась назад. Внезапно грохот стих и стало темно.

Первого врага Люций убил, даже не сбившись с шага.

Доспехи противника были словно из стекла -- такие же блестящие и прозрачные, и лезвие его алебарды тоже выглядело стеклянным. Лицо прикрывал прозрачный щиток со свинцовой вставкой на месте рта, украшенной имитацией зубов из треугольных драгоценных камней.

Люций выдернул свой окровавленный меч из тела врага, и солдат рухнул на землю. Над ним висилась резная

императорская арка, казавшаяся розовой в
внутренних лучах солнца, а вокруг еще не
улеглись облака пыли и мусора, поднятые
десантной капсулой, из которой только
что выпрыгнул Люций.

Перед Люцием простирался Дворец
Регента -- удивительный и огромный
каменный цветок с высоким изогнутым
спином в центре, похожим на
разворачивающийся каменный лепесток.

Позади Люция, на площадке перед
северным входом во дворец, с грохотом
приземлялись десантные капсулы. Первая
капсула распахнула створки, и из залитой
красным светом кабины появился Древний
Филанор, поводящий своей пушкой в
поисках возможной цели.

-- Назикейцы! -- заорал Люций. -- Ко
мне!

Он увидел, как внутри дворца
блеснуло разноцветное стекло и на
каменных панелях холла что-то
мелькнуло.

Дворцовая гвардия отреагировала на
внезапное ошеломляющее нападение, но не
так, как ожидал Люций. Они не вопили и

не просили пощады. Они не убежали и даже не замирали на месте, оцепенев от шока.

С громогласным военным кличем истребители устремились на врага, и Люций расстелся, радуясь встрече со стойким противником. Он опустил свой меч и побежал им навстречу, а за ним следом ринулись воины отделения Назикуеи.

Им противостояли около сотни солдат в сверкающих стеклянных доспехах. Они выстроились в линию перед Астартес, опустили свои алебарды и открыли огонь.

Воздух вокруг Люция наполнился обжигающими серебряными излучениями, несколько вонзилось в наплечник и поножи. Чтобы защитить голову, он поднял руку с мечом, и иглы зашипели на сверкающей лезвии. Каменные плиты у входа, куда попадали излучения, начали вздуваться и пузыриться, словно под действием кислоты.

Рядом с Люцием упал один из назикуейцев, у него расплавилась рука, а живот вздулся пузырями.

— Совершенство и Смерть! — закричал

Люций и ринулся сквозь ливень
ослепительных серебряных изл.

Дворцовая гвардия и Дети
Императора сошлись вплотную, и словно
миллионы окон разбились в одно мгновение.
Пронзительный визг ружей-алебард
стесался с ревом лезвий и рывками
болтеров.

Первым же ударом меча Люций
разрубил древко алебарды и разорвал горло
противостоящего ему солдата. Невидящие
глаза уставились на него, из рассеченной
шеи хлынул поток крови, а Люций, чтобы
острее почувствовать гибель врага, сбил
с него шлем.

Плазменный пистолет выплюнул
узкую струю огня и окатил дрого
истваанца с головы до ног, но тот
продолжал сражаться и уже размахнулся
алебардой, чтобы вонзить ее в одного из
Детей Императора, но тут цепной меч
Люция снес ему голову.

Люций совершил пируэт на одной
ноге, увертываясь от удара алебарды,
рукоятью меча стукнул по лицевому
щитку и со злостью обнаружил, что

стекло выдержало удар. Стражник только отшатнулся, и тогда Люций, перехватив меч другой рукой, нанес колющий удар в щель между пластинами на поясе противника, чувствуя, как клинок прожигает тело врага насквозь.

Эти стражники явно старались замедлить продвижение Деметрия Императора, ценой жизни выгадывая драгоценные минуты ради чего-то более важного в глубине дворца. Как ни наслаждался Люций битвой, видом крови, едким запахом горящей плоти, пронзаемой мечом, и барабанным боем собственных сердец, он понимал, что непозволительно дарить защитникам даже несколько лишних секунд.

Он ринулся вперед, прорубая дорогу мечом. Люций вел в сражении, словно в замысловатом танце, партию победителя, а его врагам оставалось только умирать. Воины дворцовой стражи падали вокруг него, орошая каменные плиты своей кровью, и Люций радостно стаялся.

Сопротивление не ослабевало, и Люцию приходилось торопиться, пока

дворцовая стража не получила
подкрепление, чтобы остановить
продвижение Астармес.

-- Отделение Кьюмонгу! Отделение
Разтериана! Перебейте всех здесь, а потом
следуйте за мной!

Дети Императора догнали Люция у
пересечения нескольких проходов, и там их
встретил перекрестный огонь. Мастер
меча осторожно выглянул из-за угла и
увидел разлившееся прямо во дворе
обширное озеро. Столб воды низвергался из
отверстия в центре колоссального
гранитного купола, а луч розового света,
падающий вдоль струи, заставлял
вспыхивать многочисленные сверкающие
радуги.

Со дна озера, занимавшего почти все
пространство под куполом, стали
подниматься островки, и на каждом
выднелись нелепые бело-золотые домики.

В сводчатый зал навстречу
Астармес вбежали сотни дворцовых
стражников. Они с плеском пересекли
вброд водное пространство -- глубина
оказалась примерно по пояс -- и заняли

позиции позади домиков. Большинство солдат противника были в таких же стеклянных доспехах, как и те, что погибали за спиной Люция, но среди них мелькали и другие, в роскошных латах из сияющего серебра. А кое-кто из защитников носил одеяния из глиняных развевающихся шелковых лент, которые при каждом движении трепетали вокруг них, словно гыи.

Риланор вошел в сводчатый зал следом за Люцием. Его штурмовая пушка гытилась на плече, а похожие на стальные пальцы энергетического кулака были покрыты кровью.

— Они сосредоточили здесь немалые силы, — бросил Люций. — Где носит этих проклятых Пожирателей Миров?

— Вероятно, нам придется взять дворец собственными силами, — ответил Риланор низким голосом, донесшимся из самой глубины бронированного саркофага.

Люций улыбнулся — перспектива постралить Пожирателей Миров доставляла ему немалое удовольствие.

— Древний, прикрой нас. Дети

Императора, открыть огонь и вперед!
Назикеицы, держитесь рядом!

Древний Фуланор вышел из укрытия, и вокруг него взметнулась яркая волна пламени. Из пушки на плече вырвалась струя густого маслянистого дыма и вылетел колоссальный заряд снарядов крупного калибра.

Этот грандиозный залп искромсал почти все каменные островки в искусственном озере, и вместе с обломками в воду попадали изувеченные и окровавленные тела защитников дворца.

— Вперед! — закричал Люций, но Детей Императора не надо было подгонять.

Они прошли такую тщательную подготовку, что каждый воин знал свое место в сложном плане сражения под перекрестным огнем.

Отделение ринулось в зал. Лицо Люция осветилось жестокой радостью. Он пошел в атаку, а грохот битвы и жажда убийства поднимали его ярость и тело.

Совершенство смерти вошло в город. Хорал в неистовой какофонии огня.

К южной стене дворца прилепилось странное сооружение, которое выглядело словно какой-то паразит органического происхождения. Этот раздувшийся полужидкий нарост принадлежал скорее растительному сообществу, а нисколько не походил на искусственное сооружение. Светлый тратор пронизывали темные прожилки, а многочисленные зубцы висели, словно перезревшие фрукты. По обилию траторных мемориальных досок, отмечавших уход из жизни лучших и знатнейших горожан, можно было догадаться, что сооружение являлось священным местом.

Мемориал, называвшийся Песенной Часовней, был посвящен музыке, при помощи которой Отец Истваан пробудил к жизни окружающий мир.

И еще этот объект был целью Пожирателей Миров.

К тому моменту, когда первые десантные капсулы Пожирателей Миров, круша камни и разбрасывая осколки тратора, врезались в площадь, весть о начале вторжения уже распространилась

по городу. В утреннем воздухе поплыла странная мелодия, призывавшая жителей покинуть дома и вооружаться. Едва Дева Битвы на зубчатой стене часовни затянули песнь на погибель захватчиков, солдаты близлежащих казарм схватились за оружие.

Печальные и протяжные песни Девы Битвы собрали на улицах горожан и повели их на бой.

Ударным отрядом Пожирателей Миров командовал капитан Эрлен, и, выскакивая из десантной капсулы, он ожидал увидеть обученных солдат, о которых Ангрон говорил на инструктаже, а вовсе не тысячные толпы стонающих горожан, запрудивших площадь. Они шли сплошным потоком и были вооружены тем, что нашлось в их домах. Но опасность крылась не столько в оружии, сколько в огромном количестве людей, готовых сражаться и умирать, и ужасной песне, прославлявшей смерть.

— Пожиратели Миров, ко мне! — крикнул Эрлен и навел болтер на приближающуюся толпу.

Воины Легиона Пожирателей Миров обступили своего командира и тоже подняли оружие.

-- Огонь! --скомандовал Эрлен, и первые ряды защитников Хорала полегли, как трава под косой, но задние продолжали наступать, перешагивая через трупы своих сограждан.

Человеческая масса подступала к Астартес, словно весенний разлив. Расстояние между ними стремительно сокращалось, и Пожиратели Миров, оставив болтеры, взялись за ценные мечи.

В глазах приближающихся врагов Эрлен видел нерассуждающую ненависть, и ему стало ясно, что сражение скоро превратится в резню.

Если Пожиратели Миров в чем-то и превосходили своих братьев Астартес, так это в резне.

-- Проклятье! --выругался Винус. -- Похоже, мы во что-то врезались.

Локен с трудом открыл глаза. Узкая полоска света пробивалась из трещины в корпусе десантной капсулы, но и этого освещения оказалось достаточно, чтобы

понять, что он цел.

Его здорово трянуло при ударе, но обошлось без сколько-нибудь серьезных травм.

— Локаста, отзовитесь! — потребовал Винус.

Воины отделения Локасты стали поочередно выкрикивать свои имена, и Локен с облегчением выдохнул, выяснив, что никто серьезно не пострадал. Он отстегнул привязные ремни и перекатился по стенке капсулы, поскольку там воткнулась в землю и замерла под неестественным углом. Локен сдернул со стеллажа свой болтер и выбрался наружу через пролом в оболочке.

Выйдя на свет, Локен увидел, что искореженный корпус десантной капсулы почти наполовину погребен под обломками. Обойдя место крушения, Локен понял, что капсула застряла между массивных зубцов стены Храма Испышения, примерно в двух сотнях метров над поверхностью земли.

С левой стороны высились живописные пики гробниц, чьи балюстрады были украшены статуями, а справа

простирались величественные кварталы Хорала, розовеющие в лучах рассвета. Со своего места Локен смог различить и необычный каменный цветок дворца, и западные оборонительные укрепления, прорезавшие ландшафт грубыми ширатами.

Со стороны дворца слышалась стрельба, и Локен понял, что Дети Императора и Пожиратели Миров уже вступили в бой. Выстрелы раздавались и внизу, где подразделения Сынов Хоруса сражались в лабиринте между усыпальницами и статуями, заполнявшими все пространство между башнями.

-- Нам необходимо отыскать путь вниз, -- сказал Локен воинам Локасты, выбравшимся из разбитой капсулы.

Винус с оружием наготове вышел вперед.

-- Мерзавцы-картографы, наверно, не заметили этот домишко, -- проворчал он.

-- Похоже, что так, -- согласился Локен.

В то же мгновение он увидел, как еще

огна десантная капсула отскочила после удара о башню, перевернулась и понеслась к земле в туче обломков.

— Наши воины гибнут, — горько заметил он. — Кто-то должен за это ответить.

— Высадка произведена довольно паршиво, — сказал Винус, глядя вниз на территорию храма.

Между башнями огромных усыпальниц в полнейшем беспорядке ленулись друг к другу гробницы и часовни. Тут и там уже поднимались густые клубы дыма и сверкали вспышки взрывов.

— Нам нужно найти место, чтобы перегруппироваться, — сказал Локен и вызвал по вокс-каналу Торгаддона. — Тарик, это Гарвель. Где ты находишься?

Ответом ему был только треск статики.

Локен окинул взглядом Храм Испытания и внимательно взгляделся в одну из башен, стоящую вплотную к стене. Каждый ее этаж украшали колонны, вырезанные в виде загадочных чудовищ, а верхушка была срезана — вероятно, в

результате еще одного неудачного приземления десантной капсулы.

— Проклятье! Тарик, если ты меня слышишь, пробирайся к башне у западной стены, у которой сбита верхушка. Там перегруппируемся. Я иду к тебе.

— Есть что-нибудь? — спросил Винус.

— Ничего. В вокс-канале огни помехи. Что-то нам мешает.

— Думаешь, это башни?

— Нет, это что-то другое, повыше, — возразил Локен. — Но надо идти. Давай уже как-нибудь спускаться с этого проклятого забора.

Винус кивнул и обернулся к своим воинам:

— Локаста, ищем спуск!

Локен перегнулся через зубцы, а бойцы, выполняя приказ командира, разбрелись по стене, выстраивая спуск. Локен рассмотрел среди вспыхек огня миниатюрные фигурки Астартес, сражавшихся с воинами в черных доспехах. Он с досадой отвернулся.

— Сюда! — закричал брат Кастро, воин Локасты, вооруженный огнеметом. — Здесь

есть лестница!

-- Отличная работа! -- похвалил его Локен и поторопился к нему.

Действительно, позади высокой обветшавшей статуи древнего воина внутри стены углубили ступеньки из песчаника.

Проход, судя по всему, обветшал раньше, чем был достроен, -- ступени, едва намеченные, сплошь покрывали трещины и выбоины.

-- Спускается, -- приказал Вунус. -- Касто, веди нас.

-- Да, капитан, -- ответил Касто и шагнул в полутрак тоннеля.

Локен и Вунус последовали за ним по узкому проходу, скребя по стенкам наплечниками массивных доспехов. Лестница спускалась на десяток метров, и перед взором Астартес открылась широкая низкая галерея.

-- Стена-то, выходит, почти пустая, -- заметил Вунус.

-- Катакомбы, -- догадался Локен, показывая на вырубленные в толще песчаника ниши, где виднелись истлевшие

останки, кое-где прикрытые обрывками ветхой материи.

Галерея имела плавный наклон, и чем глубже спускались Астартес, тем чаще встречались погребальные ниши. Иногда они располагались несколькими ярусами, что делало их похожими на соты.

Внезапно Винус резко повел головой, поднял болтер и положил палец на спусковой крючок.

— Винус?

— Мне показалось, я что-то услышал.

— Позади нас точно никого нет, — сказал Локен. — Идем дальше, но будьте настороже. Это могло быть...

— Движение! — закричал Касто, и струя оранжево-желтого пламени из его огнемета унеслась вперед.

— Касто! — рывкнул Винус. — Доложи! Что ты видел?

Касто помолчал.

— Я не знаю. Но, что бы это ни было, его уже нет.

В опаленных пламенем нишах чернели только обгоревшие кости. Локен понимал, что впереди нет никакого врага.

только могилы истребителей.

— Ну, теперь там точно никого, — сказал Вунус. — Вперед, Локаста, будьте бдительны, но не шарахайтесь от тени. Вы же Сыны Хоруса!

Отделение ускорило шаг, и воины постарались выбросить из головы мысли о засаде. Они быстро прошли мимо дымящихся ниш.

Галерея вывела их в огромный зал, и Локен догадался, что он занимает практически всю толщину стены. Единственным источником света оставался желтый язычок пламени на конце огнетета Касто, освещавший теперь какие-то массивные глыбы.

Локен разглядел саркофаг из черного гранита, окруженный статуями коленопреклоненных людей; их головы были опущены, а руки скованы цепями. Вокруг саркофага на стенах висели каменные резные панели, на которых люди совершали воинские обряды.

— Касто, вперед! — скотандовал Вунус. — Отыщи нам путь вниз.

Локен подошел к саркофагу и провел

рукой по крышке. Она тоже была покрыта резьбой, изображавшей человеческую фигуру, но, как он понял, это не могло быть точным портретом лежавшего внутри покойника, поскольку на лице не было ничего, кроме треугольных глаз, обозначенных кусочками цветного стекла.

Снаружи, из Храма Испытания, донеслось пение. Однообразная скорбная мелодия плыла над башнями и проникала сквозь толщу камня.

— Дева Битвы, — горько произнес Локен. — Они сопротивляются. Надо спешить.

Дворцовые стражники в серебряных доспехах начали летать.

Окруженные ослепительно белыми энергетическими разрядами, они взмывали в воздух над головами атакующих Детей Императора и осыпали их похожими на листья сверкающими лезвиями, вылетавшими из оружия, прикрепленного к запястьям.

Люций успел увернуться от первого залпа, откатившись по полу, но серебряный стражник спикировал на двух воинов из

отселения Кьютонги, и его лезвия, с
ужасающей легкостью рассекая доспехи,
обезглавили Астартес.

Люций бросился в воду и обнаружил,
что она доходит ему только до пояса.
Поверх его головы в Демей Императора
продолжали лететь залпы серебристого
огня из ружей-алебард, но Астартес
неуклонно продвигались вперед и вели
огонь с присущей им эффективностью.
Необычный облик защитников дворца не
мог внести сумятицу в ряды Демей
Императора и отвлечь от необходимости
прикрывать огнем товарищей. Рядом с
Люцием упал человек с пробитой
болтерным зарядом головой, и кровь
окрасила воду в багровый цвет.

Люций понимал, что серебряные
воины слишком проворны, чтобы бороться с
ними обычными методами. Значит,
придется действовать иначе.

Один из серебряных стражников
подлетел так близко, что Люций смог
рассмотреть сложный узор на его латах:
тонкие золотые нити, словно вены,
покрывали доспехи на груди и ногах, и

такой же орнамент украшал лицо.

Стражник спикировал, словно чайка, и выпустил с запястья яркое лезвие. Люций отбил атаку мечом и высоко подпрыгнул навстречу врагу. Стражник попытался увернуться, но дистанция оказалась слишком мала. Одним взмахом меча Люций с треском разрубил доспехи и отсекал левую руку. Из раны хлынула густая струя крови, а поверженный противник обрнулся на Люция.

Люций рухнул в воду как раз в тот момент, когда все Дети Императора добрались до зала. Залы болтерного огня почти опустошили островки, и воины неумолимо истребляли оставшихся защитников. Стражи дворца стали отступать, но это ни в коей мере не было похоже на бегство. Пятясь, они собирались в плотный круг. Множество солдат в стеклянных доспехах уже недвижно лежали на полу и в воде, побуревшей от крови.

Штурмовая пушка Фуланора ударила по ряду защитников в шелковых лентах, и от смертельного заряда их не уберегла даже сверхъестественная скорость. Все

пространство зала превратилось в поле боя. Упал еще один серебряный стражник, болтерный заряд без труда пробил его доспехи.

Отделение Назикеи сгруппировалось вокруг Люция, а он, по-волчьи скалясь, предвкусывал убийство серебряных стражников.

-- Они отступают, -- сказал он своим воинам. -- Не отставайте от них ни на шаг. И не медлите.

-- Поступило донесение с площади, из отделения Кайтерона, -- сказал брат Цетерин. -- Пожиратели Миров сражаются рядом с Храмом на северной стороне.

-- До сих пор?!

-- Похоже, что им приходится отбиваться от доброй половины населения города.

-- Ха! Они справятся! В таком деле Пожирателям не нужна помощь, -- нагнетательно заметил Люций, не скрывая чувства собственного превосходства.

Во всей Галактике не нашлось бы ничего, что могло бы сравниться с этим

чувством, и, чтобы оно не исчезало, Люций должен был сражаться с достойными противниками и утолять жажду убийства.

— Мы будем пробиваться к тронному залу, — сказал он. — Риланор, ты прикроешь тылы. Назикейцы, следуйте за мной. Всем искать Праала! А если не сумеете действовать быстро, присоединяйтесь к Гвардии Смерти!

Его воины отреагировали на приказ одобрительными возгласами и вслед за Люцием устремились к центру двorca.

Каждый из них жаждал убить Праала и вывесить его голову на воротах на обозрение всему Хоралу.

И Люций был уверен, что именно он добудет голову предателя.

Опустевший «Андрониус» был объят тревожной тишиной, роскошные покои погрузились в сумрак, а в глиняных гулках коридорах изредка встречался только обслуживающий персонал. На корме был слышен негромкий перестук двигателей, и временами корпус содрогался от гудов таневровых гюз. Все корабельные команды

заняли свои места, все противоборствующие
створы закрылись, и не нужно было быть
капитаном роты Астартес, чтобы по
этим признакам догадаться: на судне
объявлена боевая тревога.

Но Саула Тарвица слышал один
факт: у истребителей не имелось боевого
флота.

Корпус «Андрониуса» скрипнул, и
прежде чем системы искусственной
гравитации компенсировали движение,
Тарвиц ощутил его по грози
металлической палубы под ногами. С того
самого момента, когда произошла
выброска штурмовой группы, корабль
постоянно находился в движении, и это
давало еще больше оснований для
подозрений.

Ведь если верить плану проведения
военных действий, который был озвучен
накануне, кораблю Фүлгрита
предписывалось произвести высадку второй
волны десанта после взятия дворца и
Храма Испытания. «Андрониус» не должен
был двигаться.

Единственной причиной движения

корабля после высадки штурмовой группы мог быть спуск на низкую орбиту для подготовки к бомбардировке. И Тарвиц, обзывая себя параноиком, все же решил самостоятельно выяснить, что происходит.

Он торопливо зашагал к оружейным палубам, стараясь держаться подальше от таких парадных залов, как Тарселианский амфитеатр или великолепная колоннада Зала Памяти. Тарвиц выбирал темные переходы и помещения, где его присутствие могло остаться незамеченным и существовала малая вероятность встречи с кем-нибудь из знавших его людей.

Тарвиц сказал Руланору, что отказывается от почетного места в штурмовой группе ради чести заменить павшего в бою капитана Оговокара, старшего офицера штаба Эйдолона. Он заявил о своем желании передавать приказы с корабля на поверхность, но прекрасно понимал, что эта уловка довольно скоро будет раскрыта.

Он спустился на нижние палубы корабля окольными путями, держась

погальше от тех мест, где он мог повстречаться с Детьми Императора, и зашагал к машинному отделению. В помещениях нижних палуб обычно обитали лишь слуги и сервиторы, обеспечивающие работу судна, и Тарвиц мог надеяться, что пройдет там никем не замеченным.

Скоро вокруг Тарвица сомкнулась темнота, а под эстакадой, на которой он остановился, на многие сотни метров простиралось машинное отделение. Над машинной палубой располагались оружейные отсеки, где под прикрытием массивных, бронированных корпусов покоились колоссальные орудия, способные сравнять с землей целые города.

— Приготовиться к загрузке орудий, — раздался монотонный механический голос.

Тарвиц ощутил, как корабль снова повернул, и на этот раз слышался скрип наружной обшивки, нагретой верхними слоями атмосферы планеты.

Тарвиц поднялся до середины металлической лестницы в дальнем конце темной эстакады, и перед ним открылся бескрайний простор оружейной палубы. Это

было колоссальное помещение под сводчатым потолком, которое тянулось по всей длине корабля. Огромные краны, шипя пневматикой, загружали орудия, поднимали снаряды величиной с танк из оружейных погребов через противовзрывные люки. Артиллеристы, грузчики, палубные рабочие трудились не покладая рук.

Каждое орудие обслуживалось сотней человек, изю всех сил налегавших на толстые цепи и рычаги. Сервиторы беспрестанно снабжали рабочих водой, а механикумы бдительно наблюдали за соответствием снарядов калибрам пушек.

При виде этой бурной деятельности подозрения Тарвица окончательно превратились в уверенность, и он ощутил приступ ярости. Кого они намерены обстреливать? Орбитальная бомбардировка Хорала, когда там находятся тысячи Астартес, выглядела бы преступным идиотизмом, но... Факт остается фактом: орудия заряжены и готовы обрушить всю свою яростную мощь на поверхность планеты.

Люди, обслуживающие орудийную

палубу, скорее всего, даже не знали, на орбите какой планеты они находятся и в кого собираются стрелять. В глубинах звездного корабля существовали замкнутые общины, и вполне возможно, что эти люди не имели ни малейшего представления о планах командования.

Тарвиц поднялся до конца лесенки и вступил на оружейную палубу. Нависавший над ней высокий сводчатый потолок придавал помещению сходство с величественным собором, посвященным разрушительному могуществу. Услышав за спиной чьи-то шаги, Тарвиц обернулся и увидел подошедшего агента, на одежде которого виднелся отличительный знак механикума.

-- Капитан, -- обратился к нему агент, -- что-то не так?

-- Нет, -- ответил Тарвиц. -- Я здесь только ради того, чтобы убедиться, что все идет по плану.

-- Могу вас заверить, господин, что приготовления к бомбардировке проходят в соответствии с полученными инструкциями. Боеголовки будут

загрязнены до того, как подготовится
вторая волна десанта.

-- Боеголовки? -- переспросил Тарвиц.

-- Да, капитан, -- кивнул агент. -- Все
артиллерийские орудия заряжены
вирусными бомбами, как указано в нашем
боевом приказе.

-- Вирусные бомбы, -- произнес Тарвиц,
с трудом сохраняя самообладание.

-- Капитан, все в порядке? --
интересовался агент, заметив
изменившееся выражение его лица.

-- Все отлично, -- солгал Тарвиц,
испытывая доселе неведомое чувство --
дрожа в подгибающихся ногах. -- Ты
можешь вернуться к своим обязанностям.

Агент кивнул и удалился, направляясь
к одному из орудий.

Вирусные бомбы...

Это ужасное оружие находилось
практически под запретом, и только
Воинство или сам Император могли
санкционировать его применение.

Каждая боеголовка после детонации
выпустит на волю вирусы, пожирающие все
живое, -- безжалостные, быстро

распространяющиеся микроорганизмы, которые уничтожат любую форму жизни и в течение нескольких часов ликвидируют всю органику на поверхности планеты. Невероятность полученных сведений и возможные последствия настолько ошарашили Тарвица, что дыхание стало вырываться из его груди короткими, болезненными толчками, но он все же попытался сопоставить полученные сведения с тем, что уже было известно.

Его Легион собирается убить планету.

И тут же Саул Тарвиц совершенно ясно осознал, что в этом преступлении замешан не только его Легион. При всей разрушительной мощи вирусных бомб потребовался бы арсенал многих кораблей. Такой приказ мог исходить только от Воителя, и от этой ужасной мысли Тарвиц ощутил себя совершенно больным.

Но причинат, о которых Тарвиц даже не пытался догадываться, Воитель натеревался одним ударом уничтожить почти треть своих воинов.

— Я должен предупредить их, —

прошеніа Тарвиц и побежал на пусковую
палубу.

Глава 9

БОЖЕСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ ПЕРЕГРУППИРОВКА ПОВРАЩАЮЩИХСЯ

На стратегической палубе было темно, лишь приборные панели мерцали зелеными огнями. Вместо ротных боевых знамен Легиона на стенах теперь висели стяги воинской ложы. Ротные флаги были сняты вскоре после отправки штурмовой группы на планету, и значение этого жестка было совершенно ясно: принадлежность к ложе для Сынов Хоруса теперь стала главной. На приподнятой платформе, с которой Воитель обращался к офицерам своей флотилии, появился аналой с постоянно лежащей на нем «Книгой Лоргара».

Воитель восседал в кресле командующего и на нескольких пиктограммах просматривал донесения, поступающие с Устваана III.

Узтрудно-зеленый свет очерчивал

края его доспехов и отражался от
янтарного глаза на поверхности
нагрудника. Бесконечные строчки данных
стеняли друг друга, и переключающиеся
пикеты показывали идущие в Хорале бои.
Рядом с Дворцом Регента на площади
собрались тысячи людей, Астартес
болтерным огнем и цепными мечами
уничтожали плохо вооруженных горожан, и
по улицам уже текли реки крови.

Сам дворец еще не получил видимых
повреждений, и лишь несколько
поднявшихся столбов дыма
свидетельствовали об ожесточенных боях
Астартес с дворцовой гвардией.

Гибели Вардуса Праала осталось
ждать недолго, хотя судьба мятежного
правителя Устваана III совершенно не
заботила Воителя. Этот мятеж просто
предоставил Хорусу повод избавиться от
тех, кого он считал неспособным в силу
различных причин принять участие в его
великом походе на Терру.

Хорус поднял голову и взглянул на
подогшедшего Эреба.

— Первый капеллан, — строго произнес

он, -- еще не все проблемы решены. Прошу не отвлекать меня по пустякам.

-- Пришли известия с Просперо, -- ничуть не смутившись, сказал Эреб.

Тени шептунгов льнули к нему, вились под ногами, цеплялись за крозиус, висевший у него на поясе.

-- Магнус? -- сразу заинтересовавшись, спросил Хорус.

-- Он еще жив, -- ответил Эреб, -- но не потому, что Волки Фенриса плохо старались.

-- Магнус жив, -- фыркнул Воитель. -- Тогда он может представлять для нас угрозу.

-- Нет, -- заверил его Эреб. -- Башни Просперо разрушены, а варн до сих пор содрогается от мощнейшего заклинания, при помощи которого Магнус спасся вместе со своими воинами.

-- Опять колдовство, -- проворчал Хорус. -- Куда он сбежал?

-- Пока неизвестно, -- признал Эреб. -- Но где бы он ни был, псы Императора его выследят.

-- И тогда он или присоединится к

нам, или погибнет где-то в неизвестности, — задумчиво произнес Хорус. — Подумать только, сколь многое зависит от нескольких личностей. Магнус был одним из самых опасных противников, таким же грозным, как сам Император. А теперь у него нет выбора, кроме как следовать за мной до конца. Если Фүлгриму удастся переманить Ферруса Мануса на нашу сторону, победа обеспечена.

Хорус небрежным жестом указал на пункт-экраны, транслирующие картины боев в городе Хорале.

— Устваанцы верят, что на них обрушилась божья кара, и в какой-то степени они правы. Я распоряжаюсь жизнью и смертью. Разве это не божественная власть?

— Капитан Локен, сержант Вунус, рад видеть вас обоих, — приветствовал их сержант Лахост, присев на корточки в одном из обветшавших склепов какого-то старейшины Устваана III. — Мы пытаемся связаться с каждым отделением. Все они разбросаны по разным

местам. Высадка десанта прошла крайне неудачно.

— Тогда попытается организовать все сначала, — сказал Локен.

Беспорядочный огонь велся со всех сторон, так что Локен считал бесполезным тоже укрыться в каком-нибудь склепе. Отделение сержанта Лахоста рассредоточилось поблизости. Они держали болтеры наготове и время от времени посылали снаряды в мелькающие тут и там силуэты. Вунус и воины отделения Локасты присоединились к ним.

Их противники были одеты в старинные истаанские доспехи черного серебра и вооружены странным оружием, напоминающим скорострельные арбалеты. После многочисленных индивидуальных схваток среди гробниц Сыны Хоруса из разных отделений не могли отказать врагу в героизме.

— У нас есть неплохое укрытие, которое мы сможем удерживать довольно долго, — заговорил Вунус. — Надо собрать здесь все отряды, какие сможем, а потом нанести массированный удар.

Подошедший Торгаддон послал своих людей к солдатам Лахоста, а сам присел в укрытии рядом с Локеном.

— Гарви, что же тебя так задержало? — спросил он, насмешливо ухмыляясь.

— Нам пришлось спускаться с самого верха стены, — ответил Локен. — А где твои воины?

— Повсюду, — сказал Торгаддон. — Часть пробивается к этой башне, но некоторые отделения отрезаны противником. Храм Испытания, как мне кажется, охраняли элитные войска. У них здесь полно оружия, а некоторые древние виды устройства действуют весьма эффективно.

Локен кивнул, и Торгаддон продолжил:

— Ну, по крайней мере, в этой башне чисто. Я поручил Ваггону и Лахосту устроить на нижнем этаже командный пункт, и мы некоторое время сможем удерживать эту позицию. В Хорале находятся еще три Легиона Астартес, и на орбите остальные Сыны Хоруса ждут

своей очереди. Так что нет необходимости...

— Но противники пока хозяйничают на всей территории, — перебил его Локен. — И они могут нас окружить. Здесь разветвленная сеть катакомб, скорее всего, неплохо известная местным, враг может ею воспользоваться, чтобы окружить нас. Это их территория. Мы должны нанести удар как можно скорее. Мы штурмовая группа, и наша задача — выбить противника из укрытий.

— Каких укрытий? — спросил Торгадгон.

— Из башен усыпальниц, — пояснил Локен. — Мы будем атаковать их одну за другой. Штурмовать, уничтожать всех, кого там обнаружим, и двигаться дальше. Будем продвигаться, преследуя противника по пятам.

— Большая часть штурмовой группы собрана, капитан, — доложил Лахост.

— Отлично, — ответил Локен и выглянул из укрытия, чтобы обозреть местность.

Усыпальница, где они засели,

располагалась в низине между стеной, с которой спускались воины Локена, и башней -- грубым каменным цилиндром, украшенным строгими лицами, высеченными на его поверхности. Дюжина темных арок в основании гробницы, где время от времени сверкали вспышки выстрелов, обеспечивала вход и прикрытие.

Множество подобных усыпальниц было разбросано по всей территории между башнями, статуями благородных мертвецов города Хорала и руинами часовен.

Локен показал на башню напротив их укрытия:

-- Как только мы соберем достаточно воинов для полноценной атаки, мы ударим туда. Лахост, начинай осматривать усыпальницы вокруг, чтобы обеспечить нам хороший старт, и поставь несколько человек на первом этаже для прикрытия. Лучше с тяжелой огневой поддержкой, если есть.

С восточной стороны слышалась стрельба, и вскоре Локен определил

силуэты Астармес и отличительные
знаки отделения Эскхалена. Все больше
воинов собиралось возле их укрытия для
перезгруппировки, и каждому из них по
пути приходилось драться в поединках
между могилами.

— Это не просто место для
захоронения мертвых, — сказал Локен. —
Что бы ни происходило на Устваане ТТТ,
все начиналось здесь. Ожесточенное
сопротивление объясняется их
религиозностью. Мы ведь атаковали их
храм, святыню.

— Ничего удивительного, что они
посходили с ума, — с грустью в голосе
поддержал его Торгаддон. — Все безумцы
обожают своих богов.

Рычаги «Грозового ястреба» чутко
реагировали на любое движение, и челнок
все норовил вырваться из-под контроля
Тарвица и сорваться в пике. Капитан
обладал лишь самыми элементарными
навыками управления этой новой моделью
боевого катера, кроме того, его обучение
пилотажному мастерству проходило в
плотных слоях атмосферы — тогда

требовалось всего лишь опуститься к самой поверхности, чтобы десантировать группу воинов или открыть огонь по врагам. Сквозь бронированное стекло рубки Тарвиц мог видеть темный силуэт Устваана III на фоне выходящего из-за него солнца. Где-то у самой кромки сверкающего полукруга лежал город, в котором сражались его боевые братья и воины еще трех Легионов, не зная, что их уже предали.

— «Гротовой ястреб», назовите себя, — раздался голос в воксе корабля.

Это означало, что он находится в радиусе безопасности «Андроникса» и бортовые системы крейсера определили челнок как возможную цель. Если повезет, он сможет выиграть несколько мгновений до того, как система приведет в действие башенные орудия, и эти секунды позволят вывести похищенный шаттл как можно дальше от «Андроникса».

— «Гротовой ястреб», назовите себя. — Механический голос повторил приказ, и Тарвиц решил, что надо притормозить и откликнуться, чтобы ввести в

заблуждение системы защиты.

— Капитан Саул Тарвиц, направляюсь с донесением на «Стойкость».

— Ждите подтверждения.

Тарвиц понимал, что подтверждения он не дожидется, но каждая секунда давала возможность оторваться подальше от «Андрониуса» и приблизиться к поверхности планеты.

Он послал «Грозового ястреба» вперед со всей скоростью, которую смог выжать из двигателей челнока. Прислушиваясь к шипению статических разрядов в воксе, Тарвиц еще лелеял безумную надежду на то, что ему каким-то образом поверят и позволят продолжать путь.

— «Грозовой ястреб», остановитесь и немедленно возвращайтесь на «Андрониус», — раздался приказ.

— Не могу, «Андрониус», коробку передач заклинило, — ответил Тарвиц.

Это была дешевая уловка, но и она могла подарить еще несколько драгоценных секунд.

— Повторяю, остановитесь немедленно...

– Пошел к дьяволу, – бросил в ответ
Тарвиц.

Он проверил навигационный пикт-
экран, убедился, что погони пока еще нет,
и направил «Ястреба» вниз, к поверхности
Устваана III.

– «Гордость Императора» еще в пути,
– объявил Сазверин, старший палубный
офицер «Ангрониса». – Хотя навигаторы
клялись, что учли все возможные
трудности, лорд Фүлгрим еще не скоро до
нас доберется.

– Он послал какие-нибудь известия о
своей миссии? – спросил стоявший за его
спиной Эйдолон.

– Связь пока еще очень плохая, –
нерешительно произнес Сазверин, – но то,
что мы услышали, звучит не слишком
ободряюще.

– Тогда нам придется полагаться на
наше отличное командование и
превосходство Легиона Демей
Императора, – сказал Эйдолон. – Воины
других Легионов могут быть более
жестокими или энергичными, скрытными
или упрямыми, но ни один не может

похващаться совершенством Демей
Императора. Не важно, что нас ждет
впереди, мы ни перед чем не отступим.

— Конечно, командир, — кивнул
Сазверин, и тут панель управления перед
ним вспыхнула предупредительными
огнями. После недолгих манипуляций с
пультом он обернулся к Эйдолону: — Лорд-
командир, возможно, у нас возникла
проблема.

— Не говори мне о проблемах, —
отмахнулся Эйдолон.

— Из систем обнаружения только что
пришло сообщение о «Грозовом ястребе»,
который направляется к поверхности
планеты.

— Это один из наших?

— Похоже, что так, — согласился
Сазверин, склонившись над пультом. —
Вот, пришло подтверждение.

— Кто его пилотирует? — резко
спросил Эйдолон. — На полеты к
поверхности не было дано ни одного
приказа.

— По результатам последней связи с
«Грозовым ястребом» получается, что

это капитан Саул Тарвиц.

-- Тарвиц?! -- воскликнул Эйдолон. --
Проклятье, он как бельмо у меня на глазу!

-- Это точно он, -- сказал Сазверин. --
Вылетел на «Грозовом ястребе» с пусковой
палубы, держит курс к поверхности
Устваана III.

-- Куда именно он направляется? --
спросил Эйдолон. -- Только точно.

-- К Хоралу, -- ответил Сазверин.

Эйдолон устехнулся:

-- Он пытается их предупредить.
Можно подумать, это имеет какое-то
значение. Я считал, что ты стожем его
использовать, но он оказался слишком
упрям, а теперь вбил себе в голову, что он
герой. Сазверин, пошли за ним несколько
истребителей. Его нужно сбить.
Дополнительные осложнения нам сейчас ни
к чему.

-- Да, сэр, -- кивнул Сазверин. --
Истребители будут готовы через две
минуты.

Мерсади отжала мокрый лоскут и
положила его на лоб Эуфратии. Больная
стонала, грожала и размахивала руками.

словно отбивалась от какой-то невидимой угрозы. Ее кожа казалась тонкой и бледной, словно у мертвой.

— Я здесь, — сказала Мерсади, хоть и не была уверена, что в состоянии кому Киилер может ее слышать.

Она не понимала, что происходит с Эфратией, и от этого чувствовала себя совершенно беспомощной.

Мерсади сама не смогла бы назвать причину, по которой отправилась в странствие по кораблю вместе с Кириллом Зингерманном и Эфратией. Но размерал «Дух тщениа» был соизмерим с настоящим городом, и в нем оказалось достаточно места, чтобы спрятаться.

Они стенили уже несколько мест обитания, и, где бы они ни появились, ремонтники в пропитанных маслом робах или чумазые рабочие машинного отделения всегда готовы были предоставить безопасное убежище, поделиться едой и водой и почитали за счастье хоть краешком глаза взглянуть на святую. В настоящий момент все трое скрывались в корпусе одного из двигателей

огромной пустой трубе, которая обычно была заполнена горячей плазмой, разгоняемой огромными поршнями. А сейчас двигатель остановили для ремонта, и труба превратилась в укромное и тайное, несмотря на колоссальные размеры, убежище.

Неподалеку от импровизированной постели Эufrатии спал Зингерманн, укрывшись тонким одеялом, и никогда еще пожилой итератор не выглядел таким уставшим. Щеки его ввалились и обвисли, а руки стали костлявыми и тонкими.

Один из рабочих, обслуживающих двигатели, благоговейно приблизился к тому месту, где на груде одеял и одежды лежала Эufrатия. Этот высокий и мускулистый, обнаженный по пояс человек стиренно опустился на колени на значительном расстоянии от постели святой.

— Мисс Олитон, — почтительно произнес он, — не нуждается ли святая в чем-то еще?

— Нам нужна вода, — ответила Мерсади. — Побольше чистой воды. И еще

Кирилл Зингерманн просил бумагу.

Глаза рабочего блеснули интересом.

— Он что-то пишет?

Мерсади уже пожалела о своих словах.

— Он записывает тезисы для выступления, — ответила она. — В конце концов, он все равно остается итератором.

А если вы сможете отыскать какие-нибудь медикаменты, это было бы просто здорово. У нее начинается обезвоживание.

— Император ее сохранит, — сказала тревогой в голосе, но твердо сказал рабочий.

— Я уверена, что он ее сохранит, но мы должны оказать ему всю возможную помощь, — ответила Мерсади, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали слишком снисходительно.

Воздействие одного лишь присутствия коматозной Эуфратии на членов корабельной команды производило сильное впечатление. Ее появление превращало сомнения и колебания многих людей в незыблемую веру в божественность далекого Императора.

— Мы постараемся все достать, —

сказал рабочий. -- У нас имеются свои люди на складах и в медицинских пунктах.

После этого, протянув руку, он дотронулся до одеяла Эфратии и негромко прошептал молитву Императору. После его ухода Мерсади тоже шепотом прочитала собственную, довольно небрежную молитву. В конце концов, Император намного реальнее всех так называемых богов, с которыми сталкивался Великий Крестовый Поход.

-- Избавь нас, Император, -- негромко произнесла она, -- от всех этих напастей.

Мерсади грустно опустила голову и внезапно затаила дыхание: Эфратия шевельнулась и открыла глаза, словно пробуждаясь от глубокого сна. Мерсади медленно, боясь спугнуть это чудо, наклонилась над постелью и взяла руку подруги в свои ладони.

-- Эфратия, -- ласково прошептала она, -- ты меня слышишь?

Эфратия Киулер широко раскрыла рот и издала ужасающий вопль.

-- Ты уверен? -- спросил капитан Гарро из Легиона Гвардии Смерти, прихрамывая

на недавно имплантированную искусственную ногу.

Гироскопы еще не срослись с его нервной системой, и, к немалому разочарованию капитана, ему не позволили принять участие в высадке штурмовой группы Гвардии Смерти. Капитанский мостик «Эйзенштейна», как всех прочих кораблей Гвардии Смерти, был открыт со всех сторон, поскольку Мортарион не признавал никаких излишеств и украшений.

Само помещение представляло собой голый каркас, подвешенный в недрах корабля, где под потолком, словно металлические внутренности, висели кольца охлаждающих труб. Дежурная команда в полном составе склонилась над информационной панелью. По лицам воинов пробежали синие и зеленые блики резкого света.

– Уверен, капитан, – ответил офицер связи, заглядывая в электронный планшет, который держал в руке. – Приписанный к Легиону Детей Императора «Громоподобный ястреб» входит в зону нашей

ответственности.

Гарро взял планшет из рук связиста. Да, это действительно был боевой десантный шаттл модели «Громоподобный истребитель», идущий вблизи «Эйзенштейна» и преследуемый звеном истребителей.

— Нахнет неприятностями, — заметил Гарро. — Разверни корабль на курс перехвата.

— Да, капитан, — ответил офицер, ловко развернулся и потянулся к рычагам управления.

Через пару мгновений взвыли двигатели, и тяжелые поршни заходили в маслянистой темноте, окружавшей капитанский мостик. «Эйзенштейн» накренился и начал угрожающе разворачиваться навстречу приближавшемуся «Ястребу».

Крик Эуфратии, словно раскат грома, вырвал Зингерманна из объятий сна, и оператор подскочил на своем убогом ложе, чувствуя, как сильно его сердце бьется о ребра.

— Что?... — только и смог он произнести.

Увидев, что святая, вытянувшись в струнку, сидит на постели и кричит, а Мерсади пытается уложить ее и успокоить, Зингерманн поспешил выбраться из-под одеяла. Киилер продолжала буйствовать, словно безумная, и он бросился на помощь Мерсади, попытавшись обнять обеих женщин.

Когда его пальцы коснулись кожи Эуфратии, он тихо вскрикнул от боли -- ее тело дышало чудовищным, нечеловеческим жаром -- и хотел было отдернуть руки, но его ладони будто приклеились к ее телу. Зингерманн взглянул в лицо Мерсади, и по ее перекошенному лицу понял, что и с ней происходит то же самое.

Перед взором императора все поплыло, затем стало вовсе темно, и старик снова испуганно вскрикнул, опасаясь сердечного приступа. Но тут перед его внутренним взором стали мелькать мрачные, пугающие образы, видения истинного зла атаковали его, и Зингерманн бросил все свои душевные силы на то, чтобы сохранить собственный рассудок.

Смерть накрыла все вокруг черной

развевающейся лантией. Зингерманн увидел, как ее щупальца коснулись изящного темнокожего личика Мерсаги, и черты женщины расплылись, словно истлели.

В воздухе метались тени, разрушавшие все, к чему бы ни прикоснулись. Зингерманн закричал, увидев, как плоть сползает с костей Мерсаги, затем посмотрел на свои руки, и они начали гнить прямо у него на глазах. Кожа лопнула и расползлась, обнажив обратительно белые кости.

Все исчезло так же внезапно, как и появилось, смерть отвернула от них свое лицо, и Зингерманн снова увидел убежище в чреве корабля, ничуть не изменившееся с тех пор, как он прилег, надеясь воспользоваться несколькими свободными часами для сна. Император отшатнулся от Эуфратии и с одного взгляда понял, что Мерсаги пережила те же, что и он, видения.

Зингерманн приложил руку к груди, чувствуя, как учащенно стучит его старое сердце.

-- О нет... -- простонала Мерсаги. --

Пожалуйста... Что это?...

— Это предательство, — внезапно произнесла Кишлер неожиданно сильным и звучным голосом. Затем повернулась к Зиндертманну. — Это предательство, и оно совершается в эту минуту. Ты должен сказать им. Кирилл, расскажи им все!

Эуфратия закрыла глаза и упала на руки рыдающей Мерсади.

Тарвиц сражался с системой управления «Грозовым ястребом». Сплохи красного света освещали рубку — истребители висели у него на хвосте, пронзая костюм алыми лучами лазерных прицелов.

Саул бросил машину в крутой вираж, и изображение Истваана III перевернулось на экране наблюдения.

Из кортовой части челнока слышались глухие удары, и Тарвиц едва не выпустил из рук сильно дернувшиеся рычаги управления. Он прибавил скорости, и двигатели в ответ жалобно взвыли, но все же увели «Ястреб» с линии огня преследователей. Скрежет в хвостовой части извещал Тарвица об отказе одного

из двигателей. Кабина осветилась предупредительными огнями аварийного табло.

Злобные огоньки, обозначающие истребители на тактическом дисплее, заметно увеличились.

Вокс-приемник снова ожил, и Тарвиц протянул руку, чтобы его выключить. Смерть висела у него на хвосте, и надежда предупредить товарищей таяла с каждым мгновением, так что тратить время на пререкания со своим потенциальным убийцей совершенно не хотелось. Но вдруг он услышал знакомый голос, и рука затерла.

— «Грозовой ястреб», вы вошли в зону ответственности «Эйзенштейна». Назовите себя.

Узнав голос своего побратима, Тарвиц чуть не закричал от радости.

— Натаниэль? — произнес он. — Это Саул. Рад слышать твой голос, братец!

— Саул? — переспросил Гарро. — Во имя Императора, что происходит? Эти истребители хотят тебя сбить?

— Да! — рявкнул Тарвиц.

Он снова резко развернул «Громовою ястреб», и теперь Устваан III оказался под ним. Флотилия Гвардии Смерти превратилась в мелькание сверкающих огней на фоне черного космоса, подчеркнутого красными лучами лазеров.

Тарвиц выжимал из двигателей все возможное, и тут снова раздался голос Гарро:

-- Почему? И отвечай скорее, Саул. Они тебя вот-вот достанут!

-- Это измена! -- закричал Тарвиц. -- Все это измена! Нас предали. Флот готовится бомбардировать планету вирусными снарядами.

-- Что? -- переспросил Гарро, и в его голосе отчетливо прозвучало недоверие. -- Это же безумие!

-- Поверь мне, -- настаивал Тарвиц. -- Я понимаю, это глупо звучит, но ты мой названный брат, и я прошу тебя поверить. Прошу, как никогда еще ни о чем не просил! Клянусь жизнью, я не лгу тебе, Натаниэль.

-- Я не знаю, Саул...

-- Натаниэль! -- в отчаянии закричал Тарвиц. -- Вокс-канал между кораблями и

войсками на поверхности заблокирован, и если я не смогу предупредить наших братьев, все Астартес на Устваане III обречены!

Капитан Натаниэль Гарро не мог отвести взгляда от шипящего вокс-узла, словно ждал от него подтверждения словам Тарвица. Рядом на тактическом экране мерцала извилистая линия траектории «Грозового ястреба» и еще несколько точек, обозначающих истребители. Опыт подсказывал капитану, что у него осталось в лучшем случае несколько секунд, чтобы принять решение, а все его существо кричало о невозможности того, что он только что услышал.

И все же... Саул Тарвиц был ему названным братом, они обменялись клятвами верности на кровавых полях сражений Преаксорской кампании, стоя плечом к плечу в бою. Они оба пролили кровь в той неудачной жестокой войне, в которой погибло так много их товарищей по оружию.

Эта дружба и клятвы верности много

значили для Гарро, а кроме того, он знал, что Саул Тарвиц никогда ничего не преувеличивал и никогда не лгал. Ему трудно было даже представить, чтобы его поворотом погрешил против истины, но его сообщение о готовящейся бомбардировке братьев Астартес казалось бредом.

В голове Гарро царило стянение, и он проклинал себя за нерешительность. Но тут его взгляд упал на имперского орла, когда-то очень давно вырезанного Тарвицем на его пряжке, и капитан Гвардии Смерти принял решение.

Тарвиц начал потихоньку снижать «Гротовой ястреб», приготовившись сбросить скорость, и включить воздушные тормоза и надеясь, что для челнока атмосфера планеты уже достаточно плотная и поможет ему совершить задуманное.

Взглянув на тактический пикт-экран, он увидел, что истребители идут с обеих сторон от «Ястреба» и готовы взять его в клещи. Настал критический момент.

Тарвиц резко сбросил газ и включил

мортоз.

Ремни безопасности врезались в грудь, и все же он чуть не ударился головой о стекло кабины, которая в тот же момент осветилась ослепительными вспышками. «Грозовой ястреб» согрознулся. Тарвиц услышал удары по корме и почувствовал, что теряет контроль над машиной.

Яростный крик вырвался из его груди. Те, кто решил предать его братьев Астартес, победили, и все старания оказались напрасны. За стеклом рубки полыхнули языки пламени, и Тарвиц ждал неизбежного взрыва, несущего смерть.

Но взрыва не последовало.

Он в изумлении снова взялся за рычаги управления. Это потребовало значительных усилий, но ему удалось выровнять курс. На тактическом дисплее царил полная неразбериха: электромагнитный выброс и радиоактивные частицы непроницаемым туманом закрыли картину. Взрыв все-таки произошел, и колоссальный. Тарвиц не видел истребителей, но при такой

интерференции они могли быть где угодно, даже борт о борт с его кораблем.

Что же случилось?

— Саул, — произнес печальный голос, и Тарвиц понял, что это названный брат не дал ему погибнуть. — Можешь спускаться, истребителей больше нет.

— Нет? Как это?

— «Эйзенштейн» сбил их по моему приказу, — сказал Гарро. — Скажи мне, Саул, я правильно поступил? Если ты меня обманул, значит, я вынес приговор нам обоим.

Тарвицу захотелось рассмеяться. Он жалел сейчас только о том, что не может стиснуть побратима в объятиях. Он понимал, что Натаниэль Гарро за последние несколько мгновений принял самое тяжелое решение в жизни. Он проявил невероятное доверие и действовал согласно кодексу чести.

— Да, — произнес он. — Ты был прав, поверив мне, мой друг.

— Скажи мне — почему? — спросил Гарро.

Тарвиц попытался найти для друга

самые искренние слова, но понимал, что никакие уговоры не смогут облегчить тяжесть предательства. Вместо ответа он задал вопрос:

— Ты помнишь, что сказал мне когда-то о Терре?

— Да, мой друг, — вздохнул Гарро. — Я сказал, что и в те дни она уже была древней.

— Ты говорил о том, что создал Император, — продолжил Тарвиц. — Он создал гармоничный мир там, где раньше не было ничего, кроме варварства и жестокости. Ты говорил о шрамах, оставленных Веком Раздора, о ледниках, испарившихся при взрывах, и горных вершинах, которые сровнялись с землей.

— Да, — согласился Гарро, — я это помню. Император обосновался на этой разрушенной планете и с нее начал строить Империум. Ради этого я и сражаюсь — для того чтобы победить тьму и оставить Империум в наследство потомкам.

— И все это хотят предать, мой друг, — сказал ему Тарвиц.

— Я не позволю этому произойти,
Саул.

— У я тоже, брат, — поклялся Тарвиц. —
— Но что ты теперь будешь делать?

Гарро помедлил. Этот вопрос
подразумевал выбор — на чью сторону ему
встать, — и это решение заняло все его
мысли.

— Я доложу на «Андрониус», что сбил
тебя. Взрыв прикроет обман на время,
достаточное, чтобы ты успел добратсья
до поверхности.

— А потом?

— Необходимо предупредить
остальные Легионы о происходящем.
Только Воитель мог решиться на такое,
но даже он не начал бы эту кампанию без
того, чтобы не склонить на свою сторону
кого-то из своих братьев примархов. Розал
Дорн или Магнус никогда бы не отреклись
от Императора, и если я смогу вывести
«Эйзенштейн» из системы Устваана, я
смогу привести их сюда. Привести их всех.

— А ты сможешь это сделать? —
спросил Тарвиц. — Воителю скоро все
станет известно о нас.

— У меня есть некоторый запас времени, пока не возникнут подозрения, а потом против меня обратится вся флотилия. И почему так получается, что тот, кто встает за правое дело, должен погибнуть?

— В этом заключается одна из Имперских Истин, — ответил Тарвиц. — А ты справишься с управлением корабля, когда все откроется?

— Справлюсь, — заверил его Гарро. — Это будет непросто, но большая часть команды — стойкие уроженцы Терры, и они будут на моей стороне. Те, кто этого не сделает, погибнут.

В работе левого двигателя «Ястреба» послышались сбои, и Тарвиц понял, что долго корабль не продержится.

— Я должен спускаться на поверхность, Натаниэль, — сказал Тарвиц. — Не знаю, сколько еще «Ястреб» сможет оставаться в воздухе.

— Тогда пора попрощаться, — ответил Гарро, и его голос был полон обреченности.

— В следующий раз мы с тобой встретимся только на Терре, — произнес

Тарвиц.

-- Если мы встретимся, братец.

-- Обязательно встретимся,

Натаниэль, -- пообещал Тарвиц. -- Клянусь именем Императора.

-- Пусть тебе сопутствует свет Терры, -- отозвался Гарро, и связь прервалась.

Несколько мгновений назад Саул был на грани гибели, но теперь забрезжила надежда предотвратить ужасные последствия измены Воителя.

Вот что означала Имперская Истина, и Тарвиц, наконец, это осознал.

Она означала надежду. Надежду на Галактику, надежду на человечество.

Тарвиц в последний раз прищипнул гибнущий «Ястреб», взял курс на Дворец Регента и понесся к сердцу Хорала.

Глава 10

ДРАГОЦЕННАЯ ИСТИНА ПРААЛ ГРОВНИЦА СМЕРТИ

Отсек нижней палубы до отказа был забит людьми, пришедшими послушать слова апостола святой. Апостол — так его теперь называли, и это вселяло в Зингерманна уверенность, что даже в эти трудные времена ему посчастливилось остаться человеком, к словам которого прислушивались. Да, это отдавало тщеславием, но все же... Когда обстоятельства выходят из-под контроля, каждый пользуется тем, что ему доступно. Слух о его предстоящем выступлении быстро разлетелся по «Духовности», и Зингерманн беспокойно оглядывал помещение, надеясь, что это известие дошло только до гражданских лиц и летописцев. Вооруженные солдаты охраняли подступы к отсеку, но ему было понятно, что в случае нападения

Астартес или армейцев, подчиняющихся
Малозарству, никому из присутствующих
здесь не удастся остаться в живых.

Все они сильно рисковали, но
Эфратия достаточно ясно дала понять,
что Кирилл должен поговорить с людьми,
донести до них слово Императора и
рассказать о готовящемся предательстве,
о котором она узнала из видений.

Тысячи людей выжидаяще смотрели
на него, и Зингерманн, прочистив горло, с
импровизированной платформы,
построенной из пустых ящиков, оглянувшись
через плечо на наблюдающих за ним
Мерсади и Эфратию. Чтобы слова
долетели до самых дальних уголков зала,
на трибуне был установлен портативный
вокс-передатчик, но Зингерманн был
уверен, что поставленному голосу
императора не нужны никакие усилители.
Но вокс-связь все же была необходима,
выступление могли услышать те, кто не
имел возможности прийти на собрание, и
техники сумели подключить
портативный приемник к общей системе
связи корабля.

Слова Зингерманна должна была услышать вся флотилия.

Он улыбнулся собравшимся и отпил воды из стоящего на трибуне стакана.

Перед итератором расстилалось море нетерпеливых лиц, жаждущих услышать слова мудрости. Что же он и скажет? Зингерманн опустил взгляд на листок, исписанный заметками, которые приходили ему в голову во время скитаний по недрам корабля. Затем он снова взглянул на Эуфратию, и ее улыбка созрела ему сердце.

Зингерманн еще раз посмотрел на свои записи, но слова показались ему банальными и пустыми.

Он скоткал листок в плотный шарик, уронил на пол и тотчас ощутил одобрение Эуфратии, от которого кровь быстрее побежала по венам.

— Друзья мои, — заговорил он. — Мы живем в странное время, и сейчас происходят события, которые поразят вас, как поразили меня. Вы пришли услышать слова святой, но она попросила меня обратиться к вам, рассказать об

увиденном ею и о том, что должны делать
мужчины и женщины истинной веры.

В голосе императора прозвучала
некоторая таинственность и вместе с
тем сожаление об ужасных известиях,
которые ему предстоит обнародовать.

— Воитель изменил Императору, —
отчеканил он и затолчал, позволяя
неизбежным возгласам недоверия и гнева
заполнить зал.

Голоса людей поднимались и
затихали, словно морские волны, но
Зиндертманн не мешал бурлению толпы,
точно зная, в какой момент надо будет
продолжить выступление.

— Знаю, знаю, — произнес он немного
позднее. — Вы считаете, что это
нелогично, и совсем недавно я бы с вами
согласился. Но это правда. Святая
показала мне свое видение, и оно наполнило
мою душу смертельным холодом. Я
смотрел на распаханные войнами поля,
чувствовал ветер, обдирающий плоть с
костей, видел обращенные к небу глаза
людей, которые могли только мечтать о
мире, любви, справедливости. Я вдохнул

воздых, и он имел привкус крови, грузья
мои. В нем был запах разлагающихся тел
мертвецов, которых мы сочли своими
врагами, и за что? За то, что они не
захотели стать частью нашего постоянно
воющего Императора? А может, они
увидели дальше, чем мы? Возможно,
потребовался свежий взгляд со стороны,
чтобы увидеть то, чего мы уже не
способны узреть.

Публика притихла, но Зингерманн
увидел, что многие люди все еще считают
его безумцем. В толпе было множество
верующих, но не все. И если почти каждый
мог принять божественность Императора,
то лишь немногие были в состоянии
спириться с фактом предательства
Воителя. Мало у кого укладывалось в
голове, как можно отвергнуть, предать
такого замечательного правителя.

— Когда мы отправлялись в так
называемый Великий Крестовый Поход, его
целью было нести свет и знания в дальние
уголки Галактики, и какое-то время так
и было. Но, грузья мои, взгляните на
нас сейчас — когда в последний раз мы

принесли другим миром что-либо, кроме убийства? Мы приносим с собой самые разнообразные способы лишения жизни: изматывающие осады и противостояния в грязных, мокрых окопах, когда небо разрывается от артиллерийских обстрелов. И люди, ведущие нас, не намного лучше! Что можно ожидать от цивилизаций, когда их встречают Воитель, Головорез, Кривой? Они видят Астарес, одетых в бронированные доспехи, марширующих под жестокую музыку гремящих болтеров и ревущих цепных мечей. Какая цивилизация могла бы принять нас без сопротивления?

Зингерманн почувствовал, что настроение толпы переменилось, и понял, что возбудил их интерес. Теперь пора было затронуть чувства.

— Взгляните, что мы оставляем после себя! Множество телодвижений в честь кровопролития!

Загляните в Совет Лунеркала, где в светлых залах выставлены на всеобщее обозрение кровавые орудия войны, подивитесь их жестокой красоте, пока они

жгут своего часа. Мы смотрим на это оружие с любопытством, но забываем о том, сколько человеческих жизней на счету этих инструментов смерти. Мертвые не могут говорить с нами, они не в силах вместе с нами просить о мире, а тем временем память о них теряется и исчезает. Несмотря на ряды могил, несмотря на все триумфальные арки и вечные огни, мы забываем павших, поскольку боимся вспоминать, что они сделали, и при этом не оглянуться на себя.

Во время выступления Зингерманн ощутил, как его переполняет удивительная энергия, слова лились свободно, и каждое из них срывалось с губ словно по его воле, как будто рожденное чужим, более красноречивым талантом.

— Уже два столетия мы ведем войны в разных звездных системах и до сих пор не усвоили их уроков. Нам следует учиться у павших, поскольку они были главными свидетелями сражений. Только им ведом ужас и неизбежный провал любой войны. От поколения к поколению мы передаем эту

болезнь, поскольку не слышит предостережений тех, кто пал жертвой воинской гордыни, алчности или искаженной идеологии.

Начиная с передних рядов, а затем по всему залу прогремели дружные аплодисменты, и Зингерманн представил, что и на других кораблях, где могли слышать его речь, произошло то же самое.

На глазах императора выступили слезы, пальцы побелели от напряжения, вцепившись в края трибуны, а голос расстроганно угрожал.

— Пусть павшие на полях сражений возьмут нас за руки и поделятся с нами самой драгоценной истиной: не надо войны, пусть будет мир!

Люций ворвался в помещение, которое, скорее всего, являлось тронным залом. Мозаичный орнамент на полу представлял собой сложный узор, и казалось, будто при движении по полу пробегают рябь. В противоположном конце зала сверкнула вспышка болтера, но Люций успел укрыться за огромным клавесином, и лишь осколки мозаики окатили его с ног

го головы.

Вокруг него, заполняя все пространство центральной башни Дворца Регента, грелась костическая музыка. Подвески хрустальных люстр поблескивали и вибрировали в такт какофонии идущего внизу сражения. Все помещение было заставлено инструментами, и за каждым сидел сервитор, запрограммированный на отдельную партию священной симфонии Певцов Войны. Трубы огромных органов уходили ввысь под лучи молочно-белого утреннего света, еще выше висели десятки позолоченных колоколов, а вдоль стен стояли ряды бронзовых клеток с бритоголовыми хористами, выводящими мелодию слепого благоговения.

Струны музыкальных инструментов подергивались и переговаривались в такт оружейной стрельбе, а когда болтерный снаряд угодил в боковину органа, из его труб вырвались резкие диссонирующие ноты. Интенсивность стрельбы увеличивалась, наполняя воздух запахом горячего металла и смерти, и музыка

соперничала с канонадой, становясь все громче и яростнее.

Люций ощутил, как оглушительные звуковые волны вливают новые силы в его тело и каждая пронзительная нота, каждый прогремевший выстрел усиливают жажду крови.

Он остотрелся, осторожно выглянув из своего укрытия. Люций уже чувствовал приближение усталости, но радовался, что так быстро удалось проникнуть в сердце дворца. Прежде чем попасть в тронный зал, Деял Императора пришлось прокладывать дорогу через ряды защитников, тысячами убивая воинов в серебряных и черных доспехах.

Из своего укрытия Люций увидел, что находится позади возвышения, на котором спинкой к нему стоит величественный золотой трон, инкрустированный изумрудами и окруженный кольцом юпитров с толстенными толстыми партиями.

Чей-то выстрел попал в одну из книг, и над троном взмыла в воздух стая белых страниц.

В противоположном конце тронного зала многочисленные стражники окружили высокого человека в золотых доспехах с целым набором труб и похожих на громкоговорители устройств, торчащих из-за спины. Сквозь бурю серебристого огня Люций увидел, что из боковых коридоров навстречу Детям Императора выбежали новые отряды дворцовой гвардии.

— Им нельзя отказать в храбрости, — пробормотал он под нос.

Ценные мечи рассекали доспехи, рассыпая снопы искр, дождь из серебряных лезвий разносил в щелки корпуса музыкальных инструментов, за которыми укрывались воины. Сервиторы-музыканты гибли один за другим, и с яростным визгом рвались струны.

Но музыка по-прежнему плыла под сводами тронного зала.

Люций оглянулся на своих бойцов. Один из наикейцев упал, немного не добежав до укрытия, серебряные излы пронзили его череп насквозь. Тело лязгнуло доспехами о мозаичный пол рядом с Люцием. Из всего отделения осталось

всего трое назикейцев, и те оказались
отрезаны от своего командира.

-- Древний Руланор, вперед! -- крикнул
Люций в вокс. -- Прикрой меня!
Тактическое отделение, соберитесь за
троном и отвлекайте дворцовую стражу!
Совершенство и Смерть!

-- Совершенство и Смерть! --
откликнулись Дети Императора и с
привычной слаженностью встретились
вперед.

Тела воинов в серебряных доспехах,
разорванные болтерными снарядами,
замертво падали на пол. Стражники в
стеклянной броне, изрубленные и
окровавленные, опрокидывались на
разбитые инструменты. Сервиторы
конвульсивно дергались, все еще пытаясь
играть, хотя их конечности превратились
в дымящиеся обломки костей и проволоки.

Дети Императора, отделение за
отделением, залп за залпом, продвигались
вперед сквозь смертоносный ливень из
лезвий и сражались так, как надлежало
сражаться солдатам лучшего Легиона.

Люций, покинув укрытие, ринулся в

крүговором огня. Серебряные излы
застучали по доспехам.

Позади бронированный корпус
Филанора врезался в нагромождение
барабанов и колоколов, а когда гредноуп
открыл огонь, к оглушительному треску и
звону добавилась грохот стрельбы.
Стражники-акробаты в развевающихся
шелковых лентах отскакивали и
увертывались от цепных мечей и
болтерных снарядов с ловкостью танцоров
и отсекали воинам противника
конечности своими почти невидимыми
клинками.

Отряд воинов в стеклянных доспехах
сломанным строем атаковал Астартес,
выставив перед собой алебарды, но устоять
против организованной контратаки Детей
Императора у них не было ни единого
шанса. Отшлифованное мастерство, с
которым Астартес вели сражение,
обеспечивало преимущество в вихре огня,
смерти и музыки, наполнившем тронный
зал.

Люций пригнулся и зигзагами под
огнем побежал навстречу воину в золотых

доспехах. Лезвие его энергетического меча вспыхнуло яркими искрами, отлетая излы и осколки.

Доспехи его противника казались древними и были украшены не менее изысканно, чем у лорда-командира Демей Императора. В руках воина держал глинное копье, от обоих концов которого расходились смертельно опасные гармонические волны. Люций поднырнул под удар, отступил на шаг в сторону и сделал выпад, нацелив клинок в живот соперника.

Копье с неожиданной для Люция невероятной скоростью перевернулось, и мощный акустический удар отбросил меч раньше, чем тот успел коснуться цели. Люций отпрыгнул назад, а трубы, укрепленные на спине золотого воина, исторгли убийственную звуковую волну. Огромный участок мозаики пола сдуло, словно плитки были не каменными, а бумажными.

Один из стражников упал у ног Люция с развороченной залпом Руланора грудью, затем кто-то из назикейцев подрубил ноги

второго воина, и тот осел на пол.

Дети Императора рвались вперед, на помощь своему командиру, но Люций жестом остановил товарищей -- это был его личный бой. Он запрыгнул на пьедестал трона, и утренний свет, льющийся из-под купола, резко очертил силуэт золотого воина.

Смертоносное поющее копье устретилось к нему, и Люций, пригнувшись, потянулся вперед всем телом, попытавшись провести колющий удар, но чистая высокая нота изменила направление меча, и клинок нырнул вниз, воткнувшись в пол. Пока Люций вытаскивал меч, копье метнулось к нему, и музыкальное лезвие моментально деформировало пурпурно-золотые доспехи.

Вокруг бушевало сражение, но мастеру меча было не до него -- Люций был уверен, что сражается с предводителем восстания.

Только Вардус Праал мог окружить себя такими бесстрашными стражниками.

Люций развернулся, уходя от очередного удара, и оказался позади

Праала. Он рубанул мечом по трубам и
громкоговорителям. Сверкающее лезвие
меча с легкостью рассекло металл, и
Люций ощутил жестокую радость.

Но тут из разрубленных труб
вырвался громогласный рев, и мощная
звуковая волна вышвырнула Люция с
помоса.

Удар был такой силы, что броня
треснула, и музыка беспрпятственно
проникла внутрь доспеха. Люций ощутил,
как ее могущество чистейшим
незамутненным потоком вливается в его
тело. Словно сама его кровь запела, обещая
громкую славу и безграничное господство
музыки, света и всепрощения...

Люций чувствовал музыку в своей
душе и знал, что она нужна ему, нужна, как
ничто другое в жизни.

Он взглянул вверх и увидел, что
золотой воин легко спрыгнул с тронного
возвышения, а по воздуху, словно по воде,
расплывались волны музыки и обещаний.

-- А теперь ты умрешь! -- крикнул
Люций, отдаваясь во власть песни смерти.

Потом они назовут это место

Мавзолею смерти. Никогда еще Локен не испытывал такого сильного отвращения, как при виде этого пространства. Даже спутник Давина, где болота извергли из своих глубин мертвецов, не был столь отвратителен.

Шум битвы звучал адской пронзительной музыкой, поднимавшейся до безумного крещендо, а зрелище было еще хуже. Мавзолей смерти был заполнен множеством полурасложившихся тел, покрытых гнойными язвами.

Башня, в которой сражались Сыны Хоруса, внутри оказалась больше, чем выглядела снаружи, из-за углубленного пола. В образовавшуюся яму и были сброшены трупы. Это было похоже на гигантскую пиршественную чашу, поднесенную самой Смерти. Над ямой возвышался железный скелет, измазанный кровью, с угущими по кругу надписями, а конек скелета венчала статуя Отца Устваана — массивного бородатого бога, который отбирал души праведных, а остальных швырял в небо, где они должны были тосковать вместе с Утраченными

Детями.

На черном плече Отца Устваана восседала Дева Бумвы, и от ее резкого пения у Локена вибрировали нервы, а руки и ноги пронзали вспышки острой боли. Ям окружажали сотни устваанских солдат. Побуждаемые пронзительной песней смерти, устваанцы бросились навстречу Астартес, стреляя на бегу.

— Вперед! — закричал Локен.

Еще до того, как он сделал следующий вдох, враги уже были рядом. Через множество арок Астартес бросились в башню и, едва завидев врага, открыли огонь из болтеров. Локен успел сделать несколько выстрелов, и стороны сошлись в рукопашную.

В рукопашную вступили более двух тысяч Сынов Хоруса, и амфитеатр усыпальницы превратился в арену безудержной резни, подобную той, что царила на аренах цирков древней Ротании.

— Держитесь рядом, плечом к плечу, и продвигайтесь вперед! — кричал Локен, слабо надеясь, что его воины услышат призыв по вокс-связи.

Каждый иставаанский солдат, широко
открыв рот, забывающим голосом вторил
песне Девы Битвы, и шум стоял
непереносимый.

В напиральной толпе врагов Локен
расчистил небольшое пространство, и
Винус, следуя по пятам, пытался
расширить его своим цепным мечом.
Стратегия и воинское мастерство
утратили всякое значение. Сражение
превратилось в жестокую и
кровопролитную рукопашную схватку не на
жизнь, а на смерть.

У подобного противостояния мог
быть только один исход.

Локеном овладела тоска. Не вид
крови и зрелище множества смертей — он
и раньше видел все это в избытке, — а
бесстысленная расточительность этой
войны повергла его в уныние. Эти люди,
которых он убивал... Их жизни ведь что-то
значили. Они могли принять Имперские
Истины и помочь в создании общества, где
человеческая раса была бы единой, и
мудрость Императора вела бы их в полное
чуждое будущее. Вместо этого вероломный

правитель обманом превратил их в фанатичных убийц, обреченных на смерть во имя ложных идей.

Люди гибли, и гибли напрасно. Это никак не соответствовало целям Империи.

— Торгаддон! Отбрось их назад и расчисти немного места, чтобы можно было поднять оружие.

— Гарви, это легче сказать, чем сделать! — откликнулся Торгаддон, и кроме его голоса Локен услышал резкий треск костей.

Оглядевшись, капитан увидел, как несколько вражеских воинов набросились на одного из солдат Лахоста. Тот все еще пытался поднять болтер окровавленными, перебитыми руками, но вскоре солдат исчез под массой тел. Локен развернулся и плечом врезался в толпу врагов. Многие дрогнули под его напором, но остальные норовили запрыгнуть на спину, пули и клинки застучали по доспехам.

С яростным криком Локен рассек доспехи и тело ближайшего противника, и тот, падая назад, на секунду освободил

место. Этого Локену было достаточно, чтобы направить на врагов болтер. Оружие выплюнуло в толпу очередью разрывных болтов, превращая людей в кровавленное месиво из плоти и осколков доспехов.

Быстро стенив обойму, Локен снова повел огонь по истребителям, пытавшимся спихнуть Астартес в огромную открытую могилу. Сыны Хоруса, воспользовавшись освобождением пространства, усилили натиск и устремились вперед.

Тональность песни Девы Битвы изменилась, и Локен почувствовал себя так, будто ему в спину впилась ржавая когти. Он пошатнулся, и враги облепили его со всех сторон.

-- Торгаддон! -- крикнул Локен, стараясь перекрыть невероятный шум. -- Уничтожь Деву Битвы!

-- Прошу меня простить, Воитель, -- неуверенно произнес Малогарст, отвлекая Хоруса, сосредоточенно следящего за ходом сражения на поверхности планеты. -- У нас произошла небольшая неприятность.

-- В городе? -- не поднимая головы,

спросил Воитель.

-- На корабле, -- ответил Малогарст.

Хорус раздраженно взглянул на своего советника:

-- Объясни.

-- Главный итератор, Кирилл Зингерманн...

-- Старый Кирилл? -- удивился Хорус.

-- И что с ним случилось?

-- Похоже, что мы недооценили его, мой господин.

-- В каком смысле, Мал? -- спросил Хорус. -- Он же совсем старик.

-- Да, он стар, но может представлять собой угрозу, с какой мы еще не сталкивались, мой господин, -- продолжил Малогарст. -- Теперь он стал лидером, вернее, апостолом, как его называют. Он...

-- Лидером? -- прервал его Хорус. -- Лидером чего?

-- Многих людей флотилии гражданских лиц, корабельных рабочих и последователей Божественного Откровения. Он только что произнес речь, в которой призывал их противостоять

Легиону. Он утверждал, что мы
развязывает ненужные войны и задумали
изменить Императору. Мы пытаемся
выяснить, откуда поступил сигнал, но в
любом случае императора там уже давно
нет.

-- Поня-ятно, -- протянул Хорус. -- С
этой проблемой надо было разобратся до
Устваана.

-- А мы вас в этом подвели, -- признал
Малогарст. -- К нацифистским лозунгам
император добавил изрядную долю
религиозного пыла.

-- Это меня не удивляет, -- сказал
Хорус -- Зингерманн потому и был выбран
служить в моей флотилии, что мог в чем-то
удобно убедить самую раздраженную
толпу. Такое дарование, да еще
религиозный пыл действительно делают
его опасным человеком.

-- Они верят в божественность
Императора, -- добавил Малогарст, -- и в
то, что мы совершили предательство.

-- Такая уверенность может
оказаться заразной, -- пробормотал
Хорус. -- А вера -- это слишком мощное

оружие. Малогарст, мне думается, что мы недооценили потенциал, которым может обладать человек, даже гражданское лицо, если он во что-то верит.

-- Что прикажете сделать, мой господин?

-- Мы не смогли вовремя предотвратить угрозу, -- признал Хорус. -- Ее следовало уничтожить тогда же, когда мы разбирались с Варварусом и сатыми беспокойными летописцами. А теперь это отвлекает мое внимание от грандиозного предприятия, которое пока находится в весьма уязвимой стадии. Нам не избежать бомбардировки.

Малогарст виновато опустил голову.

-- Воитель, Зингерманн и его приспешники будут уничтожены.

-- Значит, в следующий раз, когда я о них услышу, они будут мертвы, -- заявил Воитель.

-- Все будет сделано, -- пообещал Малогарст.

-- Глупец! -- хриплым от раздражения голосом бросил Праал. -- Разве ты не видел

этого мира? Чужес, которые собираешься
уничтожить? Это же город богов!

Люций, все еще оглушенный мощным
акустическим ударом, сбросившим его с
тронного помоста, вскочил на ноги. Он был
уверен, что песня смерти звучала только
для него одного. Он ринулся в атаку, но
Праал отбил его вынаг и, защищаясь,
поднял копье.

-- Это город моего врага! -- стаясь,
крикнул Люций. -- И только это имеет
значение.

-- Ты глух к музыке Галактики. Я
слышал гораздо больше, чем ты, -- сказал
Праал. -- Возможно, тебя это огорчит, но я
слышал голоса богов. Я слушал их песню, в
которой они в своей мудрости проклинали
эту Галактику.

Люций растаялся Праалу в лицо:

-- Думаешь, меня это беспокоит? Все,
чего я хочу, -- это убить тебя!

-- Боги пели о том, что приносят в
этот мир ваши Имперские Истины! --
пронзительно крикнул Праал, и его голос
был полон презрения. -- Они несут страх и
ненависть. Я тоже был глух к музыке, пока

боги не открыли мне пути к забвению.
Теперь мой долг — положить конец вашему
Крестовому Походу!

— Попробуй, — ухмыльнулся Люций. —
Даже если ты перебьешь нас всех, придут
другие, придут сотни тысяч, и планета
превратится в пыль. Твое маленькое
восстание окончено, только ты этого пока
еще не понял.

— Нет, Астартес, — ответил Праал. —
Я выполнил свой долг, я затанил вас в
этот котел. Моя работа выполнена! Все,
что мне осталось, — это пролить кровь во
имя Отца Устваана.

Праал бросился в атаку и провел
серию искусных выпадов, заставив Люция
отступить назад, но мастеру меча
приходилось сталкиваться и с более
опытными противниками и одерживать
над ними победы. А песня смерти до
предела обострила его восприятие, и
Люций видел каждое движение противника
еще до его начала. Песня струилась в его
жилах и воздействовала на непонятном
Люцию уровне, но он прекрасно сознавал,
что никогда раньше не сталкивался с

подобным явлением.

Люций обрушил на Праала град ударов, заставляя отступить, и, хотя его противник успешно защищался, каждый удар оказывался все ближе к цели.

Отблеск страха в глазах Праала наполнил душу Люция жестоким ликованием. Музыкальное копье испустило последний протяжный вопль и разлетелось на осколки под ударом энергетического клинка.

Мастер меча ударил с разворота, обхватив рукоять обеими руками, и вонзил оружие в золотую грудь Праала, пронзив доспехи, и грудную клетку, и внутренние органы.

Поверженный, но еще живой Праал упал на колени, бессильно шевельнул губами, и из его рта хлынула кровь. Люций резко повернул меч, наслаждаясь хрустом ломаемых ребер.

Затем он поставил ногу на тело поверженного врага, освободил меч и торжествующе затер над убитым татежником.

Вокруг Дети Императора добивали

оставшихся стражников дворца, но после смерти Праала песня в крови Люция затихла, и он потерял интерес к битве. Мечник повернулся к трону, ощущая странную тоску о покинувшей его тело музыке.

Он стоял за спинкой трона и не мог видеть сидящего на нем. Но панель управления перед троном, похожая на чудовищно сложный часовой механизм, продолжала работать.

Люций обогнул трон и взглянул в остекленевшие глаза сервитора.

Его голова держалась на тонком остове из металлической арматуры, а корпус поблескивал латунными деталями. Из грудной клетки выдавались острые вибрирующие зубы, при помощи которых сервитор читал ноты в расставленных вокруг трона книгах. Его руки, сложнейшие двадцатипалые манипуляторы из металла и проводов, мелькали над панелью управления.

Без Праала музыка стала звучать фальшиво, отрывистые аккорды просто грели невпопад. Эти звуки не шли ни в

какое сравнение с чудесными мелодиями, которые подпитывали Люция энергией во время боя с Праалом.

Внезапно ощутив приступ неудержимой ярости, мастер мечей взмахнул клинком и превратил контрольную панель в сноп ярких искр и гругу обломков. Музыкальный аккорд перешел в протяжный предсмертный стон, потрясший каменные лепестки двorca, а потом растворился в воздухе, словно забытый сон.

Костическая музыка оборвалась, и для Устваана умолкли голоса богов.

Локен отчаянно отбивался от толпы стражников, пытавшихся пронзить его своими сверкающими алебардами, но тут чудовищный грохот сотряс башню, несколько ступив противника и ослабив его натиск. Позади Торгаддон организовал линию огня, и залп из болтеров ударил по черному мавзолею смерти. Дева Бумвы, словно подстреленная птица, упала со статуи Отца Устваана. Ее последний отчаянный крик пронзил пространство, а тело, скатившись с крыши склепа, тяжело

ударилось о резные камни цоколя.

— С ней покончено! — раздался в воксе голос Торгаддона, несколько удивленного легкостью победы над Девой Бумвы.

— Кого ты потеряли? — спросил Локен.

Ряды вражеских солдат заметно поредели после гибели Девы Бумвы, но Локен подозревал, что дело не только в смерти невицы. Что-то изменилось в общей обстановке на Устваане, хотя он еще и не понимал, что именно.

— Большую часть отделения Шаггарта, — ответил Торгаддон, — и множество других воинов. Мы не узнаем точно, пока не выберется отсюда, но есть кое-что еще...

— Что такое? — спросил Локен.

— Лахост доложил, что пропала связь с орбитой. Нет никаких сигналов, словно «Дух тищения» бесследно исчез.

— Это невозможно, — сказал Локен, оглядываясь в поисках знакомой фигуры Лахоста.

Он отыскал сержанта на краю погребальной ямы и торопливо направился к нему. Торгаддон и Винус последовали за

ним.

— Возможно или нет, но именно так он мне и сказал, — добавил Торгадгон.

— А как насчет связи с остальными иштүртгруппами? — спросил Локен, присаживаясь на корточки рядом с Лахостом. — Как насчет двorca?

— Тут нам повезло больше, — отвечал Лахост. — Я смог докричаться до капитана Эрлена из Легиона Пожирателей Миров. Похоже, что они еще находятся снаружи. Там происходит ужасная бойня, погибли тысячи горожан.

— Великая Терра! — воскликнул Локен, представив себе, что значит «бойня» в понимании Пожирателя Миров, и реки крови, текущие по улицам Хорала — А они смогут связаться с кем-нибудь на орбите?

— Капитан, для этого у них слишком заняты руки, — ответил Лахост. — Даже если они и смогут связаться с «Завоевателем», вряд ли будут передавать что-то для нас. Я узнал от капитана Эрлена только то, что они убивают врагов голыми руками.

— А что во дворце?

– Ничего. Я не сумел связаться с капитаном Люцием из Демей Императора. С первого же момента, когда они вошли во дворец, со связью стало твориться что-то невообразимое. Иногда удавалось услышать какую-то музыку, но ничего больше.

– Тогда продолжай вызывать Гвардию Смерти. С ними «Диес ире», так что попробуем воспользоваться передатчиком капитана для связи с орбитой.

– Я пытаюсь, сэр, но все это не слишком обнадеживает.

– А мы-то думали, что на этом все закончится, – проворчал Локен. – Однако Хорал не собирается сдаваться после гибели своих правителей. Может, Пожиратели Миров правы и нам придется уничтожить всех жителей до последнего? Сюда пора спускать вторую волну десанта, а если не удастся связаться с Воителем, эта кампания может чересчур затянуться.

– Я попытаюсь наладить связь, – сказал Лахост.

– В первую очередь надо связаться с

остальными частями штурмгруппы, -- приказал Локен. -- Мы оказались отрезанными. Надо пробиваться к дворцу на соединение с Пожирателями Миров или Детями Императора. Оставаясь здесь, мы не дождемся ничего хорошего. Только предоставим истребителям шанс нас окружить.

-- Здесь еще полно вражеских солдат, -- заметил Торгаддон.

-- Значит, будем пробиваться с боем. Мы не сможем овладеть городом, если будем сидеть и ждать новой атаки.

-- Согласен. В западной стене я видел ворота. Оттуда легче всего добраться до города, но и это будет тяжелая работа.

-- Отлично, -- одобрил Локен.

-- Это ловушка, -- сказала Мерсади. -- Ловушка, и больше ничего.

-- Возможно, ты права, -- согласился Зиндерманн.

-- Конечно, я права! -- воскликнула Мерсади. -- Малогарст уже пытался убить Эфратию. Его наемник чуть и вас не убил, помните?

-- Очень хорошо помню, -- кивнул

Зингерманн. — Но подумай, какая представляется возможность! Там будут тысячи людей, и они ничего не сделают на таком многолюдном собрании. А может, нас и вовсе не заметят.

Мерсади раздраженно отвернулась от Зингерманна, проклиная упрямство старого императора. Разве не он несколько часов назад рассказывал сотням людей о вероломстве Воителя? А теперь хочет показаться вместе с ним в одном помещении?

Их разбудил один из корабельных рабочих, который молча вложил в угрожающую руку Зингерманна свернутый листок бумаги. Обменявшись тревожными взглядами с Мерсади, император прочел послание. Это был декрет Воителя, предписывающий всем летописцам собраться в главном аудиенц-зале «Духа тишины» для того, чтобы разделить с руководством триумф на Устваане III. Еще в нем говорилось о возникших, к большому огорчению Воителя, разногласиях между Астартес и летописцами. Столь великодушным

жестом Божитель намеревался развеять все страхи, которые возникли в результате этого непреднамеренного отчуждения.

— Он считает нас законченными идиотами, — настаивала Мерсади. — Неужели он действительно считает, что мы клюнем на такую приманку?

— Малогарст очень хитер, — рассудил Зиндерманн, свернув листок и бросив его на постель. — Его больше нельзя считать обычным воином. Он пытается обнаружить нас и полагает, что ни один из летописцев не откажется от подобного предложения. Если бы я был не так щепетилен, я мог бы им восхищаться.

— Тем более не стоит лезть в этот капкан! — возмущилась Мерсади.

— А вдруг все это искренне, моя дорогая? — спросил Зиндерманн. — Вообрази, мы могли бы узнать обо всем, что происходит на Устваане III.

— Кирилл, «Дух мщения» — огромный корабль, и мы можем прятаться очень долго. А потом вернется Локен и защитит нас.

- Как он защитил Изнация?

- Это нечестно, Кирилл, - ответила Мерсаги. - Локен мог бы помочь нам покинуть корабль, как только флотилия выйдет из системы Устваана.

- Нет, - раздался голос за спиной Мерсаги, и спорящие обернулись к Эфратии Киилер.

Она снова очнулась, и Мерсаги давно не слышала, чтобы ее голос звучал так сильно. Эфратия выглядела лучше, чем когда-либо после ужасного происшествия в Архиве. Видеть ее здоровой, разговаривать с ней после долгой болезни Мерсаги было еще непривычно, и она тепло улыбнулась подружке.

- Мы пойдем, - сказала Эфратия.

- Ты уверена? - удивилась Мерсаги. - Эфратия...

- Да, Мерсаги, - прервала ее Киилер. - Я уверена.

- Это ловушка.

- О, не надо быть провидцем, чтобы это понять, - засмеялась Эфратия, и Мерсаги показалось, что ее смех звучит несколько принужденно и не совсем

искренне.

— Но они нас убьют!

Эуфратия улыбнулась:

— Да, убьют. Если ты и дальше будешь прятаться, нас рано или поздно выследят. В корабельной команде много верующих, но у нас есть и враги. Я не допущу, чтобы церковь Императора погибла таким образом. Она не должна сгинуть в неизвестности из-за убийства трех человек.

— Ну, мисс Киулер, — неестественно весело произнес Зингерманн, — теперь вы говорите точно как я.

— Эуфратия, они могут когда-нибудь нас найти, — сказала Мерсади, — но зачем же облеγχать ил задачу? Зачем идти прямо в лапы Воителю, если можно прожить немного дольше?

— Потому что ты должна понять, — ответила Эуфратия. — Ты должна понять сама. Эта судьба, это предательство, все это слишком велико, чтобы ты могли понять, не будучи очевидцами. Поверьте, друзья мои, я говорю правду.

— Но теперь это не вопрос веры, не так ли? — заметил Зингерманн. — Теперь...

— Теперь настало время перестать думать как летописцы, — прервала его Эуфратия. Мерсади заметила, как в глазах подруги вспыхнул свет и разгорается все ярче с каждым словом. — Имперские Истины умирают. Мы сами убедились в этом еще на Шестьдесят Три Девятнадцать. Нам осталось или погибнуть вместе с ними, или следовать за Императором. Эта Галактика слишком проста, чтобы мы могли в ней скрыться, и Император не в состоянии осуществить свою волю через людей, которые даже не знают, верят они или нет.

— Я пойду с тобой, Эуфратия, — сказал Зиндертманн, а Мерсади вдруг поняла, что и сама кивает в знак согласия.

Глава 11

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ГУБЕЛЬ МИРА

ПОСЛЕДНИЙ УРОЖЕНЕЦ

ХТОНУ

Первое, что увидел Тарвиц в городе Хорале, была величественная каменная орхидея Дворца Регента. Саул выбрался из потамого «Грозового ястреба», которого утудрился посадить на крыше одного из сворцовых флигелей, и окинул взглядом возвышавшийся перед ним центральный купол. К небу поднимались клубы дыма, а с площади на северной стороне доносились пронзительные вопли, и в ноздри бил запах недавно пролитой крови.

У Тарвица перехватило дыхание от ужасной мысли: в любой момент все живое на планете перестанет быть живым. Затем он увидел Астартес -- Демей Императора, идущих к нему по крыше, и сердце радостно дрогнуло. Тарвиц узнал

отделение Назикеи. Впереди шел Люций с еще дымящимся после боя мечом.

-- Тарвиц! -- воскликнул Люций, и Саул не смог не заметить, что мастер меча держится еще более самодовольно, чем обычно. -- Я не ожидал, что ты на такое решишься! Соскучился по убийству?

-- Люций, какова обстановка? -- спросил Тарвиц.

-- Дворец взят, и Праал мертв, убит твоей собственной рукой! Я уверен, ты уже почуял Пожирателей Миров: они не успокоятся, пока все вокруг не провоняет кровью. Остальная часть города отрезана. Мы не можем ни с кем связаться.

Люций показал рукой на запад, где огромный силуэт «Диес ире» поливал огнем невидимых отсюда несчастных истваанцев.

-- Похоже, что Гвардии Смерти скоро некого будет убивать.

-- Мы должны как можно скорее связаться с остальными отделениями десанта, -- сказал Тарвиц. -- С Сынами Хоруса и Гвардией Смерти. Прикажи своему отделению этим заняться. Пошли

кого-нибудь на более высокую позицию.

-- Зачем? -- удивился Люций. -- Что происходит, Тарвиц?

-- Нам грозит удар. Очень сильный. Бомбардировка вирусными снарядами.

-- Устваанцы?

-- Нет, -- горестно ответил Тарвиц. -- Нас предали наши товарищи.

Люций вскинул брови.

-- Воитель? Саул, что ты нес...

-- Люций, нас послали сюда на верную смерть. Фүлгрим выбрал тех, кто не является частью его колоссального плана.

-- Саул, это безумие! -- крикнул Люций. -- Зачем это нашему притарху?

-- Я не знаю, но он бы не решился на такое без приказа Воителя, -- сказал Тарвиц. -- Это лишь первая стадия еще более грандиозного плана. Я не знаю, какова конечная цель, но мы должны попытаться остановить их.

Люций покачал головой, черты его лица исказили обида и горечь.

-- Нет. Притарх не мог послать меня на смерть, не мог после всех тех сражений, которые я для него выиграл. Я был одним

из избранных Фүлгрита! Я никогда его не погводил, никогда не задавал вопросов! Я бы пошел за ним даже в преисподнюю!

— А я не пошел бы, Люций, — сказал Тарвиц. — А ты мой друг. Прости, но у нас нет времени на разговоры. Мы должны предупредить всех, кого успеет, а потом найти укрытие. Я передам известия Пожирателям Миров, а ты свяжись с Сынами Хоруса и Гвардией Смерти. Не вдавайся в подробности, только скажи, что ожидается вирусная бомбардировка, пусть ищут укрытие.

Тарвиц оглянулся на громаду двorca. Даже после того, как по нему прошли Астартес, сооружение выглядело внушительно и оставалось довольно хорошим укреплением.

— Под таким строением обязательно должны быть катакомбы или глубокие погвалы. Если мы до них доберемся, то сможем остаться в живых. Люций, город погибнет, но, будь все проклято, я не собираюсь умирать вместе с ним!

— Я сейчас приведу сюда офицера связи, — сказал Люций, едва сдерживая гнев.

-- Хорошо. Люций, помни, у нас мало времени. Бомбардировка может начаться в любой момент.

-- Это ятеж, -- бросил Люций.

-- Да, -- кивнул Тарвиц. -- Так оно и есть.

При всех своих ритуальных играх, Люций и сейчас, как и всегда, был отличным солдатом, офицером, чья уверенность могла увлечь остальных, и Тарвиц знал, что может на него положиться. Мастер меча кивнул товарищу.

-- Уди, отыщи капитана Эрлена. Я предупрежу остальные Легионы и отведу наших воинов в укрытие. Потом снова с тобой свяжусь.

-- Тогда до встречи, -- произнес Тарвиц.

Люций повернулся к назикейцам, отрывисто отдал несколько команд и бегом направился к главному куполу дворца. Тарвиц двинулся следом, поглядывая вниз, на северную площадь. Иногда его взгляд невольно приковывали отдельные сцены сражения, а в уши били

отчаянные крики, прорывавшиеся сквозь
рев цепных мечей.

Люций взглянул на утреннее небо. Над
городом собирались тучи.

В любую секунду пелену облаков
могут прорвать вирусные бомбы.

А когда они упадут на поверхность
Иствана III, погибнут миллиарды
людей.

В окнах и бункерах западные города
Хорала, в огне и грязи погибали люди и
Астартес. «Диес ире» вздрогнул, выпустив
очередной залп. Посредник Кассар ощутил
удар в полной мере, словно сам держал в
руках огромный многоствольный болтер
«Вулкан». Титан был уже неоднократно
ранен, бесчисленные ракеты и снаряды,
бившие в его колоссальный корпус,
оставили глубокие шрамы.

Кассар чувствовал каждый из них, но
никакие повреждения не могли ни
замедлить продвижение «Диес ире», ни
сбить его с курса. Целью титана было
разрушение, и смерть была наказанием,
которое гигантская боевая машина
обрушивала на головы врагов Императора.

Кассара переполняли эмоции. Никогда еще он не чувствовал себя так близко к Императору, не ощущал столь полного единения с богом-машиной, в которой билась частица Его могущества.

— Арүкен, внимание на правый борт! — командовал принцес Түрнет со своего командного кресла. — Перешагни через эти бункеры, а то они оторвут нам левую ногу.

«Диес уре» качнулся в сторону, его огромная ступня сорвала крыши с нескольких бункеров и раздавила артиллерийское гнездо. Десяток истваанских солдат выбрался из под обломков и поспешно наводил уцелевшее тяжелое орудие на титана.

Истваанцы оказались хорошо обученными и прекрасно вооруженными солдатами, и хотя их оружие не могло соперничать с пушками титана, окопы и траншеи в определенной степени уравнивали силы. Кроме того, когда начинается стрельба, человек с ружьем всегда остается человеком с ружьем.

Воины Гвардии Смерти, пробивая путь через окопы, уничтожали тысячи

солдат, но истребителей было очень много, и они не спасались бегством.

Нет, они отступали, покидая окон за окном, и рассеивались под неудержимым натиском Астарес.

Тускло-коричневые и серо-зеленые шлемы истребителей и их забрызганные грязью шинели было трудно заметить невооруженным глазом на фоне земли и дыма, но сенсоры «Диез ире» проецировали на сетчатку глаз Кассара удивительно четкие образы, и он мог видеть даже самые мелкие детали.

Кассар дал залп из большого калибра и наблюдал, как в воздух поднялись фонтаны земли и крови. Истребители были уничтожены рукой Императора.

— Вражеские силы сосредоточились слева по курсу, — доложил модератор Цона Арүкен.

Его голос казался Кассару очень далеким, хотя Арүкен сидел всего лишь по другую сторону от командирского кресла.

— Гвардия Смерти с ними разберется, — отозвался Турнет. — Сосредоточься на артиллерии. Тяжелые

орудия могут повредить титан.

Кассар посмотрел вниз, где поблескивали серым металлом доспехов бойцы Гвардии Смерти. Два отделения, окружив бункер, забросали гранатами огневые щели, выбили двери и теперь уничтожали остатки истребителей из болтеров и прометием из огнеметов. С высоты командирского мостика «Диес ире» воины Гвардии Смерти казались роетниками в блестящих панцирях, ползающих по траншеям.

Мертвые Астартес, сраженные огнем тяжелой артиллерии или массированной стрельбой истребителей, лежали на земле, но по сравнению с грудями тел защитников города на каждом пересечении траншей их было совсем немного. Истребительские солдаты, отдавая окон законот, собирались в самой северной части укреплений. Как только они дойдут до базилики из белого мрамора с высокими шпилями в виде трезубца, они окажутся в ловушке и будут уничтожены.

Кассар повернул несущую оружие руку титана в сторону артиллерийской

позиции метрах в пятистах, откуда по
Гвардии Смерти велся массированный
огонь.

-- Принцес! -- воскликнул Кассар. --
Вражеская артиллерия подтягивает
резервы в восточный квадрант!

Турнет ничего не ответил, он
сосредоточенно вслушивался в донесения,
поступающие по его личному вокс-каналу.
Судя по всему, он получил какой-то приказ
и молчаливым кивком подтвердил его.

-- Стоп! -- рявкнул принцес. -- Арюкен,
прекратить движение. Кассар, отставить
подачу боеприпасов.

Кассар привык мгновенно исполнять
приказы командира, поэтому подача
снарядов в пушки титана была
остановлена моментально, но затем
модератор испытал шок -- до него дошел
смысл полученного приказа, и это
заставило его сознание вернуться в
командную рубку. Он уже не смотрел на
поле битвы глазами «Диес ире», а сидел
рядом со своими товарищами офицерами
на капитанском мостике.

-- Принцес, что случилось? -- спросил

Кассар, простатривая последние сводки. --
У нас что-то неисправно? Если где-то и
есть повреждение, я ничего не вижу.
Первичные системы работают...

-- Это не повреждение, -- резко оборвал
его Түрнет.

Кассар удивленно отвел взгляд от
нестройных колонок данных на
информационной панели.

-- Посредник Кассар! -- гаркнул
Түрнет. -- Какая температура в
оружейных отсеках?

-- Вполне допустимая, -- ответил
Кассар. -- Я собирался обстрелять еще одну
огневую точку.

-- Закройте каналы охлаждения и
загерметизировать систему снабжения
боеприпасами. Быстро!

-- Принцес! -- воскликнул Кассар. --
Мы останемся безоружными!

-- Я -- это -- знаю, -- раздельно произнес
Түрнет, словно отвечая идиоту. -- Вы
слышали приказ. Нам необходимо
загерметизироваться.

-- Загерметизироваться, сэр? --
переспросил Арүкен, ошеломленный не

меньше Кассара.

— Да. Титан должен быть запечатан с головы до ног, — подтвердил Турнет и включил вокс-канал общей связи. — Всем экипажу, говорит принцес Турнет. Принять меры по подготовке к биологической атаке. Заграить все люки. Отключить вентиляцию реактора и перейти...

— Принцес, — настойчиво повторил Арүкен. — Нам угрожает биологическое оружие? Или атомное?

— У истваанцев оказалось оружие, о котором мы не знали, — ответил Турнет, но Кассар понял, что принцес лжет. — Они готовы его применить. Нам необходимо укрыться, иначе погибнем.

Кассар снова воспользовался глазами титана и посмотрел в сторону траншей. Воины Гвардии Смерти продолжали наступление через окопы и руины бункера.

— Но, принцес, как же Астартес?

— Посредник Кассар, ты слышал мои приказы! — крикнул Турнет. — Вот и выполняй их. Закрывай каждый люк, каждый вентканал, добейся полной

сертификации, иначе мы все умрем.

Кассар мысленно приказал «Диес ире» заглушить все каналы и заглушки, но его внутреннее сопротивление несколько затянуло эту процедуру.

Внизу воины Гвардии Смерти продолжали теснить обороняющихся Хорала, явно не зная, что истребители готовятся сбросить на них трон знает что. Или не знает.

Битва продолжалась, но «Диес ире» замолчал.

Главный аудиенц-зал «Духа тщения» представлял собой колоссальное помещение с колоннами, мраморными стенами и золотыми пиластрами. Такого великоления Зингерманну раньше не приходилось видеть, хотя он прожил долгую жизнь, и выражение лиц у тысяч собравшихся здесь людей было как у детей, которым показали новое, неслыханное чудо. Выхватывая взглядом в толпе знакомые лица, Зингерманн понимал, что все легионы флотилии приняли приглашение Воителя.

У дальней стены зала на возвышении

стояли Воитель и Малогарст. Они были слишком далеко, чтобы различить в гуще народа Зингерманна, Мерсаги и Эуфратию.

Но крайней мере, Зингерманн очень на это надеялся. Но кто знает, насколько острое зрение у Астартес и тем более у примарха?

И Воитель, и Малогарст были одеты в костюмы кремового цвета, отделанные серебром и золотом, а перед возвышением выстроился отряд Астартес. На стенах зала мерцало несколько больших пикт-экранов.

— Все это похоже на выступление императоров в приведенном к Согласию мире, — заметила Мерсаги, вслух произнеся то, о чем сам Зингерманн только что подумал.

Сходство было настолько сильным, что он начал прикидывать, какое послание им предстоит услышать и какими аргументами оно будет усилено. Император даже оглядел зал в поисках подставных слушателей, которые должны в определенные моменты хлопнуть и

издавать одобрительные крики, чтобы
создать в толпе соответствующее
настроение. На каждом из экранов
отображался сектор системы Устваана
III на фоне черного космоса с
блестящими точками кораблей флотилии
Воителя.

-- Эуфратия, -- заговорила Мерсаги,
пока они пробирались сквозь толпу
летописцев. -- Помнишь, я говорила, что
это плохая идея?

-- Да? -- откликнулась Эуфратия, сияя
широкой невинной улыбкой.

-- Так вот, теперь я считаю, что это
действительно плохая идея. Ты только
посмотри, сколько здесь Астартес!

Зингерманн, проследив за взглядом
Мерсаги, покрылся испариной при виде
множества воинов, окружавших зал по
периметру. Если хоть один из них узнает
кого-нибудь из их троицы в лицо, все будет
кончено.

-- Мы должны это увидеть, -- сказала
Эуфратия, потянув итератора за рукав. --
Вы должны это увидеть.

Зингерманн ощутил жар от ее

прикосновения и увидел вспыхнувший в
глазах свет, словно просверк первой
толнии перед бурей. Он вдруг с изумлением
понял, что стал немного побаиваться
Эфратии. Летописцы нетерпеливо
кружили по залу, переходили с места на
место, и Зингерманн старался не
поворачиваться лицом к Астармес, а
смотреть в центр зала.

Наконец, экраны ожили, и при виде
залитых кровью улиц Хорала Эфратия
стиснула руку Мерсади, а над толпой
пронесся испуганный вздох. Отчетливые и
подробные изображения, передаваемые с
кораблей, зависших в небе над городом,
заполнили экраны, и при виде последствий
жесточайшей резни Зингерманн ощутил,
как в его груди разгорается гнев.

Перед его внутренним взором тут же
встали картины увиденного в Шепчущих
Вершинах, и Зингерманн напомнил себе,
что Астармес специально для этого и
созданы, но старый итератор даже не
надеялся, что когда-либо привыкнет к
столь отталкивающим подробностям
войны. Улицы Хорала были буквально

завалены трупами, и даже стены зданий были красными, словно небеса разразились кровавым ливнем.

— Вы говорили, что хотите видеть войну, летописцы? — раздался голос Воителя, легко донесшийся до самых дальних уголков зала. — Что ж, вот вам война.

Изображение дрогнуло и стеснилось вверх, минуя панораму неба. Теперь пикт-экраны заполнила темная, усеянная звездами бездна.

Толпа вздрогнула, когда из этой бездны ударили сверкающие копья света и понеслись к поверхности планеты.

— Что это такое? — спросила Мерсади.

— Это бомбы, — с ужасом ответил Зиндертманн, не веря своим глазам. — Планету подвергли бомбардировке.

— Итак, это началось, — произнесла Эуфратия.

Площадь действительно представляла собой ужасное зрелище: пересечь ее можно было, только шагая по колено в крови. Тысячи мертвых тел

плавали в этом кровавом озере. Тела, изрешенные болтерными снарядами; тела, расчлененные цепными мечами; тела, разорванные голами руками...

Тарвиц шагал по трунам, направляясь в центр площади, к импровизированному опорному пункту -- островку из множества истерзанных тел, наваленных вокруг искореженных останков рухнувшей десантной капсулы.

Наверху отвратительной баррикады из трунов его встретил приветственным кивком Астартес из Легиона Пожирателей Миров в залитых кровью доспехах и с покрытым шрамами лицом.

-- Мне нужен капитан Эрлен, -- обратился Тарвиц к воину. -- Где он?

Воин не стал тратить дыхание на разговор, а просто ткнул пальцем в сторону Астартес, на нагруднике которого красовались многочисленные свитки с особыми обетами. Тарвиц поблагодарил воина кивком и устремился в указанном направлении. По пути ему попался раненый Астартес, с которым возился аптекарий. По виду медика можно было предположить,

что он принимал в бою не меньшее участие, чем его пациент.

Эрлен взглянул на подошедшего Тарвица. В какой-то из прошлых битв лицо капитана сильно пострадало от огня, а на его морще засохло так много крови, что он стал больше похож на губину.

— Смотрите, Дети Императора прислали нам подкрепление! — крикнул Эрлен, вызвав у своих товарищей взрыв хохота. — Целого воина! Теперь враг наверняка убежит со страху, и мы будем спасены!

— Капитан, — обратился к нему Тарвиц, вскарабкавшись на баррикаду из трюнов. — Я капитан Саул Тарвиц и пришел, чтобы предупредить вас об опасности. Ты должен немедленно увести своих воинов в укрытие.

— В укрытие? Это невозможно, — сказал Эрлен, кивая на дальнюю сторону площади. В окнах и между домами там двигались какие-то тени. — Они затеяли перегруппировку. Стоит нам тронуться с места, и они могут нас одолеть.

— У истваанцев имеется биооружие. —

Тарвиц решил солгать, чтобы скорее убедить капитана Пожирателей Миров. -- Они готовы его применить, и тогда в Хорале никто не выживет.

-- Они собираются уничтожить собственную столицу? А я-то думал, что это место для них священо. Что-то вроде храма.

-- Они уже показали, как мало ценят собственные жизни, -- быстро ответил Тарвиц, указывая на горы трупов. -- Устваанцы пожертвуют своим городом, лишь бы уничтожить нас. Выгнать захватчиков с планеты для них важнее, чем уберечь население города.

-- Так ты предлагаешь нам покинуть позиции? -- возмущенно спросил Эрлен, словно Тарвиц намеренно оскорбил честь его Легиона. -- Как ты об этом узнал?

-- Я только что с орбиты. Все готово для удара. Если вы в момент вирусной атаки останетесь на поверхности, то погибнете. В этом ты можешь быть совершенно уверен.

-- И куда ты предлагаешь нам спрятаться?

— К запасу от вашей позиции, капитан, — сказал Тарвиц, украдкой поглядывая на небо. — Там начинаются оборонительные укрепления и много бункеров, причём хорошо укрепленных. Если ты переведешь туда своих воинов, они должны выжить.

— Должны?! — огрызнулся Эрлен. — Что это все, что ты можешь предложить? — Несколько мгновений он взглядывался в лицо Тарвица. — Если ты ошибаешься, кровь твоих воинов будет на твоих руках, и я сам лично убью тебя в случае их гибели.

— Я это понимаю, капитан, — ответил Тарвиц. — Но у нас мало времени.

— Хорошо, капитан Тарвиц, — кивнул Эрлен. — Сержант Флейст — на левый фланг! Сержант Вронг — на правый! Пожиратели Миров, все идет на запас в атаку, обнажить оружие!

Пожиратели Миров похватили свои ценные топоры и мечи. Перемазанные запекшейся кровью, воины передовых отделений поспешно заняли места во главе отряда и стали спускаться с баррикады.

— Тарвиц, ты с нами? — спросил

Эрлен.

Тарвиц кивнул, вытащил свой меч и последовал за Пожирателями Миров спустился на площадь.

Несмотря на то, что вокруг были братья Астартес, он чувствовал себя среди них чужаком. Воины построились в боевой порядок и кратчайшим путем направились на заваленную трупами площадь к относительной безопасности бункеров.

Тарвиц взглянул на сгущающиеся тучи, и его сердце затерло.

Первые сверкающие полосы уже протянулись над городом.

— Началось, — сказал Локен.

Лахост оторвал взгляд от полевого вокса. Небо над Хоралом прочертили огненные линии. Локен попытался прикинуть траекторию и скорость падающих горящих стрел — некоторые снаряды попадут между шпилями Храма Испытания, как несколько часов назад летела десантная капсула Сынов Хоруса. И они упадут уже через считанные минуты.

— Люций сказал что-нибудь еще?

-- Нет, -- ответил Лахост. -- Какое-то биоружие. Вот и все. Похоже, что он торопился в бой.

-- Тарик! -- крикнул Локен. -- Отходим! В подземелья Храма Испытания.

-- Этого будет достаточно?

-- Если катакомбы глубокие, может, и достаточно.

-- А если нет?

-- Со слов Люция я понял, что тогда мы погибнем.

-- Значит, пора двигаться.

Локен обернулся к собравшимся вокруг Сынам Хоруса.

-- Выступаем немедленно! Угел к Храму Испытания и спускается вниз. Скорее!

Ближе всех к ним находилась высокая башня, восток которой были увенчаны злобными мордами горгулий, а стены украшены барельефами, изображающими картины преисподней из древних мифов Устваана. Сыны Хоруса, сняв боевой порядок, встретились к ней.

Локен услышал глухой удар воздушной детонации высоко над городом и ускорил

шаг, направляясь в темноту башни-
усыпальницы. Внутри она оказалась такой
же мрачной и безобразной, как снаружи.
Пол был выложен мозаикой, изображавшей
искаженные фигуры людей с воздетыми
руками, и расчерчен полосами черного
камня так, что создавалось впечатление,
будто они протягивают руки через прутья
клетки.

— Здесь есть спуск! — крикнул
Торгадгон.

Локен поспешил за остальными
воинами к входу в катакомбы,
выстроенному в виде огромной, чудовищной
каменной головы с проходом через
разинутый рот.

Темнота соткнулась вокруг Локена,
но он еще услышал доносившийся из-за стен
Храма Испытания знакомый звук. Он был
похож на плач.

Это была песня смерти города
Хорала.

Первые вирусные бомбы взорвались
высоко над городом, и мощные взрывы
разбросали смертельную ношу над
обширными территориями. Распыленный

наг поверхность планеты вирус, предназначенный для уничтожения любых форм жизни, был самым эффективным убийцей в арсенале Воителя. Бомбы были такими мощными, что их заряда хватило бы для уничтожения жизни на планете в сто раз больше Устваана III, и были запущены, чтобы взорваться на разных высотах и над разными регионами.

Вирус поражал леса и равнины, проникал в морские водоросли и с воздушными течениями путешествовал вокруг всей планеты. Он пересекал горные хребты, форсировал реки и взрызался в ледники. Сам Император избегал применения вирусных бомб. Это был последний довод Императора.

Бомбардировке подверглась вся поверхность Устваана III, но большая часть была предназначена для Хорала.

Дальше всех от укрытий оказались Пожиратели Миров, и они больше других пострадали от первой бомбардировки. Многие воины вовремя скрылись в бункере, но многие не успели спрятаться. Вирус проникал в сочленения доспехов, сквозь

фильтры шлемов, находил путь через
полученные в сражении трещины.
Смертельно едкие вещества внедрялись в
структуру оружия и брони и растворяли
их. И тогда воины падали на колени и
кричали.

Астартес кричали. Этот звук
шокировал не только самим фактом
своего возникновения, но и ужасом,
звучавшим в каждом голосе. Вирус на
молекулярном уровне разрушал клеточные
связи, и его жертвы в считанные минуты
буквально растворялись до полужидкого
состояния, оставляя после себя лишь
отвержденные лужицы и грязь на
доспехах. Даже те, кто успел добраться до
убежища, нередко умирали в мучительной
агонии уже после того, как закрывали за
собой двери. Мощный организм
костодесантников невольно помогал
распространению смертельной заразы,
сопротивляясь ей достаточно долго для
того, чтобы воин смог достичь убежища и
инфицировать тех, кто считал себя в
безопасности.

Среди гражданского населения

Устваана III вирус распространился со скоростью мысли, переходя от жертвы к жертве за промежуток времени, равный одному вдоху. Люди падали, не сходя с места, их плоть сползала со скелетов, нервная система разрушалась в одно мгновение, а кости разжижались до желеобразного состояния.

Но летальность вируса была и его самым опасным врагом, поскольку, уничтожив все живое, он начинал быстро пожирать самое себя.

Но бомбардировка с орбиты не прекращалась, она охватывала всю планету, и точно рассчитанные секторы обстрела перекрывали друг друга, чтобы ничто не могло укрыться от вируса.

В считанные минуты с лица планеты стирались целые государства. Древние цивилизации, которые пережили Долгую Ночь, и десятки раз противостояли захватчикам, погибали, не успев даже узнать от чего. Миллионы людей вопили в мучительной агонии, когда собственные тела предавали их, распадались на части и превращались в

гниющую, разлагающуюся массу.

Зингерманн увидел, как на пикт-экране отчетливо проявилось темное пятно, закрывшее большой участок поверхности. Оно быстро превратилось в черное кольцо, которое с поразительной скоростью пожирало поверхность и оставляло после себя серое, опустошенное пространство. С другой стороны навстречу первой волне пришла вторая, они сошлись и стиснули планету в смертельных объятиях.

-- Что... что это такое? --
прошептала Мерсади.

-- Ты это уже видела, -- напомнила Эуфратия. -- Император показал тебе через меня. Это смерть.

При воспоминании о страшных картинах разложения, когда его собственная плоть мгновенно распадалась и обнажала кости, а все вокруг было охвачено черной заразой, у Зингерманна едва не подкосились ноги.

Вот что происходило на Устваане
III.

Вот в чем заключалось

предательство.

Зингерманн почувствовал себя так, словно всю его кровь вытягивают из тела. Целый мир предан мучительной смерти. Эхо ужаса, объявшего жителей Устваана III, ударило в его сердце, и этот ужас, одновременно поразивший миллиарды людей, было невозможно вынести.

— Вы летописцы, — с печальным спокойствием сказала Эуфратия. — Вы оба. Заполните это и передайте другим. Об этом должны узнать.

Зингерманн, ошеломленный увиденным, смог только молча кивнуть.

— А теперь пойдете, — продолжала Эуфратия. — Нам пора уходить.

— Уходить? — всхлинула Мерсади, не в силах оторвать взгляд от погибающего мира. — Куда?

— Просто пойдете отсюда, — улыбнулась Эуфратия.

Она взяла за руки обоих грузей и сквозь неподвижную, пораженную ужасом толпу летописцев повела их к оцеплению Астартес.

Поначалу Зингерманн подчинился ей,

хотя едва мог переставлять ноги, но, увидев, что Эфратия ведет их к стоящим вдоль стен Астартес, в тревоге остановился.

-- Эфратия! -- прошипел он. -- Что ты делаешь? Если эти Астартес нас узнают...

-- Кирилл, доверьтесь мне, -- ответила она. -- Я на это и рассчитываю.

Эфратия повела их к огромному воину, стоявшему в стороне от остальных, и Зингерманн, достаточно хорошо понимавший язык тела, заметил, что Астартес, как и они сами, поражен картиной гибели планеты.

Воин обратил к ним лицо -- торщистое, с задубевшей кожей.

Эфратия посмотрела ему в глаза:

-- Цактон, нам нужна ваша помощь.

Цактон Круз. Зингерманн вспомнил, что Локен упоминал о нем, называя старика «Вполуха». Этот Астартес был воином старых времен, и ни командиры, ни боевые братья уже не давали себе труда прислушиваться к голосу Круза. Воин старых времен...

-- Вам нужна моя помощь? --

переспросил Крүз. -- А кто вы такие?

-- Меня зовут Эүфратия Киулер, а это Мерсаги Олитон, -- ответила Эүфратия самым непринужденным тоном, словно представляла знакомых на светской вечеринке. -- У с нами Кирилл Зингерманн.

Император увидел, что воин узнал не лица, то имена, и зажмурился, ожидая неминүемого крика и последующего разоблачения.

-- Локен просил меня присмотреть за вами, -- сказал Крүз.

-- Локен? -- воскликнула Мерсаги. -- Вы что-нибүдь слышали о нем?

Крүз покачал головой:

-- Он только просил меня приглядеть за вами, пока его не бүдет. Теперь мне понятно, что он имел в виду.

-- Что это значит? -- спросил Зингерманн.

Емү очень не понравился взгляд, украдкой брошенный Крүзом на стоящих вдоль всех стен Астартес.

-- Не важно, -- пробормотал Крүз.

-- Цактон, -- окликнула его Эүфратия, и в ее голосе прозвучала спокойная

уверенность. -- Посмотрите на меня.

Старый воин стерил взглядом стройную фигурку Эфратии, и Зиндерманн ощутил исходящие от нее волны властности и решимости.

-- Вы больше не Вполуха, -- заговорила Эфратия. -- Теперь ваш голос будет самым громким во всем Легионе. Вы расскажете о прошедших временах и захотите, чтобы они вернулись. Цактон, эти времена утирают на наших глазах, но с вашей помощью мы снова можем их возродить.

-- О чем ты толкуешь, женщина? -- сердито фыркнул Круз.

-- Вспомните Хтонию, -- не сдавалась Эфратия.

Зиндерманн вздрогнул. Между Астартес и Эфратией словно проскочил электрический разряд.

-- Что тебе известно о моей родной планете?

-- Только то, что я увидела в вас, Цактон, -- сказала Эфратия, и мягкое сияние, возникшее в ее глазах, наполнило ее слова соблазном и обещанием. -- Я знаю о

чести и неустрашимости, из которых
были выкованы Лунные Волки. Цактон,
только вы один об этом помните. Только
вы один теперь воплощаете в себе
истинного Астартес.

— Ты ничего обо мне не знаешь, —
возразил Круз, но Зингерманн заметил,
что слова Эуфратии задели его, разрушив
барьеры, воздвигнутые между Астартес и
смертными.

— Ваши братья называют вас
«Вполуха», но вы не обижаетесь за это. Я
знаю, это потому, что воин Хтонии
настолько благороден, что не мстит за
мелкие насмешки. И еще мне известно,
что ваш голос не слышен на воинских
советах, потому что он звучит из
прошлых веков, когда целью Великого
Крестового Похода была не личная выгода,
а благо всего человечества.

Зингерманн видел в лице Круза
отражение внутренней борьбы, бушевавшей
в его душе.

Верность Легиону боролась с
верностью принципам, положенным в его
основу.

Наконец, он печально улыбнулся.

-- Ничего невозможного, -- тихо произнес он, затем оглянулся на Воителя и Малогарста. -- Поидемте, -- обратился он к грузьям. -- Следуйте за мной.

-- Куда? -- не удержался от вопроса Зиндерманн.

-- В безопасное место, -- ответил Круз. -- Локен просил позаботиться о вас, и я намерен это сделать. А теперь молчите и идите за мной.

Круз развернулся и направился к одной из многочисленных дверей, выходящих из аудиенц-зала. Эуфратия последовала за ним, Зиндерманн с Мерсади старались от них не отставать, хотя и не знали, куда их ведут. Круз остановился перед высокой гвустворчатой дверью из полированной бронзы, охраняемой гвүтя воинами, и коротким взмахом руки приказал им посторониться.

-- Этих троих я увожу вниз, -- сказал он.

-- Мы получили приказ никого не выпускать из зала, -- возразил один из стражников.

— А я даю вам новый приказ, — ответил Круз, и в его голосе прозвучала непоколебимая решимость, которой раньше Зингерманн не замечал. — Дайте пройти, или вы решили не подчиняться приказу старшего офицера?

— Нет, сэр, — ответили воины и с поклоном распахнули бронзовые створки.

Круз кивнул охранникам и жестом позвал за собой своих спутников.

Зингерманн, Эуфратия и Мерсади покинули аудиенц-зал, и дверь захлопнулась за ними со стуком, который странным образом наполнил о закрывающейся крышке гроба. Стоны погибающей планеты и судорожные вздохи шокированной публики внезапно стихли, и наступившая тишина казалась особенно гнетущей.

— Что же нам теперь делать? — спросила Мерсади.

— Я отправлю вас как можно дальше от «Духа мщения», — ответил Круз.

— Отправите с корабля? — изумился Зингерманн.

— Да, — подтвердил Круз. — Здесь для вас теперь небезопасно. Совсем небезопасно.

Глава 12

ЧИСТКА

ПУСТЬ ГАЛАКТИКА ГОРИТ

ОГНЕМ

МАШИНА БОГА

Вопли предсмертной агонии жителей Хорала чудовищными волнами накатывались на Дворец Регента, словно цунами. Пространство вокруг дворца было заполнено телами, которые мгновенно разлагались, и плоть стекала со скелетов.

Успуганные и яростные крики возносились к небесам, заклиная богов избавить от мучений. В небе парила последняя Дева Бумвы, пытаясь своим пением облегчить агонию и ужас смерти, но вирус поразил и ее, и вместо песен и молитв истребительскими богам из ее горла с кашлем вылетали черные комки — пораженные вирусом внутренние органы уже сгнили. Она закружилась, словно подстреленная птица, и рухнула на землю.

На крыше Дворца Регента появилась массивная фигура. Древний Риланор подошел к парапету и окинул взглядом окружающий кошмар. Вирус пожинал свою жатву, но искалеченное тело Риланора было надежно закрыто от внешнего мира, его броня оказалась намного эффективнее успехов любого из Астартес, и смертельный ветер, не причиняя вреда, поведал воина, взирающего на гибнущий город.

Риланор поднял взгляд в небеса. Флотилия Воителя еще продолжала сбрасывать на Устваан III смертельный груз. Древний воин стоял в полном одиночестве, единственный оплот спокойствия в океане страдания.

— Хорошо, что мы построили такие прочные бункеры, — заметил капитан Эрлен.

Предсмертные крики, доносившиеся из-за толстых каменных стен, свидетельствовали о том, что коса смерти еще гуляет по планете. К сожалению, слишком небольшое количество воинов успели укрыться и

забаррикадироваться в нескольких бункерах, прилегающих к сети окопов и траншей. Они ждали, сидя в темноте, и прислушивались к звукам кошмара, обывшего Хорал. Вирусную бомбардировку следовало признать более эффективным инструментом уничтожения, чем ценные топоры Пожирателей Миров.

Вместе с ними переживал атаку и Тарвиц. Слыша предсмертные вопли миллионов людей, он словно окаменел от ужаса. На Пожирателей Миров эти звуки не произвели большого впечатления, смерть гражданских лиц для них мало что значила.

Вопли постепенно затихали, сменяясь протяжными стонами. В отдаленном шуме медленной смерти слышались боль и страх.

— Как долго мы еще будем тут сидеть, словно крысы в подвале? — раздраженно воскликнул Эрлен.

— Вирус скоро уничтожит сам себя, — сказал Тарвиц. — Таково его предназначение: уничтожить все живое и оставить поле битвы для захватчика.

-- Откуда ты это знаешь? -- спросил Эрлен.

Тарвиц поднял голову. Он мог сказать Эрлену правду и был уверен, что капитан этого заслуживает, но к чему это приведет? Пожиратели Миров вполне способны убить его за такие слова. В конце концов, и их примарх участвовал в исполнении тайных замыслов Воителя.

-- Я видел, как такое оружие применяли раньше, -- сказал Тарвиц.

-- Хорошо, если ты не обманываешь, -- бросил Эрлен, явно не удовлетворенный полученным ответом. -- Я не собираюсь долго прятаться в укрытии!

Капитан оглядел своих воинов, тесно сгрудившихся в темном бункере, и поднял ценной морю.

-- Рэйт! Ты связался с Сынами Хоруса?

-- Еще нет, -- ответил Рэйт, и Тарвиц вспомнил ветерана с множеством металлических заплаток, блестевших на черепе. -- Проходит какое-то дребезжание, и ничего определенного.

-- Так они еще живы?

— Может быть.

Эрлен тряхнул головой.

— Они нас поймали. Мы решили, что вот-вот завладеем городом, а они нас поймали.

— Никто из нас не предполагал подобного, — отозвался Тарвиц.

— Нет. Не может быть никаких оправданий. — Лицо Эрлена ожесточилось. — Пожиратели Миров всегда должны идти дальше, чем враги.

Когда они атакуют, мы бросаемся им навстречу и отбрасываем назад. Когда они обходят, мы разрушаем их укрепления. Если они убивают наших воинов, мы уничтожаем целые города. Но в этот раз враг зашел дальше, чем мы. Мы атаковали их город, и они уничтожили его, лишь бы погубить нас.

— Мы все оказались в ловушке, капитан, — напомнил Тарвиц. — И Дети Императора тоже.

— Нет, Тарвиц, это был наш бой. Дети Императора и Сыны Хоруса должны были обезглавить хищника, а нам предстояло вырвать у него сердце. Этого

противника нельзя было взять на испуг или принудить сдаться. Устваанцев необходимо истребить. И не важно, согласны с этим остальные Легионы или нет. Пожиратели Миров -- вот кто должен был взять город, и мы несем ответственность за свою неудачу.

-- Это не ваша ответственность, -- сказал Тарвиц.

-- Другие воины могут полагать, что в их провале виноваты командиры, но только не Астартес, -- настаивал капитан. -- Астартес признают свои неудачи.

-- Нет, капитан, ты не понимаешь. Я хотел сказать...

-- Я что-то нашел! -- крикнул из угла бункера Рэйт.

-- Связался с Сынами Хоруса? -- спросил Эрлен.

Рэйт покачал головой.

-- Это Гвардия Смерти. Они спрятались в бункерах к западу от нас.

-- И что они говорят?

-- Что вирус постепенно вытирает.

-- Значит, скоро мы столкнемся

выбраться наружу, -- облегченно вздохнул Эрлен. -- Если истваанцы придут, чтобы снова забрать свой город, они обнаружат, что здесь их ждут.

-- Нет, -- сказал Тарвиц. -- Должна осуществиться вторая стадия атаки.

-- Что еще? -- возмущился Эрлен.

-- Огненный шторм, -- ответил Тарвиц.

-- Теперь вы все видите, -- обратился Хорус к собравшимся летописцам. -- Вот вам война. Это жестокость и смерть. Вот что мы совершаем для вас, вот от чего вы отворачиваете свои лица.

Ставшие свидетелями чудовищного геноцида, люди рыдали в объятиях друг друга, будучи не в силах осмыслить масштабы бойни, только что учиненной во имя Умперуэма.

-- Вы пришли на мой корабль, чтобы вести хроники Великого Крестового Похода, и я не желаю говорить о том, чего вы достигли. Но все изменяется, и время не стоит на месте, -- продолжал Хорус.

В это время Астартес, выстроившиеся вдоль стен, закрыли все

двери и затерли перед ними, держа
болтеры у груди.

— Великий Крестовый Поход окончен, —
провозгласил Хорус, и его зычный голос
прозрел по всему залу. — Идеалы, на
которых он основывался, мертвы, и все,
ради чего мы сражались, оказалось ложью.
До сих пор. А теперь я выведу Великий
Поход на верный путь и спасу Галактику,
отвергнутую Императором.

После слов Хоруса по залу приетов
прокатилась волна изумленных стонов и
криков, а Воитель наслаждался
возможностью высказаться открыто. В
секретности и недомолвках больше не
было необходимости. Теперь он мог
сорвать покров со своего грандиозного
плана покорения Галактики, отбросить
маску и объявить свою истинную цель.

— Я слышу ваши вопли, но простым
смертным не дано осознать масштабность
моих планов, — продолжал Хорус,
наслаждаясь паническими взглядами,
которыми обменивались собранные в зале
летописцы.

Ни один император не смог бы так

искусно привлечь к своим словам внимание толпы.

— К несчастью, это означает, что для таких, как вы, в новом Великом Походе нет места. Я собираюсь вступить в самую великую войну, какую знала Галактика, и не могу позволить, чтобы неверующие отвлекали меня от великих дел.

Хорус улыбнулся. То была ангельская улыбка палача.

— Убейте их, — бросил он. — Всех до одного.

Загрохотали болтеры. Снаряды рвали тела на окровавленные куски, и первый же залп уложил сотни людей. Толпа с воплями отхлынула от Астартес, но те неуклонно сходились к середине.

У людей не было ни единого шанса на спасение.

Болтеры плевались огнем, ценные метчи поднимались и опускались.

Бойня заняла не больше минуты, и Хорус отвернулся от убитых, чтобы посмотреть на экране финальные сцены гибели Устваана III. Из затененного угла, откуда он вместе с Малогарстом

наблюдал за убийством, вышел Абаддон.

-- Мой господин, -- обратился он к Боителю с низким поклоном.

-- Что случилось, сын мой?

-- Судовые наблюдатели докладывают, что вирус уже исчерпал себя.

-- А уровень загазованности?

-- Превысил все допустимые нормы, мой господин, -- с улыбкой сказал Абаддон. -- Артиллерия ожидает вашего приказа.

Хорус взглянул на планету, окутанную смертоносными вихревыми облаками.

Требуется одна-единственная искра.

Он представил, что планета -- это конец запального фитиля, который превратит всю Галактику в ревущий огненный шторм и приведет к неизбежному взрыву на Земле.

-- Прикажи открыть огонь, -- решительно произнес Хорус. -- И пусть Галактика горит огнем!

-- Сохрани нас, Император, -- прошептал модератор Кассар, не в силах скрыть своего ужаса и не думая о том, что

кто-то может услышать его слова.

Облака тошнотворного газа все еще окутывали титан плотной пеленой, и он с трудом различал окопы впереди и воинов Гвардии Смерти, появившихся из бункера. Вскоре после получения приказа герметизировать «Диес ире» Астартес Гвардии Смерти, вероятно получив такое же предупреждение, спрятались в укрытии.

Истваанцы такого приказа не получили. Уход с позиций Гвардии Смерти спровоцировал истваанцев на контратаку, и, встретившись впереди, они в полной мере испытали на себе разрушительную силу биологического оружия.

Траншеи заполнились слизью и плавающими в ней бесформенными останками тел с расплывшимися лицами и распухшими животами. Сотни тысяч истваанцев лежали гниющими гругами, из-под которых вытекали потоки черной жижи, заполнявшей окопы.

За пределами поля битвы смертельный вирус уничтожил стоящие вокруг Хорала леса, оставив, после себя бесконечное кладбище почерневших

стволов, похожих на простертые к небу
руки скелетов. Земля превратилась в
гниющее болото, над которым
поднимались густые облака выделявшихся
при разложении газов.

-- Докладывайте, -- приказал принцесс
Турнет, вернувшись в рубку.

-- Полная герметизация, -- произнес
модератор Арүкен с противоположного
конца капитанского мостика. -- Команда в
полном порядке, наличия примесей в
воздухе не обнаружено.

-- Вирус пожирает сам себя, -- сказал
Турнет. -- Кассар, что происходит
снаружи?

Кассар попытался собраться с
мыслями, все еще не в силах осознать
грандиозных масштабов разрушения. Если
бы он сам не видел это глазами «Диес
ире», он вряд ли мог себе представить
столь колоссальное бедствие.

-- Устваанцев больше нет, -- произнес
он и снова впился глазами в клубящиеся
облака газа вокруг титана. -- Ни одного.

-- А Гвардия Смерти?

Кассар встотрелся внимательнее,

отмечая в грудах разложившихся тел
остатки силовых госпехов Астармес.

— Некоторые были застигнуты
вирусом, — сказал он. — Многие погибли, но
для большинства приказ поступил вовремя.

— Приказ?

— Да, принцес. Приказ спрятаться в
укрытии.

Турнет через датчики тумана со
стороны Арүкена выглянул наружу, и сквозь
зеленоватый туман увидел воинов Гвардии
Смерти, которые осматривали траншеи
вокруг бункера, перешагивая через
гниющие останки истребителей.

— Проклятье, — процедил он сквозь
зубы.

— С нами благословение, — произнес
Кассар. — Они легко могли быть...

— Закрой свой рот, модератор! Эта
религиозная чушь считается
преступлением, согласно приказу...

Уловив снаружи какое-то движение,
Турнет осекся.

Кассар проследил за его взглядом и
успел заметить, как газовые облака
осветил ослепительный луч, словно

огненное копье пробило толщу ядовитых, легко воспламеняющихся газов.

Одной искры было достаточно.

Колоссальное количество разлагающейся органики привело к тому, что всю планету окутало толстым слоем горючих газов. Направленный луч с «Духа мщения» прожег верхние слои атмосферы, достиг плотной пелены ядовитых испарений и воспламенил газ с глухим хлопком. После огненного шторма в атмосфере планеты практически не останется кислорода.

В одно мгновение атмосфера планеты вспыхнула невыносимо ярким нитбом, и ревущее пламя волнами прокатилось по поверхности. Огонь опустошал целые континенты, оставляя после себя голые скалы, мертвая плоть Устваана III в одно мгновение испарилась в огненном вихре. Волны бьющего пламени взрывали города, языки огня слизывали всякое воспоминание о бытовавшей здесь совсем недавно цивилизации. Огненные плети хлестали землю, ничто не могло уцелеть в огненном

урагане — плоть, камень, металл — все
плавилось или испарялось в невообразимом
жаре.

Императорские дворцы и промышленные
сооружения превращались в гигантские
грибовидные облака, а разрушительная
буря катилась по Устваану III, бездумно
и неумолимо превращая планету в
оплавленный кусок горной породы.

Астартес, пережившие вирусную
атаку, отчаянно бросились искать новые
укрытия, но были мгновенно охвачены
пламенем.

Тех, кто осмелился бросить вызов
стихии, уже ничто не могло спасти.

Эхо отдачи едва успело затереть на
флагманском корабле Воителя, а на
Устваане III погибли миллиарды людей.

Пока огненный шторм бушевал вокруг
«Диес ире», посредник Кассар был готов
проститься с жизнью. Колоссальный
титан качался на ветру, словно колос в
поле, и Кассар надеялся только на
прочность новых гироскопов, недавно
установленных механикатами.

Напротив него Арүкен побелевшими

от напряжения пальцами вцепился в подлокотники кресла и с благоговейным ужасом смотрел на свирепствующие за стеклом рубки огненные вихри.

— Спаси нас, Император. Спаси нас, Император. Спаси нас, Император, — повторял он снова и снова, не имея сил отвести взгляда от пляски огня.

Кассару казалось, что огненный шторм длится целую вечность. Жара в командной рубке стала невыносимой, поскольку во время герметизации от внешнего мира пришлось отключить системы охлаждения.

Температура внутри титана быстро поднималась, словно в гигантской духовке, и в конце концов Кассар уже боялся сделать вдох, чтобы не обжечь легкие. Он закрыл глаза, и на сетчатке проявились бледно-зеленые строчки показателей. Пот лил с него градом, Кассар был уверен, что пришел конец, что он так и погибнет: не в сражении, не проповедуя Божественное Откровение, а сварится живьем внутри своего любимого «Диес ире».

В буйстве огненного шторма он

потерял счет времени, и только профессиональный рефлекс заставил его заметить, что, согласно сводкам, температура, быстро повышавшаяся с самого начала пожара, затерла на одной точке, а затем медленно сползла на несколько градусов. Кассар открыл глаза, и за окном командной рубки увидел все те же вихри пламени, но вместе с тем кое-где проглядывало выжженное белое небо. Похоже, огонь пожирал остатки горючих газов, выделившихся при гниении мертвой планеты.

-- Температура падает! -- воскликнул он, радуясь, что еще жив.

Арукен, тоже осознав, что они выжили, растаял.

Принцес Турнет опустился в свое командирское кресло и начал пробуждать системы титана к жизни. Кассар тоже занял свое кресло, кожа которого потемнела от его пота. Принцес Турнет снова открыл системы наружного наблюдения, и постепенно стали поступать данные с внешних датчиков.

-- Проверка систем! -- приказал

Түрнет.

Арүкен кивнүл и рүкавом күртки
вытер со лба пот.

-- Орудия в порядке, но нам придется
соблюдать щадящую скорость стрельбы,
поскольку они еще не остыли.

-- Согласен, -- кивнүл Кассар. -- Кроме
того, некоторое время придется обойтись
без плазменных пушек, иначе мы попросту
можем оторвать руку.

-- Понятно, -- откликнулся Түрнет. --
Включить системы принудительного
охлаждения. Я хочу, чтобы все орудия были
готовы как можно скорее.

-- Есть, -- ответил Кассар, хотя не
мог понять причин такой поспешности.

Неужели в этом огненном шторме
мог кто-то уцелеть? На всей планете не
осталось никого, кто мог бы угрожать
титану.

-- Внимание! -- крикнул Арүкен, и
Кассар, взглянув вверх, увидел, как с
выбеленного огнем неба спустились черные
точки и над самой землей полетели к
оплавленным руинам сожженного города.

-- Арүкен, определи объекты, --

скомандовал Түрнет.

-- Боевые корабли, -- доложил Арүкен. --
Они направляются к центру города, к
остаткам Дворца Регента.

-- Чьи корабли?

-- Пока не могу сказать.

Кассар откинулся на спинку кресла и
позволил нитевидным датчиком титана
снова внедриться в его мозг. Он
активировал систему наведения, перед
глазами возникла прицельная сетка, и
поглетавшие к руинам Хорала корабли
стали видны отчетливо. Кассар смог
рассмотреть окраску цвета слоновой
кости с голубыми полосами и изображение
зубастых челюстей, охвативших планету.

-- Пожиратели Миров, -- громко
объявил он. -- Вероятно, это вторая волна.

-- Второй волны не будет, -- словно бы
самому себе сказал Түрнет. -- Арүкен,
включай тачту вокс-связи и соедини меня с
«Духом тищения».

-- С капитанским мостиком? --
уточнил Арүкен.

-- Нет, -- ответил Түрнет. -- С
Воителем.

Цактон Крүз вел их по переходам «Духа тшениа» мимо тренировочных залов, мимо Совета Лүперкаля и дальше вниз, через лабиринт извилистых коридоров, по которым никто из них не ходил раньше, даже тогда, когда им приходилось скрываться от Маггарда и Малогарста.

Сердце Зингерманна выбивало по ребрам барабанную дробь, и, сознавая, от чего спас их Цактон Крүз, император испытывал буйную радость, странным образом мешавшуюся с сожалением. Не оставалось никаких сомнений в том, какая судьба постигла летописцев, собравшихся в аудиенц-зале, и мысль о том, что так много творческих людей принесено в жертву тому, кто не разбирался ни в искусстве, ни в законах творчества, рождала в душе Зингерманна гнев и печаль.

Взглянув на Эуфратию Киулер, он отметил, что, выздоровев, она стала намного сильнее. Волосы Эуфратии отливали золотом, глаза ярко сверкали, и хотя ее кожа оставалась бледной, свет

сконцентрированной в ней силы от этого становился только отчетливее.

Мерсади Олитон, напротив, все больше слабела.

— Они скоро начнут нас разыскивать, — сказала Киулер. — Если еще не начали.

— Мы сможем спастись? — охрипшим голосом спросила Мерсади.

Круз пожал плечами:

— Может, сумеет, а может, и нет.

— Значит, это конец? — спросил Зиндертманн.

Киулер окинула его удивленным взглядом:

— Кирилл, вы сами должны знать, что это не так. Не может быть никакого конца. Во всяком случае, для верующего. Всегда есть что-то впереди, к чему нужно стремиться, даже когда кажется, что все кончено.

Они миновали несколько сотровых палуб, иллюминаторы которых давали возможность обозревать холодную бездну космоса, и брошенный в окно взгляд напугал Зиндертманну, насколько он мал по сравнению с бескрайней Галактикой.

Даже самая крошечная искорка света, которую он видел, была звездой, возможно, окруженной своими миратами с другими народами и цивилизациями.

— Как же получилось, что мы оказались в самом центре таких значительных событий и ни разу не видели, как они происходят? — прошептал он.

Спустя некоторое время Зингерманн стал узнавать места, по которым они проходили. Знакомые знаки, начертанные на переборках, и узнаваемые эмблемы подсказали, что они приближаются к пусковой палубе. Круз вел их без колебаний, шагая уверенно и твердо, и совсем не был похож на несчастного старикашку, каким его изображали в корабельных сплетнях.

Противовзрывные створы, ведущие на посадочную палубу, были закрыты, а на полу все еще лежали потрепанные обрывки обетов и молитв, принесенных людьми в день, когда раненого Воителя его сыны переносили в Храм Дельфоса.

— Ну вот, — заговорил Круз, — если нам повезет, там мы найдем судно, которое

можно будет взять.

— И куда мы направимся? — спросила Мерсаги. — Где можно скрыться от Воителя?

Киулер подошла ближе и положила руку на плечо Мерсаги.

— Не беспокойся, Саги. У нас больше друзей, чем ты думаешь. Император укажет мне путь.

Створки шлюза с грохотом разошлись, и Круз решительно шагнул на пусковую палубу. При следующих его словах Зиндертманн с облегчением улыбнулся.

— Вот он. «Громовай ястреб Дельта Девять», — произнес Круз.

И улыбка тотчас сползла с лица капитана. Рядом с кораблем возникла фигура Маггарга, одетого в золотые доспехи.

Едва капитан Эрлен оценил масштаб разрушений, причиненных огненным штормом, на его лице появилось выражение решительного недоверия, и это не укрылось от взгляда Саула Тарвица. В очертаниях Хорала не осталось ничего знакомого. Неудержимое пламя,

бүшевавшее после вирусной бомбардировки, поглотило все живое, до последнего атома.

Все строения почернели от огня, оплавилась или испарилась, так что теперь столица Устваана III представляла собой картину преисподней, и руины ее готов все еще не остыли, и догорало все, что еще могло гореть. Среди общей неподвижности только высокие столбы дыма тянулись к небесам; кое-где горели топливные магистрали и резервуары. В воздухе стоял резкий запах раскаленного металла.

— Почему? — только и смог произнести Эрлен.

— Я не знаю, — ответил Тарвиц, жалея, что ему больше нечего сказать Пожирателю Миров.

— Это ведь не устваанцы, правда? — спросил Эрлен.

Тарвиц хотел бы солгать, но не смог под пристальным взглядом Эрлена.

— Нет, — вздохнул он. — Это не они.

— Нас предали?

Тарвиц кивнул.

— Почему? — повторил Эрлен.

— Брат, у меня нет ответов на твои вопросы, но если они натеревались с нами одним ударом, они прогадали.

— И Пожиратели Миров заставят их заплатить за просчет, — пообещал Эрлен.

В этот момент сквозь треск остывающих развалин и грохот падающих обломков слышались другие звуки.

Тарвиц поднял голову и увидел звено боевых кораблей Пожирателей Миров, показавшихся из-за горизонта и направлявшихся к их позиции. Огненныйливень обрушился на развалины за их спиной.

— Держись! — закричал Эрлен.

Корабли с ревом пролетели над их головами, ведя ожесточенный огонь. Тарвиц присел на корточки рядом с Эрленом и услышал, как один из Пожирателей застонал от боли — снаряд достиг своей цели.

Боевые корабли пронеслись и взмыли в небо, разворачиваясь над руинами дворца, чтобы совершить новый заход для повторной атаки.

— Крүпнокалиберныя орудия! Открыть ответный огонь! — скотандовал Эрлен.

Из оплавившихся албразур в небо рванулись снаряды, выпущенные из автомашин, и редкие всполохи рубинового луча лазушки. Навстречу им пронесся шквал снарядов с развернувшихся кораблей, и Тарвиц пригнулся ниже, видя вспышки взрывов в рядах Пожирателей Миров. Многие упали, сбитые с ног взрывной волной, многих убило осколками и прямыми попаданиями.

Один из Пожирателей Миров рухнул на землю рядом с Тарвицем — осколком снаряда с его затылка срезало черепную кость, как ножом.

Корабли опять развернулись, беспощадно обстреливая их позицию.

Пожиратели Миров тщательно прицелились в возвращающиеся корабли. Встречный залп устретился ввысь, и один из челноков задымился. Загорелся двигатель, машина рухнула вниз и разбилась в обгоревших руинах.

Тарвиц видел, что в небе собрались десятки кораблей, видимо, весь

трансамтмосферный флот Пожирателей
Миров.

Ведущий «Громо́вой ястреб» пролетел
над руинами, барражируя над самой
землей, выбросил штурмовой трап, и
болтерный огонь загрохотал с новой силой.

Эрлен повернулся к Тарвицу.

-- Это не твое сражение! -- крикнул он,
перекрикивая грохот стрельбы. -- Уходи
отсюда!

-- Дети Императора никогда не
спасаются безством, -- ответил Тарвиц и
обнажил свой меч.

-- Теперь спасаются!

Ни один костогесантник не выстоял
бы в непрерывном огне, ведомся по
штурмовому трапу «Громого ястреба»,
но на трапе стоял не обычный
костогесантник.

С ревом хищника, преследующего
добычу, Ангрон выпрыгнул из «Громого
ястреба» и со страшным грохотом
приземлился в центре разрушенного
города.

Легендарное чудовище, огро́тное и
неутолимое в своей ярости...

Жуткое лицо примарха было перекошено злобой, громадные ценные топоры в его руках за десятилетия кровопролитных боев покрылись щербинами и нестываемой коркой крови. Вслед за могучим примархом из кораблей стали выпрыгивать остальные Пожиратели Миров.

Тысячи верных Воителю Астартес последовали за Ангроном в Хорал. С громким боевым кличем, вторившим звериному рыку самого Ангрона, они бросились на своих бывших собратьев.

Хорус хрястнул кулаком по пикт-экрану, транслировавшему передачу с «Диес ире». От удара изображение кораблей Пожирателей Миров разлетелось вдребезги, и это еще больше распалило гнев Воителя, вызванный самодеятельностью Ангрона. Один из его союзников -- нет, один из подчиненных -- не выполнил прямой приказ!

Акситанг, Абадгон, Эреб и Малогарст тревожно следили за командиром взглядами, и Хорус представлял, как они заволновались.

получив известие о неожиданной атаке Ангрона на воинов, переживших вирусную бомбардировку.

Сам факт, что кто-то мог выжить, уже вызвал сильное недовольство Воителя, но действия Ангрона направляли истраанскую кампанию в совершенно другое русло.

— И все же, — медленно, с расстановкой произнес Хорус, очень стараясь не разораться, — я этим очень удивлен.

— Воитель, — обратился к нему Аксиманг, — что вы...

— Ангрон — убийца! — прервал его Хорус, оборачиваясь к капитану. — Любую проблему он старается решить тупой силой и жестокостью. Он сначала нападает, а потом думает... Если вообще думает. И все же я этого не предвидел. Хотя чего еще можно было ожидать от него, когда он увидел своих воинов, уцелевших в Хорале? Мог ли он спокойно сидеть и наблюдать, как остальная часть флотилии сбрасывает на них бомбы с орбиты? Никогда! А я ничего не предпринял!

Хорус взглянул на обломки пикт-
дисплея.

— Больше я на эту удочку не попадусь.
Отныне я буду предугадывать каждый
поворот судьбы.

— Но проблема остается, — заметил
Аксиманг. — Что делать с Ангроном?

— Уничтожить его вместе с
выжившими в городе, — незаметительно
предложил Абагдон. — Если есть сомнения
в его способности подчиняться Боителю,
значит, это лишняя обуза.

— Пожиратели Миров — очень
эффективное оружие устрашения, —
заметил Аксиманг. — Зачем их
уничтожать, если они способны внести
хаос в ряды сторонников Императора?

— Солдаты всегда найдутся, — заявил
Абагдон. — Многие готовы утратить
Боителя взять их к себе. У нас нет места
для тех, кто не подчиняется приказам.

— Да, Ангрон — убийца, но он хотя бы
предсказует, — вмешался Эреб, и Хорус
сердито нахмурился, услышав эти
оскорбительные слова. — Его можно
держать в подчинении, если время от

времени позволять обнажать оружие.

— Может, Носители Слова и могут жить во лжи и предательстве, — оскорбился Абаддон, — но для Сынов Хоруса ты или верен, или мертв.

— Что тебе известно о моем Легионе? — вспылил Эреб, поднимаясь со своего места навстречу Первому капитану и сбросив маску притворного спокойствия. — Мне ведомы тайны, от которых у тебя зл за разум зайдет! Как ты остеливаешься говорить о лжи? Эта, эта реальность — все, что ты знаешь, но она и есть ложь!

— Эреб! — взревел Хорус, и все прочие голоса мгновенно затихли. — Здесь неподходящее место для восхваления достоинств твоего Легиона. Я уже принял решение, и вы понапрасну тратите слова.

— Значит, Ангрон будет уничтожен во время бомбардировки? — спросил Малогарст.

— Нет, — ответил Хорус. — Не будет.

— Но, Воитель, даже если Ангрон достигнет успеха, он может задержаться на поверхности на несколько недель, — сказал Акситанг.

— У он бүгет сражаться не один.
Знаете ли вы, мои сыны, почему
Император назначил меня Воителем?

— Потому что вы его любимый сын, —
ответил Малогарст. — Вы величайший из
воинов и вдохновитель Великого
Крестового Похода. Целые миры падают
на колени при одном лишь упоминании
вашего имени.

— Я не просил мне льстить, —
фыркнул Хорус.

— Потому что вы никогда не
проигрываете, — спокойно добавил Абaddon.

— Я не проигрываю, — подтвердил
Хорус, обводя взглядом четверых
Астартес, — потому что вижу перед собой
только победу. Я никогда не сталкивался с
ситуацией, которую нельзя было бы
обратить в триумф. Вот почему я был
назначен Воителем. На Давине я был
ранен, но и из этого испытания вышел еще
сильнее. В войне против аурейской
технократии мы столкнулись с
разногласиями внутри нашей флотилии,
но я воспользовался ситуацией, чтобы
избавиться от подстрекателей к мятежу.

Нет такой неудачи, которую я не смог бы использовать как ступеньку к следующей победе. Ангрон решил превратить Устваан III в наземный полигон — я могу признать это неудачей и смягчить удар при помощи бомбардировки, которая сотрет в пыль и Ангрона, и остатки планеты. Но я могу превратить неудачу в триумф, эх которого будет отдаваться в далеком будущем.

Малогарст первым нарушил наступившую тишину:

— Воитель, что мы должны сделать?

— Передайте во все Легионы, что они должны быть готовы к всеобщему наступлению на лоялистов, оставшихся в Хорале. Эзекиль, поднимай Легион. Пусть они будут готовы к высадке на поверхность через два часа.

— Я с гордостью встану во главе Легиона, — произнес Абагдон.

— Ты их не поведешь. Эта честь выпадет Седирэ или Таргосту.

Абагдон вспыхнул от ярости:

— Но я — Первый капитан! Это сражение, где для победы необходима

решиительность и жестокость, как раз для
меня!

-- Эзекиль, ты еще и капитан
Морнивала, -- сказал Хорус. -- У меня
имеются другие планы для тебя и
Маленького Хоруса. И я уверен, тебе это
придется по нраву.

-- Да, Воитель, -- ответил Абaddon, и
все признаки раздражения исчезли с его
лица.

-- А что касается тебя, Эреб...

-- Воитель?

-- Держись от нас подальше. Сыны
Хоруса, выполняйте свой долг.

Глава 13

МАГГАРД

ИНТРИГИ

ЛУННЫЕ ВОЛКИ

Принцес Түрнет сосредоточенно вслушивался в поступающие приказы, и хотя Кассар не мог разобрать ни слова из того, что передавалось по воксу Түрнета, он об этом ничуть не жалел. Все его внимание было сосредоточено на собственном желудке, который, похоже, бился в истерике и хотел немедленно избавиться от своего содержимого. Позывы тошноты подкатывали всякий раз, когда модератор отвлекался от наблюдения за внутренними системами «Дуес Уре». Смотреть собственными, человеческими глазами на происходящее снаружи не было никаких сил. И тогда разум Титуса Кассара мгновенно прятался в машину, как улитка в раковину, закрываясь от внешнего мира массивной броней титана.

«Дуес уре» постепенно снова начинал

реагировать на окружающее. Кассар ощущал, как по рукам бога-машины растекается энергия, и знал, что орудия перезаряжаются. Плазменный реактор в недрах машины пульсировал в такт сердцебиению Кассара, и модератор отчетливо представлял себе этот шар ядерного пламени, зажженный праведной волей самого Императора.

Даже сейчас, среди ужаса и смерти, Император был с ним. Божественная машина служила инструментом Его воли и стойко противостояла любым разрушениям. Эта мысль успокаивала Кассара и помогла ему сосредоточиться. Император здесь, значит, Император защитит.

— Получены приказы с «Духа мщения», — энергично произнес Түрнет, — Модератор, открыть огонь.

— Открыть огонь? — удивился Арүкен. — Сэр? Устваанцев не осталось. Они все мертвы.

Кассар погрузился в обзор данных о состоянии титана, и голос Арүкена казался очень далеким, но слова Түрнета

прозвучали совершенно отчетливо, словно принцес говорил ему прямо в ухо.

-- Не по истванцам, -- ответил Түрнет, -- по Гвардии Смерти.

-- Принцес? -- ошарашено произнес Арүкен. -- Стрелять по Гвардии Смерти?

-- Модератор, я не привык повторять приказы, -- сказал Түрнет. -- Тебе приказано открыть огонь по Гвардии Смерти. Они предали Воителя.

Кассар замер. Как будто мало смертей на Истване III, так теперь еще и обстреливать Гвардию Смерти, тот самый Легион, который они должны были поддерживать?

-- Сэр, -- заговорил он, -- это непонятно.

-- А тебе и не надо ничего понимать! -- крикнул Түрнет, теряя терпение. -- Выполняй приказ, вот и все!

Тимүс Кассар заглянул в глаза Түрнета, и внезапно его озарила истина, словно сам Император с далекой Терры осветил его разум своей мудростью.

-- Это ведь сделали не истванцы, не так ли? -- спросил он. -- Это сделал Воитель.

Губы Турнета растянулись в устешке, и Кассар увидел, что принцес протянул руку к кобуре.

Кассар не стал ждать продолжения и выхватил свой автоматический пистолет.

Оба одновременно подняли оружие и выстрелили.

Маггард шагнул вперед, обнажил свою золотую кирлианскую саблю и расстегнул кобурѹ. Его фигура показалась Зиндерманну еще более массивной, чем раньше, — Маггард уже намного превзошел обычного человека и больше походил на Астартес, чем на смертного. Видимо, такова была награда Воителя за его службу.

Цактон Круз не стал тратить время на переговоры, вскинул болтер и выстрелил, но доспехи Маггарда оказались не хуже, чем силовая броня Астартес, и выстрел попросту возвестил о начале поединка.

Пистолет Маггарда тоже выплюнул пламя, Зиндерманн и Мерсади пригнулись, а два воина вступили в поединок.

Кишлер спокойно наблюдала, как после выстрела Маггарда от госпехов Крүза отлетел осколок, но, прежде чем убийца успел произвести еще один выстрел, противник уже оказался вплотную к нему.

Крүз с размаху ударил Маггарда в живот, но не той наемник выдержал удар и занес саблю над головой противника. Крүз успел отпрянуть от клинка, и лезвие полоснуло его по животу, легко разрубив госпехи.

Из раны широкой струей хлынула кровь, и Крүз от неожиданности упал на колени, но успел выхватить боевой нож, длиной с меч мертвого воина.

Маггард сделал выпад и снова ранил Крүза, на этот раз в бок. Из тела пожилого Астартес снова брызнула кровь. Кирлианский клинок снова просвистел в воздухе, но на этот раз, взметнув целый сноп искр, столкнулся с боевым ножом. Крүз опомнился и смог нанести колющий удар в сочленение госпехов Маггарда. Убийца отпрянул, и Крүз хоть и с трудом, но встал на ноги.

Маггард снова ринулся вперед,

затахиваясь саблей. В физическом отношении он почти не уступал Крүзу, и на его стороне была молодость, но даже Зиндертманн видел, что его движения несколько затеделенны, словно Маггард еще не привык к своему изменившемуся телу и не вполне владел всеми его возможностями.

Крүз сделал шаг в сторону, уходя от размахистого удара, и, поднырнув под руку Маггарда, обхватил его голову, прижав ее локтем. Вторая рука с ножом взметнулась вверх, и клинок устретился к горлу, но Маггард успел перехватить запястье старого воина и остановил лезвие в дюйме от пульсирующей вены.

Крүз напряг все свои силы, чтобы завершить удар, но измененное тело Маггарда обеспечило ему преимущество, и лезвие постепенно отклонялось в сторону. На лбу Крүза выступили капли пота, и Зиндертманну стало ясно, что Астартес не сможет выиграть этот бой в одиночку.

Он рывком поднялся и подбежал к брошенному Маггардом пистолету, грозно терцавшему тускло-черной рукояткой.

Несмотря на то, что оружие предназначалось для смертного, в хрупкой руке Зиндерманна оно казалось огромным.

Держа пистолет на вытянутой руке, итератор направился к сражающимся воинам. Он не хотел рисковать, поскольку не был военным, и, стреляя с дальнего расстояния, вполне мог угробить как убийцу, так и своего защитника.

Зиндерманн подошел к дерущимся вплотную и приставил дуло точно к тому месту, где кровоточила рана, нанесенная ножом Круза. Он спустил курок, прогремел выстрел, и отгача чуть не сломала итератору запястье, но эффект от вмешательства оправдал бы и не такую травму.

В немот вопле Маггард открыл рот, и все его тело согрознулось от неожиданной боли. Рука, удерживающая нож, на мгновение ослабла, и Круз с яростным криком вонзил лезвие снизу под челюсть своего противника.

Словно подрубленное дерево, Маггард покачнулся и рухнул на бок. Воин в золотых доспехах увлек за собой и

пожилого Астартес, все еще сжимавшего нож, но Круз оказался наверху.

На мгновение они оказались лицом к лицу, и Маггард, собравшись с силами, плюнул в лицо Круза сгустком крови. Астартес еще глубже погрузил нож в челюсть, чтобы лезвие проникло в мозг.

По телу Маггарда пробежала дрожь, несколько мгновений он бился в агонии, а когда затих, Круз смотрел в уже мертвые и пустые глаза.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Лицом к лицу, — тяжело дыша, сказал Круз. — Не хитростью, не предательством, не бомбардировкой за тысячи миль, а лицом к лицу...

Затем он оглянулся на Зиндертанна и кивнул в знак благодарности. Воин едва держался на ногах от боли, но на его лице сияло удивительное спокойствие.

— Я помню, как это было, — продолжал он. — На Хтони мы все были братьями. Не только между собой, но и со своими врагами тоже. Именно это увидел в нас Император, когда посмотрел на наше общество. Мы были головорезами,

немногим отличавшимися от таких же бандитов в большинстве миров, но у нас был свой кодекс чести, и он был для каждого из нас дороже жизни. Это он заложил в души Лунных Волков. Я думал, что, если даже никто больше не помнит об этом, Воитель должен помнить, ведь именно его Император выбрал нашим командиром.

-- Нет, -- сказала Киулер. -- Вы -- последний.

-- И когда я понял это... я стал говорить то, что они хотели услышать. Я старался быть одним из них, и мне это почти удалось. Я почти забыл прошлое... До сегодняшнего дня.

-- Музыка сфер, -- тихо произнес Зиндерманн.

Взгляд Крүза обратился к Киулер, и его лицо стало суровым.

-- Я ничего не делала, Вполуха, -- ответила она на его невысказанный вопрос. -- Вы все сделали сами. Обычай Хтонии послужили причиной тому, что Император сделал вас и ваших братьев Лунными Волками. Возможно, сам

Император напомнил вам об этом.

— Я видел, что изменения зашли слишком далеко, но не возражал, поскольку считал, что изменился кодекс. Но на самом деле ничего не изменилось. Просто враг пришел и обосновался среди нас.

— Послушайте, все это, конечно, очень важно, но не следует ли нам побыстрее выбраться отсюда? — спросила Мерсади.

Круз кивнул и повел их к «Грозовому ястребу».

— Вы правы, мисс Олитон, давайте попробуем улететь на этом корабле. Все они теперь для меня умерли.

— Мы с вами, капитан, — сказал Зиндерманн, вслед за Крузом осторожно обходя тело Маггарда.

Казалось, старый Астартес сбросил с плеч множество лет, а энергия, потраченная во время поединка, возвращалась новым азартом. Зиндерманн заметил, как ярко засияли его глаза.

В душе Цактона Круза разгорался огонек понимания, и это напомнило Зиндерманну, что надежда еще есть.

Но в Галактике нет ничего опаснее,

чем слабая надежда.

Выстрел Турнета ушел вверх, а Кассара -- в сторону. Уона Арүкен бросился на пол, опасаясь рикошета от полукруглого потолка рубки. Турнет скатился со своего командирского кресла и скрылся за ним, а Кассар соскользнул со своего места и сел на пол, как раз на уровне глаз-иллюминаторов титана. Он снова выстрелил, и его пуля, угодив в электронные устройства командирского пульта, выбила целый фонтан искр.

Турнет тоже ответил выстрелом, и Кассар, пригнувшись еще ниже, забрался под свое кресло. Контакты при движении отсоединились от его головы, и по лицу потекли кровавые слезы, а металлическая нить прилипла сзади на шее.

Разрыв связи с титаном, как и всегда, отозвался в его мыслях болезненным уколом печали.

-- Титүс! -- закричал Арүкен. -- Что ты творишь?

-- Модератор, сдавайся или ты здесь утрешь! -- крикнул Турнет. -- Бросай оружие и сдавайся!

-- Это предательство! -- воскликнул Кассар. -- Уона, ты же знаешь, что я прав. Все это подстроил Воутель. Он отдал город на растерзание, чтобы погубить верующих!

Из-за громозгких устройств, окружавших командирское кресло, вслепую выстрелил Түрнет.

-- Верующих? Ты что, собираешься изменить Воутелю ради какой-то религии? Ты болен, ты это знаешь? Религия -- это зараза, и мне давным-давно следовало тебя выгнать!

Кассар торопливо оценивал ситуацию. Из рубки имелся только один выход -- дверь, ведущая в огромный центральный отсек, где был расположен плазменный генератор, а при нем находились многочисленные техники. Кассар не решался броситься к выходу из-за страха, что принцес застрелит его, едва он покинет укрытие.

Но то же самое относилось и к Түрнету. Они оба оказались в ловушке.

-- Ты знал, -- заговорил Кассар. -- Ты знал о бомбардировке.

- Конечно, я знал. Как ты мог быть настолько наивным? Ты даже не догадывался, что происходит на этой планете?

- Императора предали! - - крикнул Кассар.

- Здесь нет никакого Императора, - сердито бросил в ответ Турнет. - Он отказался от нас. Он оставил Империум, который люди завоевывали для него ценой собственной жизни. Ему все равно. А Воителю нет. Он покорил эту Галактику, и он должен ею править, и только глупец может этого не понимать. Это они принудили Воителя к крайним мерам, и он сделал то, что должен был сделать.

У Кассара едва не потухил разум. Турнет предал все, что создано Императором, и эта схватка в командирской рубке -- всего лишь крохотный эпизод в конфликте невообразимых масштабов.

Турнет вскочил и, побежав к выходу, выстрелил дважды, но обе пули ударили в стену позади Кассара.

- Я не допущу этого! - заорал Кассар.

стреляя в ответ.

Первый выстрел снова ушел в сторону, но теперь Түрнетү пришлось остановиться, чтобы повернуть колесо замка.

Кассар прицелился в спину принцеса.

-- Тимүс! Не наго! -- крикнул Арукен и дернул рычаг управления двигателем титана.

Боевая машина резко накренилась, и командная рубка качнулась, словно палуба корабля, понавшего в шторм. Кассара отбросило назад к стене, и он лишился возможности произвести точный выстрел. Тем временем Түрнет распахнул дверь настежь, выбежал из рубки и оказался вне досягаемости выстрелов Кассара.

Титан выпрямился, и Тимүс Кассар поднялся на ноги. Перед его глазами мелькнула какая-то тень, и он едва не выстрелил, прежде чем понял, что перед ним Уона Арукен.

-- Тимүс, перестань, -- сказал Арукен. -- Не делай этого.

-- У меня нет выбора. Это предательство.

– Ты не должен погибнуть.

Кассар резким кивком указал на иллюминаторы титана, через которые можно было рассмотреть воинов Гвардии Смерти в скользких от разлагавшейся плоти окнах.

– И они тоже, – сказал Кассар. – Ты ведь знаешь, что я прав, Арүкен. Ты понимаешь, что Воитель предал Империи. Если «Диес ире» останется в наших руках, мы сможем что-нибудь сделать.

Арүкен перевел взгляд с лица Кассара на оружие в его руке.

– Кассар, все кончено. Просто... просто откажись от войны.

– Ты со мной или против меня, Цона? – спросил Кассар. – Ты верен Императору или ты его враг? Выбирай.

Многие говорили, что костогесантникам неведом страх.

Это утверждение не совсем справедливо. Костогесантник может испытывать страх, но в процессе тренировок и укрепления дисциплины он учится справляться со страхом и не

позволять ему отвлекать внимание во время битвы. Капитан Саул Тарвиц не был исключением, ему приходилось сталкиваться с ураганным огнем и чудовищными чужаками, он видел безумных хищников варна, но при виде атакующего Ангрона он побежал.

Примарх пробивался через руины, словно атомный ледокол, испуская оглушительный рев. Взмахом одного ценного топора он разрубил пополам сразу двох верных Императору Пожирателей Миров, а второй топор уже вонзался в корпус третьего. Сопровождавшие его изменники вели стрельбу из-за груд обломков или сражались ценными мечами.

— Утрите! — закричал капитан Эрлен, и все до единого Пожиратели Миров по его сигналу бросились на врага.

Тарвиц привык, что Астартес в сражениях прибегают к различным уловкам и контратакам, распределяют между собой сектора обстрела, разделяют силы противника или вклиниваются в его ряды точными и изящными маневрами. Но Пожиратели Миров, в отличие от Демей

Императора, не стремились к совершенству. В сражении они руководствовались яростью и ненавистью, жестокостью и жаждой уничтожения.

И против своих недавних братьев, с которыми долгие годы сражались бок о бок, они воевали еще с большей ненавистью.

Тарвиц пробирался подалее от побоища. Мимо него навстречу Ангронум бежали Пожиратели Миров, но лежащие вокруг бездыханные тела Астартес ясно предсказывали их дальнейшую судьбу. Тарвиц слегка нагнулся и пробил плечом треснувшую стену, за которой оказался внутренний дворик со статуями, уже пострадавшими от недавних сражений.

Он бросил взгляд назад. Тысячи Пожирателей Миров, захваченные ужасным водоворотом битвы, бросались друг на друга. А в центре безумного побоища возвышалась массивная и пугающая фигура Ангрона с двумя боевыми топорами в руках.

Недалеко от него Эрлен с грохотом упал на землю, но взгляд капитана Пожирателей Миров на мгновение

скользнул по лицу Тарвица. Затем Эрлен перекатился на спину и попытался подняться на ноги. Его лицо казалось сплошной кровавой маской, и только глаза еще оставались узнаваемыми. На него набросились сразу несколько Пожирателей Миров, повалили на землю и заработали цепными мечами, словно раздвигали тучу.

Залпы болтерного огня пробили стену, и битва выплеснулась во внутренний двор. Пожиратели Миров сходились друг с другом в рукопашную, стреляли в упор и сносили головы своим недавним боевым братьям. Остатки стены рухнули, дюжина предателей ринулась во двор, и тогда Тарвиц заставил себя подняться и бежать.

Едва он укрылся за колонной, как от разрывных болтерных снарядов во все стороны полетели латерные обломки. Грохот боя преследовал его, и Тарвиц понял, что должен попытаться найти Демей Императора. Только вместе со своими братьями он сможет придать этому хаотичному бою хоть какое-то

погодбие порядка.

Тарвиц продолжал бежать, хотя болтерная стрельба доносилась со всех сторон. Он пробился через руины огромной столовой и попал в похожую на пещеру каменную кухню. Он не останавливался и пробивал путь сквозь остатки стен до тех пор, пока не обнаружил, что находится на улице Хорала. Над головой пронесся горящий боевой корабль и через мгновение врезался в здание огромным огненным шаром. Судно угодило в те самые руины, которые только что прошел Тарвиц, и над обломками, перекрывая шум боя, снова разнесся рев Ангрона.

Величественный купол Дворца Регента возвышался над почерневшими руинами города, где шло сражение.

Тарвиц продолжал путь к своим родным Детям Императора и по дороге поклялся себе, что, если уж ему суждено погибнуть в этом проклятом мире, он умрет рядом с боевыми братьями и своей смертью бросит вызов ненависти, посеянной Воителем в душах Астартес.

Локен наблюдал за высадкой Сынов

Хоруса на гальном краю Храма
Искушения. Его космогесантники -- он
больше не мог думать о них как о Сынах
Хоруса -- заняли оборону вокруг ближайшей
башни усыпальницы.

Оставшиеся в его распоряжении
тяжелые орудия огнем залпом превратили
в руины узкий проход, через который
должны были пройти атакующие, а
тактическое отделение расположилось на
выбранных позициях, намереваясь вести
бой своими методами.

Но сейчас их врагами были не
солдаты истаанской армии -- сражаться
предстояло со своими же братьями.

-- Я думал, они забросают нас
бомбами, -- сказал Торгадгон.

-- Так и должно было быть, -- ответил
Локен. -- Но у них что-то не получилось.

-- Это Абадгон, -- предположил
Торгадгон. -- Ему не терпится сойтись с
нами лицом к лицу. Хорус, вероятно, не
сумел ему отказать.

-- Или Седирэ, -- с отвращением
добавил Локен. Полуденное солнце,
окруженное дыткой, висело в небе между

черными стенами усыпальницы.

— Тарик, я никогда не думал, что все закончится таким образом, — сказал Локен. — Может, при штурме вражеской крепости или при обороне... обороне Терры. Я предполагал нечто романтическое, как в старинных эпических поэмах, что-то такое, за что с радостью ухватятся летописцы. Никогда не предполагал, что закончу жизнь, защищая подобную дыру от своих же боевых братьев.

— Что ж, ты ведь всегда был идеалистом.

Сыны Хоруса продолжали высаживаться на противоположной стороне узкого прохода. Это была идеальная позиция для начала атаки, и Локен понимал, что ему предстоит самая тяжелая в жизни битва.

— Нам совершенно не обязательно здесь утирать, — заметил Торгаддон.

Локен повернулся к другу:

— Я знаю, у нас есть шанс победить. Мы бросим против них все свои силы. Я сам поведу воинов, и есть возможность...

— Нет, — прервал его Торгаддон. — Я

хотел сказать, что нам не обязательно
останавливать их здесь. Мы же можем
пройти сквозь главные ворота и попасть в
город. Если сумеет пробиться к руинам
Дворца Регента, можно будет связаться с
Детями Императора или Пожирателями
Миров. Люций сказал, что предупреждение
поступило от Саула Тарвица, так что им
тоже известно о предательстве.

— Саул Тарвиц здесь?! — воскликнул
Локен, ощущая огонек надежды,
вспыхнувший в его сердце.

— Похоже на то, — кивнул Торгаддон. —
Мы могли бы объединиться с ними. У
закрепиться во дворце.

Локен оглянулся на лабиринт, в
который превратился храмовый комплекс.

— Ты согласен отступить?

— Согласен, если здесь нет шанса
подержать победу, а в другом месте мы
сможем воевать в лучших условиях, чем
здесь.

— Мы больше никогда не сможем
сражаться на наших условиях, Тарик.
Города Хорала больше нет, вся эта
проклятая планета мертва. Мы можем

говорить только о возмездии за предательство и за смерть наших братьев.

— Все мы потеряли здесь своих братьев, Гарви, но наша бесполезная гибель их не вернет. Я тоже жажду отомстить, но не хочу ради отпущения напрасно рисковать теми немногими воинами, которые остались со мной. Подумай об этом, Локен. Подумай хорошенько. Почему тебе так хочется принять бой прямо здесь?

Локен услышал первые выстрелы и понял, что Торгаддон прав. Они все еще оставались отлично тренированными воинами самого дисциплинированного из всех Легионов, и сражаться с предателями надо так же, как с любым другим врагом, — думая головой, а не сердцем.

— Ты прав, Тарик, — сказал Локен. — Мы свяжемся с Тарвицем. Надо собраться вместе и организовать контратаку.

— Гарви, мы действительно можем причинить им немало неприятностей, втянуть их в бой и задержать. Если Тарвиц сможет передать нам

предостережение, кто знает, может, кто-то еще сумеет предупредить Терру? Возможно, остальные Легионы уже знают, что происходит. Кое-кто недооценил нас. Он считал, что обойдется простой резней, но мы его разочаруем. Мы превратим в поле битвы весь Устваан III.

-- Ты думаешь, нам это удастся?

-- Гарви, мы же Лунные Волки. Мы все сможем.

Локен сжал руку друга, признавая его правоту. Затем повернулся к собравшимся позади воинам, которые наблюдали за высадкой сквозь прицелы своих болтеров.

-- Астартес! -- крикнул Локен. -- Вы все уже поняли, что произошло, и я разделяю вашу боль и ярость. Но я хочу, чтобы вы внимательно меня выслушали и не позволили гневу заслонить холодные реалии войны. Узы братства разорваны, и мы больше не Сыны Хоруса, это имя для нас теперь ничего не значит. Мы снова Лунные Волки, солдаты Императора!

Ответом ему были громкие одобрительные крики, и Локен, немного помедлив, продолжил:

— Мы оставим врагам эту позицию и будем пробиваться к воротам, чтобы перейти во дворец. Капитан Торгаддон и я поведем штурмовые отделения и возглавим отряд.

Через несколько мгновений Лунные Волки, возвратившие свое прежнее имя, были готовы выступить. Торгаддон отдал приказ штурмовым отделениям занять место во главе, а Локен под прикрытием оплавленной башни собирал остальных воинов.

— Убивай раги живых и в отпущение за мертвых, — произнес Торгаддон, закончив все приготовления.

— Убивай раги живых, — повторил Локен.

Штурмгруппа Астартес, насчитывающая около двух тысяч Лунных Волков, двинулась между усыпальницами Храма Испытания к главным воротам.

Оглянувшись, Локен заметил приближавшихся к ним Сынов Хоруса. Вдали темнели другие, более крупные силуэты, но мере продвижения перемалывающие в пыль обломки стен и

статуй: «Рино», грохочущие «Рейдеры» и похожий на огромный бочонок гредноут.

Гарвель думал, что будет испытывать печаль от трагической необходимости сражаться с братьями, но печали не было.

Осталась только ненависть.

Лицо Арүкена покрылось испариной, глаза же казались совершенно пустыми. Кассар даже изумился, увидев, как обычная самоуверенность Уоны уступает место страху. Но, несмотря на этот страх, он понимал, что не может полностью довериться Арүкену.

— Хватит, Тимүс, — произнес Арүкен. — Ты же не собираешься становиться мучеником, правда?

— Мучеником? Странный выбор слова для того, кто утверждает, будто ни во что не верит.

На лице Арүкена появилась слабая улыбка.

— Тимүс, я не так глуп, как ты думаешь. Ты хороший человек и чертовски хороший член команды. Ты веришь в такие вещи, которые не могут даже вообразить

остальные люди. Что ж, это еще не причина для того, чтобы умереть.

Кассар не поддался на геланное легкомыслие Арүкена.

— Прошу тебя, я знаю, что ты говоришь это ради принцеса. Я не сомневаюсь, что он может слышать каждое наше слово.

— Возможно, это так, но он знает, что, как только откроет дверь, ты продыравишь ему череп. Так что, я полагаю, мы можем говорить что угодно.

Пальцы Кассара на рукоятке пистолета немного расслабились.

— Но ты ведь не марионетка принцеса?

— Эй, мы ведь вместе недавно прошли через жуткое дерьмо, не так ли? — сказал Арүкен. — Я понимаю, каково тебе приходится.

— Нет, ты не понимаешь, и я не хочу, чтобы ты даже пытался понять. Я не могу повернуть назад, я защищаю императора и не хочу отступить.

— Слушай, Титус, если хочешь верить, верь себе на здоровье, но тебе незачем что-

то доказывать всем остальным.

-- Ты думаешь, я все это затеял ради шоу? -- спросил Кассар, направляя пистолет на Арүкена.

Арүкен развел руки и осторожно обошел командирское кресло, остановившись у противоположной стены рубки.

-- Император -- это не каменная статуя, к которой можно прислониться. Это бог. У Него есть святые, которые творят чудеса. Я сам это видел. И ты тоже! Подумай обо всем, что ты видел, и ты поймешь, что должен мне поточь, Цона!

-- Тимүс, я видел кое-какие странные вещи, но...

-- Не стей отрицать, -- прервал его Кассар. -- Все это происходило на самом деле, и было так же реально, как рубка этой божественной машины. Цона, Император с нами, и Он смотрит на нас. Он судит о нас по нашему выбору, особенно если выбирать трудно. Воитель предал нас, и если я оставлю все как есть и отступлю -- я предаю Императора. Арүкен,

есть принципы, которые необходимо защищать. Неужели ты сам этого не понимаешь? Если никто из нас не встанет на борьбу, Воитель победит, и очень скоро сопридется даже воспоминание о его предательстве.

Арүкен раздраженно покачал головой:

-- Кассар, если бы я только мог тебе объяснить...

-- Ты пытаешься мне сказать, что не видел ничего, достойного веры? -- разочарованно спросил Кассар.

Он отвернулся и сквозь поцарапанные панели обзорного окна посмотрел на приближавшихся воинов Гвардии Смерти.

-- Титүс, я долгое время ни во что не верил, -- снова заговорил Арүкен, -- и за это я прошу прощения, как и за все остальное.

Кассар обернулся и увидел, что Уона Арүкен вытащил свой пистолет и нацелил его в грудь.

-- Уона? -- воскликнул Кассар. -- Ты хочешь меня предать? После всего, что мы с тобой видели?

-- Титүс, я хотел только одного: командовать своим титаном. Я хотел

когда-нибудь стать принцем Арүкеном, но этого никогда не произойдет, если я тебя не остановлю.

— Знать, что вся эта Галактика лишена веры... Знать, что ты, возможно, единственный верующий, и все же верить, несмотря ни на что. Вот что значит вера, Арүкен. Как бы я хотел, чтоб ты это понял.

— Слишком поздно, Титүс, — сказал Арүкен. — Прости.

Пистолет Арүкена прогремел трижды, наполнив рүбку вспышками света и грохотом.

Из тени входной арки Дворца Регента Тарвиц мог наблюдать за сражением. Он сумел уйти от разнузданной бойни, учиненной Ангроном, чтобы связаться со своими воинами, находившимися во дворце, но воспоминание о примархе Пожирателей Миров до сих пор застилало его мозг кровавым туманом.

Тарвиц оглянулся на дворец. Послеполуденное солнце отбрасывало длинные тусклые тени. Скоро наступит

ночь.

-- Люций! -- крикнул он в вокс-передатчик, трещающий статическими помехами. -- Люций, отзовись.

-- Саул, что ты увидел?

-- Боевые корабли и десантные капсулы с нашими опознавательными знаками приземляются к северу от нас.

-- А примарх осчастливил нас своим присутствием?

-- Похоже, что только Эйголон, -- с облегчением ответил Тарвиц.

Вокс-канал разрывался от помех, и Тарвиц понял, что армия Воителя попытается подавить их связь таким образом, чтобы не нарушить свою.

-- Послушай, Люций, Ангрон прорывается сюда. Верные Императору Пожиратели Миров не смогут его надолго задержать. Он намерен пробиться во дворец.

-- Значит, будет отличная битва, -- невозмутимо заметил Люций. -- Надеюсь, Ангрон хорошо дерется. Наконец-то мне доведется сразиться с достойным противником.

— Можешь твердо на это рассчитывать. Нам необходимо укрепить свои позиции. Начинайте строить баррикады в главном зале. Если Ангрон даст нам время, постараемся перегородить основные помещения и пересечения переходов.

— С каких это пор ты стал здесь командиром? — запальчиво спросил Люций. — Не забывай, что я лично убил Вардуса Праала.

Тарвиц едва не задохнулся от ярости, обнаружив такое ребячество при остром недостатке времени, но сумел сдержать свои чувства.

— Отправляйся на место и помоги людям построить баррикады. Очень скоро мы все окажется в самой гуще сражения.

Цактон Круз включил форсаж, и «Грозовой ястреб», набирая скорость, понесся прочь от «Духа мщения». При мысли о том, что они, наконец, выбрались с корабля Воителя, у Мерсади немного кружилась голова, но, увидев мерцающие повсюду огоньки остальных судов флотилии, она погрузилась в грусть.

— Ну, что теперь? — спросил Круз. —
Мы вырвались, куда дальше?

— Я ведь говорила вам, Круз, что у нас есть грузья, не так ли? — отозвалась Эуфратия из кресла второго пилота рядом с Астармес.

Воин недоверчиво покосился на нее:

— Хорошо бы, так оно и было, летописец. Но грузья ничем не помогут, если мы здесь погибнем.

— Но это была бы замечательная смерть, — произнесла Киилер, и на ее лице мелькнула призрачная улыбка.

Зиндерманн тревожно взглянул на нее, подумав, что они слишком понадеялись на обещание Эуфратии отыскать в темной бездне путь к безопасному убежищу. Пожилой итератор выглядел таким хрупким и слабым, что Эуфратия взяла его за руку.

Мерсади сквозь обзорный экран смотрела на грожащие огни: все эти звездные корабли составляли флот Шестьдесят третьей экспедиции, и все они были враждебны.

Словно опровергая ее мысли,

Эфратия через окно указала на корпус одного трачного судна, которое вскоре осталось бы в стороне, если бы «Громовайястреб» продолжил следовать тем же курсом. Слабый свет истваанского солнца тускло отражался от ничем не украшенной металлической брони.

— Направляйтесь к этому кораблю, — командовала Эфратия, и Мерсаги с удивлением увидел, что Круз без всяких возражений повернул рычаг управления.

Мерсаги не слишком много знала о звездных кораблях, но была уверена, что стоит им подойти ближе, как судно ошестинится дулами орудий и расстреляет несущийся мимо «Громовайястреб». Или спустит на них истребителей.

— Зачем нам к нему приближаться? — нервно спросила она. — Нам же надо улететь как можно дальше!

— Доверься мне, Саги, — сказала Эфратия. — Все так и должно быть.

«Но крайней мере, все произойдет очень быстро», — подумала Мерсаги, глядя на увеличивающийся силуэт судна.

— Гвардия Смерти, — заметил Круз.

Мерсади прикусила губу и взглянула на Зиндерманна.

Старик выглядел совершенно спокойным.

— Настоящее приключение, не так ли? — улыбнулся он.

Неожиданно глядя себя Мерсади улыбнулась ему в ответ.

— Кирилл, что мы будем делать? — спросила она некоторое время спустя, изо всех сил сдерживая слезы. — Что нам осталось?

— Мерсади, мы все еще боремся, — сказала Эуфратия, отворачиваясь от окна. — Иногда борьба переходит в открытое военное столкновение, иногда ведется при помощи слов и мыслей. Каждому из нас предназначена своя роль.

Мерсади вздохнула. Она не могла и не хотела верить, что в надвигающемся на них корабле могли найтись союзники.

— Мы не одиноки, — с улыбкой добавила Эуфратия.

— Но эта борьба... Мне кажется, что она мне не по силам.

-- Ты ошибаешься. Каждый из нас имеет право сказать свое слово в Галактике. Так же, как и Воитель. Верьте в это, и мы сможем его одолеть.

Мерсади кивнула и установилась на огромный корабль. Его глиняный темный силүэт выделялся на фоне звездного неба, а двигатели были окутаны облаками затерзшего газа.

-- Боевой катер «Грозовой ястреб», назовите себя, -- раздался в воксе хриплый, неприятливый голос.

-- Будьте откровенны, -- предупредила Эүфратия. -- Теперь все зависит от этого.

Крүз кивнул.

-- Мое имя Цактон Крүз, -- произнес он. -- Бывший воин Сынов Хорүса.

-- Бывший? -- донеслось в ответ.

-- Да, бывший, -- подтвердил Крүз.

-- Объяснитесь.

-- Я больше не состою в Легионе, -- сказал Крүз, и Мерсади почувствовала, как трудно дались Астартес эти слова. -- Я не могу больше участвовать в том, что затеял Воитель.

Ответ пришел не сразу.

-- Тогда добро пожаловать на мой
корабль, Цактон Круз.

-- А кто вы? -- спросил Круз.

-- Капитан Натаниэль Гарро, крейсер
«Эйзенштейн».

Часть третья

БРАТЪЯ

Глава 14

ДО КОНЦА ЧАРТОСУАН ИЗМЕНА

-- Я уже потерял счет дням, -- пожаловался Локен, скорчившись за одним из импровизированных укреплений, устроенных в развалинах Хорала.

-- Мне кажется, на Устваане ТТТ уже нет ни дней, ни ночей, -- ответил Саул Тарвиц.

Локен взглянул в серо-стальное небо. Вся планета была окутана покровом туч, поднявшихся после катастрофического изменения климата, вызванного внезапным уничтожением всех форм жизни. После огненного шторма сухой, безжизненный ветер разносил над всеми континентами лишь пепел.

-- Они собираются для очередной атаки, -- сказал Тарвиц, указав в сторону искореженных и почерневших в огне нагромождений обломков, бывших когда-то

жилыми кварталами к востоку от двorca.

Локен проследил за его жестом и увидел только мелькнувший фрагмент доспехов грязно-белого цвета.

- Пожиратели Миров.

- Кто же еще?

- Интересно, знает ли Ангрон о каких-то других методах ведения войны.

Тарвиц пожал плечами:

- Наверное, знает. Просто этот способ нравится ему больше остальных.

Тарвиц и Локен впервые встретились на Убийце, где Сыны Хоруса плечом к плечу с Детями Императора сражались против ужасных мегарахнидов. Тарвиц был отличным воином, лишенным чувства собственного превосходства, которое было присуще его Легиону и так раздражало Торгаддона.

Локен почти не помнил, как они прорывались через территорию Храма Испытания, как пробивали себе путь сквозь дымящиеся городские развалины. Он помнил лишь то, что у самых ворот храма он начал сражаться с теми, кого недавно называл своими братьями, и не

останавливался, пока перед ним не появился странный силуэт Дворца Регента, когда-то напоминавший цветок из розового гранита, а сейчас...

-- Они ударят примерно через час, -- сказал Тарвиц. -- Пойду переброшу людей на оборонительные рубежи.

-- Эта подготовка может быть обманным маневром, -- предупредил Локен, вспоминая первые дни сражения за дворец. -- Ангрон ударит с этой стороны, а Эйдолон предпримет контратаку.

При первом знакомстве с воинами Тарвица Локену на ум пришло сравнение со сложной игрой, построенной на ложных выпадах и контратаках.

Менее способный командир, чем Саул Тарвиц, мог допустить ошибку, и тогда его отряд оказался бы разделен на мелкие части, но капитан Демей Императора каким-то образом сумел в течение трех дней отражать непрекращающиеся атаки.

-- Мы будем готовы и к этому, -- сказал Тарвиц, переводя взгляд вниз, внутрь дворца.

Локен и Тарвиц занимали

наблюдательный пост на остатках обрушившегося купола одного из многих флигелей дворца -- так они продолжали называть груду камней, оставшуюся после огненного шторма.

Расколотые обломки гранитных лепестков образовывали укрытие, где спрятались Локен и Тарвиц, а внизу, на усыянном обломками полу главного зала, оставшиеся в живых воины сооружали баррикаду. Материалом для строительства Сынам Хоруса и Детям Императора служили бесценные скульптуры, в изобилии украшавшие залы дворца.

Теперь эти монументальные изображения бывших правителей лежали на полу, а Астартес скрывались за ними.

-- Как ты думаешь, долго мы еще продержимся? -- спросил Локен.

-- Мы будем стоять до самого конца, -- ответил Тарвиц. -- Ты сам говорил, что каждая прожитая секунда увеличивает шансы на то, что Император услышит об этом и пришлет другие Легионы, чтобы призвать Воителя к ответу.

— Если только Гарро сумеет донести весточку на Терру, — заметил Локен. — Возможно, он уже мертв или затерялся в варне.

— Возможно, но я верю, что Натаниэль справится, — возразил Тарвиц. — Наше дело — продержаться как можно дольше.

— Меня это беспокоит. Все началось, когда Ангрон закусил удила, но Воитель мог давно вывести свои Легионы и предпринять еще одну бомбардировку. При этом он лишился бы нескольких десятков воинов, но все равно... Этой планете давно полагается быть мертвой.

Тарвиц устехнулся:

— Гарвель, здесь как минимум три примарха. Три воина, которые не привыкли отступать. Кому из них ты бы предложил уйти первым? Ангрону? Мортариону? Если во главе Демей Императора стоит Эйдолон, он уже расстарается, чтобы не опозориться перед примархами. И я ни разу не слышал, чтобы на понятную пошел Хорус. Во всяком случае, не на глазах своих братьев-

примархов.

-- Верно, -- согласился Локен. --
Воитель никогда не отступит в бою,
который сам развязал.

-- Значит, им придется всех нас
перебить, -- заключил Тарвиц.

-- Придется, -- мрачно кивнул Локен.
На шлемах обоих воинов пискнул воск,
затем раздался голос Торгадгона.

-- Саул, Гарви! -- позвал их Тарик. -- Я
получил донесение о скоплении
Пожирателей Миров. Нам слышно, как они
поют, так что скоро будут атаковать. Я
укрепил восточные баррикады, но нам здесь
нужен каждый воин.

-- Я приведу своих людей из галереи, --
ответил ему Тарвиц, -- а Гарви сейчас
присоединится к тебе.

-- Куда ты собрался? -- спросил Локен.

-- Надо убедиться, что западный и
северный входы достаточно укреплены, и
послать несколько стрелков в часовню, --
объяснил Тарвиц, показывая через руины на
странное сооружение, прильнувшее к
стене дворцового комплекса.

Оставшиеся в живых воины

инстинктивно избегали входить в часовню, и лишь немногие видели ее изнутри. Сами ее стены вызывали мысли о разложении, постигшем душу Хорала.

— Я возьму на себя часовню, а Люций пусть остается на первом этаже, — продолжал Тарвиц, снова поворачиваясь к Локену. — Клянусь, мне иногда кажется, что Люцию все это нравится.

— По-моему, даже слишком нравится, — ответил Локен. — Тебе надо бы за ним приглядывать.

Раздался знакомый глухой грохот взрыва, и с северной стороны от дворца и без того разбитый город лишился еще одной башни, превращенной в груду обломков и облако дыма.

— Удивительно! — воскликнул Тарвиц. — Неужели еще остался кто-то живой из Гвардии Смерти?

— Гвардейцев Смерти не так-то легко убить, — устехнулся Локен и шагнул к самоделному трапу, ведущему на галерею главного зала.

Несмотря на легкомысленный тон, Локен сознавал, что это и в самом деле

удивительно. Мортарион никогда не блистал изяществом маневра, так что он просто спустил на край западных укреплений один из самых больших орбитальных посадочных модулей и обрушил на защитников ураганный огонь артиллерии, пока десантировались верные ему воины.

После этого в Хорале больше никто не видел верноподданных воинов Гвардии Смерти. Но, судя по одиночным снарядам, что ежедневно летели в лагерь предателей, было понятно, что такие воины еще есть и до сих пор сопротивляются попытке Мортариона их уничтожить.

— Остается надеяться, что мы проживем так же долго, — сказал Тарвиц. — У нас почти иссякли боеприпасы. Скоро мы будем испытывать нехватку в Астартес.

— Пока жив хоть один из нас, капитан, мы будем сражаться, — поклялся Локен. — В нашем лице Хорус приобрел очень неудобных противников. Мы постараемся заставить его пожалеть о сделанном выборе.

— Тогда поговорим после, когда
отобьем очередной набег Ангрона.

— До встречи.

Локен спустился под купол двorca, а
Тарвиц на некоторое время остался один,
оглядывая сожженный город. Сколько же
прошло времени с тех пор, как он видел
что-нибудь кроме этого кошмарного
места, в какое превратился Хорал? Два
месяца? Три?

Со всех сторон, насколько хватало
глаз, дворец был окружен обгоревшими
руинами и засыпан пеплом. Город стал
похож на преисподнюю, в существование
которой верили истаанцы.

Тарвиц тряхнул головой, прогоняя
странные мысли.

— Нет никакой преисподней, никаких
богов, постертных наказаний и
поощрений, — сказал он, обращаясь к самому
себе.

Люций слышал убийство. Он мог
читать звуки, словно ноты, написанные на
листочке бумаги. Он знал разницу между
боевыми кличами Пожирателей Миров и
Сынов Хоруса, различал грохот болтерной

стрельбы, поддерживающей наступление, и выстрелов при обороне укреплений.

Часовня, которую Саул поручил его попечению, была слишком странным местом, чтобы стать полем последнего сражения Великого Крестового Похода. Не так давно это сооружение было духовным оплотом враждебного мира, а теперь импровизированные укрепления вокруг превратили его в рубеж сопротивления натального превосходящим силам предателей.

— Выглядит хреново, — заметил брат Солатен из отделения Назикеи, сидя в проеме одного из выбитых окон часовни. — Они могут прорваться.

— Наш груз Локен сумеет их удержать, — фыркнул Люций. — Ангрон жаждет еще убийств. Это все, что ему надо. Слышишь? Ты слышишь это?

Солатен, прислушиваясь, наклонил голову набок. Хотя, как у любого Астартес, его слух был превосходным, Солатен не услышал ничего такого, что объяснило бы внимание Люция.

— Что ты слышишь, капитан?

— Ценные топоры. Только они

работают не по кератиту и не по другим
лезвиям. Они рубят камень и сталь.
Пожиратели Миров не могут добратся
до Сынов Хоруса, поэтому пытаются
прорубить их баррикады.

Солатен кивнул:

— Капитан Тарвиц хорошо делает
свое дело. Пожиратели Миров знают
только один способ воевать. Нам надо
этим воспользоваться.

Услышав от Солатена похвалу
Тарвицу, Люций нахмурился, недовольный,
что его личный вклад в организацию
обороны не оценен по достоинству. Разве
не он убил Варгуса Праала? Разве не он
сумел отыскать безопасное укрытие от
вирусных бомб и огненного шторма?

Люций постарался прогнать обиду и
выглянул через окно на серую от непла
площадь. Как ни странно, ячеистое окно
часовни уцелело, хотя стекла оплавилась
и вздулись от высокой температуры,
отчего проем казался Люцию похожим на
фасеточный глаз гигантского насекомого.

Внутри часовня выглядела еще более
странной, чем снаружи. Она была

построена из округлых блоков зеленого
камня, которые напоминали застывшие
облака ядовитого газа. Алтарем служил
широкий, плоский, из-за обилия прожилок
похожий на мембрану камень бледно-
розового цвета. Он странным образом
напоминал какой-то сложный внутренний
орган, припиленный в анатомичке для
изучения.

— Тебе нечего беспокоиться о
Пожирателях Миров, братец. Опасаться
надо нас.

— Нас, капитан?

— Демей Императора, — сказал
Люций. — Тебе известно, как сражается
наш Легион. Здесь мы представляем самую
большую опасность.

Почти все верные Дети Императора,
уцелевшие до этого дня, собрались в
часовне. Тарвиц увел несколько воинов для
обороны ближайших ворот, но остальные
отделения расположились на полу, вокруг
странных каменных выступов. Из
отделения Назикеи осталось всего четверо
воинов, включая самого Люция, и они
вместе с отделениями Кьюмонди и

Разтерина возглавляли отряд выживших
Детей Императора.

На крышу часовни Тарвиц послал
сержанта Кайтерона с отделением
поддержки и всех Детей Императора, у
кого еще сохранились тяжелые орудия.
Астартес из тактических отделений
расположились под окнами часовни.
Оставшиеся силы Люций рассредоточил
снаружи, за баррикадами, сооруженными из
обломков в первый же день осады.

Две тысячи костогесантников — сила,
достаточная для любой военной зоны
Великого Крестового Похода, — теперь
обороняли единственный подход к дворцу,
заткнув линию фронта на Песенной
Часовне.

Края глаза Люций уловил какое-то
движение и стал пристально
вглядываться в почерневшие руины на
противоположной стороне площади.

Вот оно! Блеск позолоты.

Он устехнулся, отлично зная, как
воюют Дети Императора.

— Внимание! — крикнул он остальным
воинам. — Третий квартал к западу.

второй этаж.

— Понял, — ответил сержант Кайтерон, серьезный офицер-оружейник, который относился к войне как к математической задаче, решаемой при помощи расчетов траекторий и плотности стрельбы.

Люций услышал, как на крыше часовни зашевелились воины, направляя орудия в указанный сектор.

— Западный фронт, готовьтесь! — приказал Люций.

Несколько отрядов пробежало вдоль стены часовни на огневые позиции.

Возникло то восхитительное напряжение, от которого в крови Люция постепенно разрасталась песня смерти, и эти ощущения были близки к экстазу. Жесткие, лицом к лицу, поединки представляли возможность совершенствовать воинское мастерство, но эти минуты лихорадочного ожидания, когда в полной мере ощущалась вероятность смерти или славы, делали их поистине незабываемыми.

— Вижу их, — объявил с крыши

сержант Кайтерон. -- Дети Императора. Основные силы сосредоточены, на нескольких уровнях. В сопровождении «Лэнд Рейдеров» и «Хищников». У лазпушка... Тяжелые болтеры -- на среднюю линию!

-- Эйдолон, -- произнес Люций.

Теперь он мог их видеть. В развалинах собирались сотни Астартес в пурпурных с золотом доспехах Легиона, принадлежностью к которому он некогда так гордился.

-- Сначала они выведут на позиции технику, -- сказал Люций. -- Потом на «Лэнд Рейдерах» подвезут воинов. Пехота развернется на средней и близкой дистанции. До тех пор не стрелять.

Послышался лязг гусениц, и среди руин Хорала показались «Лэнд Рейдеры», увенчанные позолоченными орлиными крыльями, с изображениями боевых сцен на бронированных боках. Каждый нес на себе отряд Детей Императора, элитных воинов Галактики, которых Эйдолон и Фүлгрим приказали уничтожать тех, кого совсем недавно называли боевыми

братьями.

С точки зрения Эйдолона, выжившие после первой волны Астартес были невежественными глупцами, достойными только смерти, но с Люцием они просчитались. При мысли, что снова предстоит сразиться с воинами своего Легиона, Люций беспокойно облизнул губы. Эти люди не зря считались лучшими воинами Галактики. Он мог их уважать.

Или заслужить уважение...

Люций отчетливо видел, что подразделения противника разворачиваются с такой непоколебимой самоуверенностью, будто находятся не на войне, а на парадном смотре.

Он уже ощущал вкус момента, когда битва начнется в полную силу.

Ему хотелось, чтобы бой уже начался, но в то же время Люций знал, что вкус сражения будет еще прекраснее, если все произойдет в свое время.

Танки дали первый залп, и снаряды, разбив окна, засыпали часовню осколками стекла и трактора.

— Ждать! — приказал Люций.

Несмотря ни на что, они все еще оставались Детями Императора и не могли нарушить порядок, как недисциплинированные Пожиратели Миров.

Он рискнул выглянуть через разбитое окно и увидел, как «Лэнг Рейдеры» взламывают тракторное покрытие площади. За ними шли боевые танки «Хищники», представляющие собой платформы на гусеничном ходу с установленными на них орудиями. Каждый выстрел выбивал из укреплений огромные глыбы камня. Луч лазерушки метался из стороны в сторону, люди Кайтерона старались подбить приближающиеся машины, а с «Лэнг Рейдера» велся огонь по засевавшим на крыше Астартес.

Один из «Хищников» беспомощно закрутился, расшвыривая звенья разорванного трака вокруг себя, еще один танк испустил дым в жирных, черно-оранжевых клубках огня. Тела в пурпурных доспехах мелькнули в проеме окна; трюны еще больше разожгли неугасную жажду смерти в душе Люция.

Мастер меча обнажил клинок и услышал, как в его сердце мощно зазвучала знакомая музыка, которую он едва мог сдерживать. Привычный гул энергетического меча вплелся в ритм песни, и Люций ощутил, как начинается двигаться в танце поединка, как его подхватывает плавный поток жестокости, текущий сквозь века, сквозь тысячелетия убийств...

Сколько же воинов бросились в атаку? Наверняка большая часть команды Эйдолона.

У Люция было меньше людей, но эта битва сулила славу и впечатляющее зрелище.

Выпущенный из танка снаряд влетел в окно часовни, взорвался под потолком и осыпал их осколками и пылью.

У входа во дворец сверкали вспышки болтеров — Тарвиц отвлекал силы Эйдолона, и тому ничего не оставалось, как плясать под его гудку.

Раздался мелодичный звон, и Люций увидел, как откинулся борт «Лэнд Рейдера», открыв плотно стоящих внутри

воинов в пурпурных доспехах.

-- Вперед! -- завопил Люций.

Тотчас за его спиной открылись прыжковые ранцы штурмового отделения и выбросили воинов в гущу сражения. Люций вслед за ними выпрыгнул из окна часовни. Вместе с ним ринулись в бой назикейцы и остальные воины.

Сражение -- это танец войны. Люций сознавал, что в бою против такого врага, как Эйдолон, просто не остается ничего иного, кроме как проявить высочайшее воинское совершенство. Восприятие мечника сместилось, и все вокруг стало удивительно отчетливым, каждый оттенок стал ярче и чище, каждый звук пронзительно бил по нервам и диссонировал с внутренней музыкой.

Сражение превратилось в тщательно отрепетированный хаос, и танец поединка вел Люция навстречу противникам. Скрыши лупили тяжелые болтеры, и «Лэнд Рейдеры» выцеливали отверженных Детей Императора на стенах.

Костодесантники, притаившиеся за стенами часовни, тоже ринулись в бой, и

силы Эйдолона подверглись нападению сразу с двух сторон.

Меч Люция мелькал, словно язык змеи, легко отбивая чужие клинки. Отряд Эйдолона стал разворачиваться. Воины отделения Кьюмонги яростно сражались с противниками, высавившись из ближайшего «Лэнг Рейдера». Жестокое убийство билось в сердце Люция, танец поединка провел его мимо этих бойцов, заставил пригнуться, чтобы избежать болтерного огня, а затем Люций выпрямился и на ходу пронзил мечом тело вражеского сержанта.

Смерть врага являлась для него олицетворением превосходства Люция, но сегодня у него имелась высшая цель. Он знал, что ему необходимо сделать, и все его странно искаженные чувства были направлены на поиск золотистых проблесков, мелькания знамен или чего-то еще, что указало бы на одного из избранников Фүлгрита.

И вот он нашел. Доспехи с черной отделкой вместо позолоты, шлем в форме трагично ухмыляющегося черепа... Капеллан

Чартосиан.

Воин в черных доспехах гордо возвышался над верхним люком «Лэнд Рейдера» и управлял битвой короткими взмахами кроууса, увенчанного имперским орлом. Люций, злорадно устехнувшись, стал пробивать дорогу к капеллану, чтобы схватиться с ним и победить в поединке, достойном эпоса.

— Чартосиан! — закричал он, и его голос пронесся над полем битвы невообразимым шквалом вибрирующей музыки. — Хранитель Воли! Я Люций, бывший тебе братом, стану твоим возмездием!

Чартосиан обернул к нему лицо, скрытое шлемом-черепом:

— Я знаю, кто ты.

Капеллан выбрался из люка и остался на крыше «Лэнд Рейдера», предоставляя Люцию самому решать, как подобраться к противнику. Чартосиан был боевым лидером, и, чтобы соответствовать этой роли, он должен был заслужить уважение воинов, а оно приобреталось только в схватках с врагами.

Он был одним из достойнейших противников, именно поэтому Люций жаждал с ним схватиться.

Мастер меча запрыгнул на бронированный скат «Лэнд Рейдера» и стал карабкаться наверх, пока не оказался лицом к лицу с Чартосианом. Вокруг свистели болтерные снаряды, но Люций ничего не замечал.

Все его мысли были заняты предстоящим боем.

— Мы привили тебе слишком много гордости, — сказал Чартосиан, широко затахиваясь своим смертоносным жезлом и целясь точно в грудь Люция.

Люций поднял меч, чтобы отразить выпад, и танец вступил в новую ожесточенную фазу. Чартосиан был хорошим бойцом, одним из лучших в Легионе, но Люций год за годом тренировался ради подобной схватки.

Крозиус капеллана был слишком тяжел, чтобы его отбить, и Люций позволил ему просто соскользнуть по лезвию, а Чартосиан снова и снова наносил размашистые удары, вкладывая в них все

больше сил.

Еще немного. Еще несколько мгновений, и Люций получит свой шанс.

Он восхищался даже ненавистью Чартосиана, ощущая ее как нечто яркое и освежающее.

Люций понял план атаки Чартосиана и мысленно стаялся над его грубым замыслом, сквозившим в каждом ударе. Чартосиан хотел покончить с Люцием одним могучим ударом, но его жезл при размахе улетал слишком далеко и слишком медленно возвращался, пока капеллан собирался с силами.

Люций, стаясь, высоко поднял меч и успел нанести удар по поднятым рукам капеллана. Жезл покатился по земле, а Чартосиан взревел от боли, видя, как его опрубленные по локоть руки падают следом.

Музыка сражения грела вокруг, и Люций позволил звукам и вспышкам питать его обостренные чувства. Бой занял довольно большое пространство, но для мастера меча важна была только эта победа.

-- Ты знаешь, кто я, -- сказал Люций. --
И твоя последняя мысль будет о
поражении.

Чарлосуан попытался заговорить, но
слова не успели сорваться с его губ -- меч
Люция описал широкую дугу, и голова
капеллана слетела с плеч.

На позолоченную броню «Ланд
Рейдера» хлынула багряная кровь. Люций
поймал отлетевшую голову и высоко
поднял, чтобы это видели все сражавшиеся
воины.

Вокруг него тысячи Демей
Императора бились на смерть, но отряд
Эйдолона, атакующий с двух сторон,
остановился перед укреплениями дворца и
отступил. Тарвиц организовал
контратаку, и наступление окончательно
захлебнулось.

Люций со слухом смотрел, как
командирский танк Эйдолона, украшенный
победными знаменами, перелез через груды
обломков и поспешил скрыться с поля боя.

Верные Императору Астартес
выиграли это сражение, но Люций внезапно
понял, что ему это безразлично.

Он одержал победу в собственном сражении и, вытаскивая голову Чартосиана из шлема-черепа, знал, что получил все необходимое, чтобы песня смерти продолжала звучать в его сердце.

В Песенной Часовне воцарилась тишина. Возле ее стен легли сотни бойцов в исковерканных и разбитых пурпурно-золотых доспехах, в трещинах разбитых латных плит скапливалась кровь. Кое-где между телами попадались почерневшие от копоти останки Пожирателей Миров, погибших во время первой атаки на Хорал.

Вход во дворец перегораживала массивная баррикада, а в ближайшем зале аптекари из верных отрядов наскоро подлечивали раненых воинов.

Тарвиц нашел Люция, занятого чисткой меча. Отполировав лезвие, тот использовал острый кончик для нанесения новых шрамов на свое лицо. Рядом с ним лежал череполикий шлем.

— Зачем тебе это? — спросил Тарвиц.

Люций поднял голову.

— Хочу, чтобы убийство Чартосиана

заполнилось надолго.

Тарвиц понимал, что должен одернуть мастера меча и указать на недопустимость следования варварским, диким обычаям, но здесь, среди предательства и смерти, любые нотации казались смешными и нелепыми.

Он присел на корточки рядом с Люцием. После недавней битвы у входа во дворец у Тарвица от усталости болели руки и ноги, а на доспехах появилось множество царапин и вмятин.

-- Хорошая работа, -- произнес он, ткнув пальцем в сторону шлема. -- Я видел, как ты его убил. Прекрасный удар.

-- Прекрасный? -- повторил Люций. -- Это больше, чем прекрасный удар. Это искусство. Ты, Саул, никогда не имел склонности к изяществу, так что я не удивляюсь, что ты не смог этого оценить.

Люций произнес эту тираду с улыбкой, но, к своему огорчению, Тарвиц распознал вспышку настоящего раздражения и отблеск раненой гордости в его глазах.

-- Есть какие-то новые

передвижения? -- спросил он, меняя тему.

-- Нет, -- ответил Люций. -- Эйдолон не станет возвращаться, пока не произведет перегруппировку.

-- Продолжай наблюдение, -- распорядился Тарвиц. -- Если стража расслабится, Эйдолон сможет застать нас врасплох.

-- Он не станет бросаться на прорыв, -- пообещал Люций. -- По крайней мере, пока я здесь.

-- Надеюсь, что так, -- согласился Тарвиц, желая убедиться, что Люций реально оценивает их положение. -- Каждый раз, когда он атакует, мы теряем воинов. Если он станет наносить быстрые и частые удары, нас останется слишком мало, чтобы удерживать все позиции. Удар с двух сторон дорого ему обошелся, но и мы потеряли слишком много людей.

-- И все же мы видели, как он отступает, -- заметил Люций.

-- Да, -- кивнул Тарвиц, -- но это было организованное отступление, так что я пришлю отряд воинов для наблюдения.

-- Это означает, что мне ты не

доверяешь нести стражу, так?

Злобный тон изумил Тарвица.

— Нет, дело совсем не в этом. Я только хочу, чтобы здесь было достаточно воинов для отражения следующей атаки. А мне пора проверить западные укрепления.

— Да, конечно, ты великий герой, планируешь грандиозную битву, и тебе пора идти, — огрызнулся Люций.

— Мы победим, — сказал Тарвиц, положив руку на плечо мастера меча.

— Победим, — ответил Люций. — Неважно как, но победим.

Люций смотрел вслед уходящему Тарвицу с чувством, очень похожим на ярость. По какому праву Саул принял командование на себя? Это он, Люций, был создан для величия и продвижения, он, а не Тарвиц. Как это получилось, что его славные достижения потеряли на фоне тяжеловесного авторитета Тарвица? Почему вся слава мастера меча, заслуженная в суровых испытаниях войны, оказалась забытой? Люций ощутил, как к горлу подкатила горечь обиды.

Планируя свои дальнейшие действия,

Он на короткое мгновение ощутил укол вины, но при воспоминании о покровительственных наставлениях Сарвица это чувство испарилось, как снег под жаркими лучами солнца.

В часовне было все так же тихо, но Люций проверил все углы и убедился, что остался один, а затем уселся на выступ гладкого серо-зеленого камня и поднял шлем Чартосиана.

Он внимательно рассматривал окровавленный шлем, пока не заметил блеск серебра, затем засунул руку внутрь и вытащил маленькое металлическое устройство -- передатчик Чартосиана.

Прежде чем заговорить, Люций еще раз убедился, что в часовне, кроме него, никого нет.

-- Командир Эйголон? -- произнес он и, не получив ответа, ощутил растущее раздражение. -- Эйголон, это Люций, -- снова сказал он в вокс-передатчик. -- Чартосиан убит.

Сначала слышался только треск помех, затем прозвучал ответ:

-- Люций?

Мечник устехнулся, узнав голос Эйдолона. Как один из старших офицеров, Чармосиан имел возможность напрямую связываться с Эйдолоном, и надежда Люция на то, что канал остался открытым и после смерти Чармосиана, оправдалась.

— Командир, — не скрывая своей радости, продолжал Люций, — рад слышать ваш голос.

— Люций, я не намерен выслушивать твои нахальные колкости, — презрительно фыркнул Эйдолон. — Мы все равно перебьем вас, рано или поздно.

— Конечно, перебьете, — согласился Люций. — Но это займет довольно много времени. И когда дворец падет, погибнет слишком много Детей Императора. А еще Сынов Хоруса и Пожирателей Миров. И только Терра знает, сколько воинов Мортариона из Гвардии Смерти уже полегло в траншеях. Вы несете потери, Эйдолон. Вся армия Воителя несет потери. К тому времени, когда здесь появятся другие Легионы, он может быть лишен слишком многих воинов, чтобы выиграть битву.

-- Можешь утешать себя этим, если тебе так легче.

-- Нет, командир, -- сказал Люций. -- Вы меня не поняли. Я хочу сказать, что готов заключить с вами сделку.

-- Сделку? -- переспросил Эйдолон. -- У какую же?

От устешки на лице Люция задвигались шрамы.

-- Я сдам вам Тарвица и Дворец Регента.

Глава 15

ЧУДЕСА НЕ КОНЧАЮТСЯ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ИДЕАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ

На стратегической палубе было почти темно, единственным источником света служили мерцающие пикт-экраны, окружавшие трон Воителя, да еще несколько факелов неярко тлели, распространяя аромат сандала. За время войны на Устваане III задняя переборка помещения была снесена, и за ней открылся полностью оформленный храм, прильнявший к капитанскому мостику «Духа щения».

Воитель был здесь совсем один. Никто не осмеливался нарушить его горькие размышления, пока Хорус печально наблюдал за разрастающимся на планете конфликтом. То, что должно было стать толниеносной резней, превратилось в войну -- войну, которой надо было избежать из-за недостатка времени.

Несмотря на все заверения, произнесенные братьям-приархам, сражения на Устваане III доставили ему немало беспокойных часов. Не потому, что Хорус хоть раз усомнился в победе, а потому, что вообще оказался втянут в эту войну. Вирусная бомбардировка должна была уничтожить всех тех, кто, как он считал, не поддержал бы его стремление свергнуть Императора.

А вместо этого в его безупречном плане появились первые трещины.

Саул Тарвиц из Легиона Демей Императора сумел предупредить тех, кто оставался на поверхности...

И «Эйзенштейн»...

Он вспомнил страх на лице Малогарста, когда советник пришел, чтобы доложить о неудаче с летописцами. Он очень боялся, что ярость Воителя уничтожит его.

Малогарст, прихрамывая, подошел к трону и не поднимал покрытой капюшоном головы.

-- Что случилось, Малогарст? -- резко спросил Воитель.

— Они исчезли, — ответил Малогарст. — Зингерманн, Олитон и Киулер.

— Что это значит?

— Их нет среди убитых в аудуенц-зале, — пояснил Малогарст. — Я лично осмотрел каждый труп.

— Ты сказал, что они исчезли? — после недолгой паузы сказал Боумель. — Похоже, тебе известно, куда они делись. Это так?

— Надеюсь, что так, мой господин, — кивнул Малогарст. — Похоже, что они украли «Громоу ястреб» и улетели на «Эйзенштейн».

— Украли «Громоу ястреб», — повторил Хорус. — Нам придется пересмотреть секретные коды, дающие доступ к этим новым судам. Сначала Саул Тарвиц, теперь летописцы. Однако это даже не стешно. Любой, кому не лень, может угнать один из наших кораблей!

— Они не сами угнали судно, — объяснил Малогарст. — Им помогли.

— Помогли? Кто?

— Я думаю, что это бы Цактон Круз. На пусковой палубе произошел бой, в

котором погиб Маггар.

-- Цактон Круз? -- безрадостно
расстелся Хорус. -- До сих пор у нас и так
не было недостатка в чудесах, но это --
величайшее из всех. У Вполуха проснулась
совесть.

-- Воитель, я потерпел неудачу.

-- Это не вопрос удачи или неудачи,
Малогарст! Такие ошибки недопустимы.
Они все больше и больше отвлекают меня
от битвы. Ну и где теперь «Эйзенштейн»?

-- Он попытался прорваться через
нашу блокаду и добраться до ближайшей
точки перехода в Варн.

-- Ты сказал «попытался», -- заметил
Хорус. -- Это ему не удалось?

Малогарст ответил не сразу.

-- «Эйзенштейн» был обстрелян
несколькими кораблями и получил
значительные повреждения.

-- Но они не уничтожили его?

-- Нет, мой господин. Пока они
пытались это сделать, командир
«Эйзенштейна» предпринял аварийный
прыжок в Варн. Но корабль очень сильно
поврежден, и я не думаю, что ему удастся

пережить параллельный перенос.

-- А если угадся, то все мои планы подвергнутся существенной корректировке.

-- Варн -- темная бездна, Воитель. Вряд ли это...

-- Не будь таким самоуверенным, Малогарст, -- предостерег его Воитель. -- Фаза на Устваане V зависит от нашего успеха здесь, а если «Эйзенштейн» донесет вести о наших действиях на Терру, все может провалиться.

-- Воитель, возможно, если бы мы вывели войска из Хорала и блокировали планету, мы могли бы с уверенностью приступить к фазе Устваана V, как и планировалось.

-- Я -- Воитель, и я не отступаю с поля боя! -- крикнул Хорус. -- В сражениях на поверхности мы преследует особые цели, которых ты не в состоянии постичь.

Воспоминания Хоруса были нарушены звонком, поступившим из коммуникационного устройства, вмонтированного в подлокотник трона.

-- Воитель.

Установленная под полом
голографическая матрица проецировала
изображение на большую квадратную
панель, висящую над входом в храм. После
звонка на ней проступило изображение
лорда-командира Эйдолона, очевидно
находящегося в настоящий момент в
командном «Лэнд Рейдере». Кроме треска
попых на линии были слышны и
отдаленные взрывы.

— Воитель, — заговорил Эйдолон, — я
получил известие, которое вам будет
интересно услышать.

— Говори! — приказал Хорус. — И лучше,
чтобы известие было приятным.

— Могу заранее вас в этом заверить,
мой господин.

— Тогда не тяни, Эйдолон, —
поторопил его Хорус. — Рассказывай!

— У нас есть союзник внутри дворца.

— Союзник? Кто?

— Люций.

Тяжелее всего было после битвы.

Воины Астартес привыкли к
напряжению перед грядущей атакой, к
грохоту и боли самого сражения. Но Локен

всегда тяжело переносил время, наступавшее после битв, когда видел их результаты. Он не испытывал ни горя, ни отчаяния, как смертные люди, но так же, как они, чувствовал вину и печаль.

Последняя атака Ангрона была самой яростной из всех, и сам примарх, возглавив отряд, пробивался сквозь руины дворца к баррикадам защитников. Тысячи перемазанных кровью Пожирателей Миров шли за примархом, и многие из них остались лежать там, где упали.

Когда-то это место было частью дворцового комплекса, прекрасным садом с беседками, декоративными прудами и крышей, сквозь которую просвечивало солнце. Теперь все обратилось в оплавленные руины: крыша рухнула, и от бывшего великоления осталась только случайно уцелевшая резная опора декоративного мостика.

Большая часть тел Пожирателей Миров лежала у передней баррикады — груды из металлических конструкций и катней, наваленной Лунными Волками. Ангрон атаковал их в полную силу, и

Соргадгон оставил укрепление после того, как многие Пожиратели Миров сложили головы ради этой кучи мусора. Тарик отвел своих Астартес к баррикадам у входа в центральный зал дворца. Уловка сработала, и Пожиратели Миров слишком растянули строй, когда встретились на позицию, обороняемую Локеном. Многие из них погибли под обстрелом тяжелых орудий, и к тому моменту, когда Локен обнажил меч, Пожиратели Миров уже почти закончили битву -- и победа была не на их стороне.

Вместе с убитыми Пожирателями Миров остались лежать и Лунные Волки -- воины, которых Локен знал и уважал долгие годы. И хотя грохот битвы давно затих, ему казалось, что он еще слышит рев цепных мечей, взрывающихся в доспехах, и болтерные залпы, раскалывающие воздух.

-- Это была тяжелая битва, Гарвель, -- раздался рядом с ним чей-то голос. -- Но мы справились.

Оглянувшись, Локен увидел Саула Тарвица, вышедшего из центрального зала дворца. При виде своего друга и боевого

брата Локен улыбнулся. Этот воин прошел долгий путь от рядового офицера, каким он был на Убийце, до командира уцелевших после предательства Воителя Демей Императора.

— Ангрон еще вернется, — сказал Локен.

— Но их атака провалилась, — заметил Тарвиц.

— Им нет необходимости напрягаться, Саул, — сказал Локен. — Хорус будет уничтожать нас одного за другим, а потом Ангрон или Эйдолон просто опрокинут оставшихся.

— И не забывай о Сынах Хоруса, Легионе Воителя, — напомнил Тарвиц.

Локен пожал плечами:

— Пока в них нет особой необходимости. Эйдолон жаждет славы, а Пожиратели Миров жаждут крови. Воитель с легким сердцем предоставит им выматывать у нас силы, а потом нанесет решающий удар.

— Теперь все изменилось, — сказал Тарвиц.

— Что ты имеешь в виду?

– Я только что получил весточку от Люция, – пояснил Тарвиц. – Он сказал, что его связисты только что перехватили донесение Сынов Хоруса. Кое-кто из твоих старых друзей направляется с «Духа мщения» на поверхность, чтобы возглавить Легион.

Локен, внезапно заинтересовавшись, отвернулся от поля битвы.

– Кто?

– Эзекиль Абагдон и Хорус Аксиманг, – ответил Тарвиц. – По всей видимости, они обрушат на город ярость самого Воителя. Я думаю, очень скоро Сыны Хоруса будут подчиняться их приказам.

Абагдон и Аксиманг, предатели, люди, которыми Локен так долго восхищался, душа Морнивала. Они оба стояли по правую руку Хоруса, и возможные варианты грядущих событий вихрем пронесли в голове Локена. Без последних морнивальцев душа Легиона погибнет. Лишившись главных вдохновителей, он просто развалится.

– Саул, ты уверен? – тревожно

спросил Локен.

— Настолько, насколько это возможно, но Люций, как мне показалось, был очень взволнован новостями.

— А в перехваченном донесении не говорилось, где они собираются произвести высадку? — спросил Локен.

— Говорилось, — улыбнулся Тарвиц. — У базилики сразу за дворцом. Это большое здание со шпилем в виде трезубца.

— Я должен найти Тарика.

— Он вместе с Винусом помогает Ваддону управиться с ранеными.

— Спасибо, что сообщил мне эти новости, Саул, — с жестокой устешкой сказал Локен. — Теперь все изменится.

Люций перегнулся через иссеченный осколками подоконник и осмотрел одно из многих полей сражений вокруг руин дворца. Тела, болтеры и ценные мечи лежали на расколотых плитах.

Ускользнуть из дворца не представляло труда. Куда опаснее были снайперы из разведывательного отделения, расставленные командирами Воителя на противоположной стороне. Несколько раз

Люций замечал движение в развалинах
готов и тогда скрывался в воронках или за
грудями трупов.

Пробираться крадучись, в пыли и
темноте, казалось ему унижительным
занятием, но окружающие его звуки и
запахи войны действовали возбуждающе.
Люций осторожно шагнул во двор.
Лежащие здесь тела были обезглавлены,
разрублены или изувечены в рукопашной
схватке.

Зрелище было довольно жестоким, но
ему нравилось представлять, насколько
яркой была их смерть.

— Никакого изящества, — пробормотал
он себе.

Внезапно из тени появилась фигура в
пурпурно-золотых доспехах. За первым
воином возник еще десяток солдат, и
Люций улыбнулся, узнав лорда-командира
Эйдолона.

— Лорд-командир, — произнес Люций. —
Для меня большая радость снова стоять
перед вами.

— К черту твои льстивые речи! —
бросил Эйдолон. — Ты дважды предатель!

-- Может быть, -- сказал Люций, присаживаясь на упавшую колонну из черного трамора. -- Но я здесь, чтобы дать вам то, что вы хотите.

-- Ха! -- ухмыльнулся Эйдолон. -- Что ты можешь нам дать, предатель?

-- Победу, -- ответил Люций.

-- Победу?! -- расхохотался Эйдолон. -- Ты думаешь, нам нужна твоя помощь, чтобы победить? Мы зажали вас в тиски! Один за другим, смерть за смертью, и победа будет нашей!

-- И скольких воинов вы лишитесь, прежде чем она станет вашей? -- поинтересовался Люций. -- Сколько еще избранных воинов Фүлгрима вы хотите бросить в бой, которого вообще не должно было быть? Вы можете покончить с этим прямо сейчас и сохранить жизнь своих Астартес для настоящего сражения! Когда Императору станет известно о предательстве Воителя и он пришлет свои Легионы, вам понадобится каждый боевой брат. Вам это понятно не хуже, чем мне.

-- И какова же цена твоей неоценимой

помощи? -- с сарказмом спросил Эйдолон.

-- Все очень просто, -- сказал Люций. --
Я хочу снова быть в Легионе.

Эйдолон растеялся ему в лицо, и Люций ощутил, как песня смерти болезненным толчком пронзила его тело. Но он заставил убийственную музыку отступить.

-- Ты серьезно, Люций? -- настыливо спросил Эйдолон. -- Почему ты думаешь, что мы захотим принять тебя обратно?

-- Эйдолон, вам необходимы такие, как я. Я хочу быть частью Легиона, это соответствует моему мастерству и амбициям. Я не собираюсь оставаться капитаном до конца своей жизни, как этот проклятый Тарвиц. Я встану рядом с Фүлгримом -- там мое место.

-- Тарвиц? -- переспросил Эйдолон. -- Он еще жив?

-- Жив, -- кивнул Люций, -- хотя я с радостью убил бы его для вас. Вся слава этих сражений должна принадлежать мне, но он командует нами, словно является одним из избранных!

Люция снова захлестнула обида, и он

дал волю своему неудовольствию:

— Когда-то он с радостью терялся среди солдат и оставлял славу более достойным воинам, но в этих сражениях он раскрыл свои амбиции. Говоря по правде, я здесь только из-за него.

— Ты просишь об огромном доверии, Люций, — сказал Эйдогон.

— Да, но подумайте, что я обещаю взятен: Тарвица и дворец.

— Мы и так все это получили.

— Лорд-командир, наш Легион славится своей гордостью, но мы никогда не посылали своих братьев на смерть, чтобы доказать свое преимущество.

— Мы всегда следуем приказам Воителя, — с опаской произнес Эйдогон.

— Верно, — кивнул Люций. — Но что вы скажете, если я позволю вам одержать настолько неожиданную победу, что она будет вашей, и только вашей. Пожирателям Миров и Сынам Хоруса останется только тащиться в хвосте.

Люций увидел, что заинтересовал Эйдогона, и старательно спрятав устешку. Теперь ему оставалось только

дожать командира.

— Говори, — приказал Эйдолон.

— Гарви, я иду с тобой, — сказал Неро. Винус, входя в единственный зал двorca, оставшийся относительно целым после всех сражений.

Когда-то здесь был зрительный зал со сценой и рядами позолоченных кресел, где элита Хорала слушала музыку мироздания, но теперь зал был темным и заброшенным.

Локен, оторвавшись от боевой медитации, увидел перед собой Винуса.

— Я знал, что ты захочешь пойти, но эта проблема касается только нас с Тариком.

— Только вас двух? — переспросил Винус. — Это безумие. Эзекиль и Маленький Хорус — лучшие воины, когда-либо служившие в Легионе. Вы не можете идти против них только вдвоем.

Локен по-дружески обнял его за плечи.

— С нами или без нас с Тариком, дворец рано или поздно падет. Саул Тарвиц совершил нелогичный подвиг, сохранив наши жизни до сих пор, но, в конце

концов, дворец все равно будет захвачен.

-- Тогда какой смысл рисковать своими жизнями, гоняясь за Эзекилем и Маленьким Хорусом? -- спросил Винус.

-- Неро, на Устваане III мы преследуем лишь одну цель: препятствовать Воителю. Если нам удастся убить последних торнивальцев, планам Воителя будет нанесен ущерб. Все остальное не имеет значения.

-- Но ты говорил, что мы должны задержать здесь предателей до тех пор, пока Император не пришлет нам на подмогу другие Легионы. Разве теперь это не так? Мы остались одни?

Локен покачал головой и взял свой меч, стоявший у стены.

-- Я не знаю, Неро. Возможно, Император пришлет Легионы, чтобы нас спасти, а может, и не пришлет. Я не собираюсь идти в бой, ведомый лишь слепой надеждой. Я должен сам принимать решения.

-- Вот и я собираюсь поступить так же, -- сказал Винус. -- И защитить своих друзей.

— Нет, ты нужен здесь, — возразил Локен. — Твой долг — оставаться с остальными воинами. Чем дольше вы задержите изменников, тем больше надежды, что Император призовет Хоруса к ответу. Наш бой — это дело торпидальцев, Неро. Ты понимаешь меня?

— Честно говоря, нет, — сказал Неро. — Но я сделаю так, как ты просишь, и останусь здесь.

Локен улыбнулся:

— И не горюй по мне раньше времени, Неро. Тарик и я еще можем победить.

— Лучше бы так и было, — ответил Винус. — Вы нужны Лунным Волкам.

Слова Неро тронули Локена, и он обнял своего самого старого друга. Он очень хотел бы пообещать ему, что вернется после этой миссии живым, что надежда еще не пропала.

— Гарвель, — раздался знакомый голос от входной двери.

Локен и Неро разоткнули братские объятия и, обернувшись, в тусклом свете зала увидели Саула Тарвица.

— Саул, — произнес Локен.

— Пора, — сказал Тарвиц. — Мы готовы к отвлекающему маневру, о котором ты просил.

Локен кивнул и улыбнулся обоим храбрым воинам. С этими людьми он прошел через ад и готов снова хоть сто раз разделить опасность. Честь, которую они оказывали ему своей дружбой, наполнила его гордостью.

— Капитан Локен, — официально обратился к нему Тарвиц. — Может случиться так, что мы больше не увидимся.

— Я так не думаю, — ответил Локен. — В этом деле слишком много всяких «если».

— Тогда я желаю тебе полного хода, Гарвель.

— Полного хода, — повторил Локен и протянул Тарвицу руку. — За Императора.

— За Императора, — отозвался Тарвиц.

Покончив с прощанием, Локен покинул зал, оставляя Тарвица и Винуса готовить оборону к очередным атакам.

Согласно учелевшим тактическим планам, базилика Макарана стояла к

северу от их позиции, и Локен направился к тому пункту, который он считал наилучшим для выхода из дворца. Там он встретил ожидавшего его Торгаддона.

-- Ты видел Вунуса? -- спросил Торгаддон.

-- Видел, -- кивнул Локен. -- Он хотел пойти с нами.

Торгаддон покачал головой:

-- Это дело торнивальцев.

-- Я ему так и сказал.

Оба воина, снова осознав огромную трудность предстоящей попытки, одновременно вздохнули.

-- Ты готов? -- спросил Локен.

-- Нет, -- ответил Торгаддон. -- А ты?

-- Нет.

Торгаддон, уже сворачивая в выходящий из дворца тоннель, устехнулся.

-- Разве ты не пара? -- сказал он.

К добру или к худу, но им предстояла финальная битва на Устваане III.

-- И ты остелился вернуться после такого провала? -- взревел Хорус, и капитанский мостик «Духа мщения» содрогнулся от ярости, прозвеневшей в его

голове.

При виде величественной фигуры стоящего перед ним примарха, при мысли о грандиозной неудаче лицо Воителя исказилось от гнева.

— Ты хоть понимаешь, что я здесь пытаюсь сделать?! — свирепствовал Хорус. — Задуманное мной предприятие охватит всю Галактику, но, если с самого начала допускать подобные просчеты, Император нас сломит!

Но ярость брата, казалось, не задевает Фүлгрима, и черты его лица оставались абсолютно безмятежными, что полностью соответствовало характеру примарха Детей Императора. Несмотря на то, что он совсем недавно прибыл на борт своего флагманского корабля «Гордость Императора», Фүлгрим выглядел таким же великолепным, как и всегда.

Его изящные пурпурные с золотом доспехи были подлинным произведением искусства. Поверх них висело множество драгоценных украшений, а развевающаяся накидка, отороченная мехом,

подчеркивала статную фигуру. Уже не в первый раз Хорус подумал, что его брат скорее похож на распутника или вольнодумца, чем на воина. Длинные белые волосы Фүлгрима были зачесаны назад в замысловатой причёске из косичек, а на бледных щеках выгнулись следы, очень похожие на первичную татуировку.

— Феррус Манус — упрямый дурак и не желает слушать никаких доводов, — сказал Фүлgrim. — Даже упоминание о клятве механиков не могло...

— Ты обещал, что сложешь его и убедишь! Железные Руки необходимы для моего плана! Я начал операцию на Устване III, полагаясь на твои заверения, что он к нам присоединится. А теперь оказывается, что у нас появился еще один враг, с которым придется разбираться. Фүлgrim, из-за твоей неудачи погибли многие Астартес.

— И что же мне надо было сделать, Воитель? — улыбнулся Фүлgrim, удивив Хоруса неизвестно откуда взявшейся наглостью. — Его воля оказалась сильнее, чем я ожидал.

– Или ты просто переоценил свои собственные возможности.

– Воитель, ты хотел, чтобы я убил нашего брата?! – воскликнул Фүлгрим.

– Может, и хотел бы, – непреклонно ответил Хорүс. – Это было бы лучше, чем отпускать его и позволить разрушить наши планы. Сейчас он может добраться до Императора или до одного из примархов и принести их на наши головы, пока мы не успели подготовиться.

– Тогда, если ты закончил, я, пожалуй, вернусь к своему Легиону, – сказал Фүлгрим и повернулся, чтобы уйти.

Оскорбительный тон Фүлгрима еще больше разозлил Воителя.

– Нет, ты нигде не пойдешь. У меня есть еще одно задание для тебя. Я посылаю тебя на Устваан V. После всего, что произошло, Император может отреагировать быстрее, чем мы ожидали, и к этому надо подготовиться. Возьми с собой отряд Демей Императора и приготовь крепости чужаков для заключительной стадии устваанской операции.

Фүлгрим недовольно поторщился:

-- Ты поручаешь мне роль не многим выше, чем кастеляну, словно я обычная домохозяйка, готовящая завтрак к твоему высокому визиту. Почему не послать Пертурabo? Ему это занятие больше подходит.

-- Пертурabo предназначена другая роль, -- сказал Хорус. -- Он уже сейчас готовится разорить свой родной мир по твоей воле. Скоро ты еще услышишь о нашем жестоком брате, можешь в этом не сомневаться.

-- Тогда поручи это Мортариону. Его чумазы пехотинцы будут рады возможности запачкать раги тебя руки! -- бросил Фүлгрим. -- Мой Легион был избран Императором, когда он еще был достоин нашей службы. Я один из его славнейших героев и правая рука нового Крестового Похода Это... предательство тех основных принципов, ради которых я встал на твою сторону, Хорус!

-- Предательство? -- угрожающе спокойным голосом спросил Хорус. -- Сильно сказано, Фүлгрим! Предательство -- это

действия нашего Императора, когда он
отверг Галактику ради притязаний на
божественность и оставил завоевания
Крестового Похода в руках писцов и
чиновников. И ты осмеливаешься бросить
такое слово мне в лицо, да еще на мостике
моего собственного корабля?

Фүлгрим отступил на шаг, его гнев
испарился, но глаза сверкали от вызванного
противостоянием возбуждения.

— Возможно, я должен это сделать,
Хорус. Кто-то должен говорить тебе
горькую правду, раз твой драгоценный
Морниваль прекратил свое существование.

— А этот меч, — сказал Воитель,
указывая на сверкающее ядом оружие,
висевшее на поясе Фүлгрима. — Я отдал
его в знак полного к тебе доверия,
Фүлгрим. Только нам с тобой известно о
скрытой в нем мощи. Это оружие чуть не
убило меня, и все же я его отдал. Неужели
ты думаешь, я подарил бы тебе такой меч,
если бы не верил в тебя?

— Нет, Воитель, — ответил
Фүлгрим.

— И правильно. Часть моего плана.

относящаяся к Устваану V, наиболее
уязвима, -- продолжал Хорус, разжигая
самое опасное пламя характера
Фүлгрита. -- Это даже опаснее сражений,
которые идут внизу. Я не могу доверить
ее подготовку никому другому. Брат мой,
ты должен отправиться на Устваан V.
Слишком многое будет зависеть от твоей
работы.

Наступил долгий опасный момент,
когда между Хорусом и примархом Демей
Императора воздух буквально потрескивал
от напряженности.

Но затем Фүлгрим растаял и
заговорил:

-- А теперь ты мне льстишь, в
надежде, что мое эго заставит
подчиниться твоим приказам.

-- Ну и как, сработало? -- спросил
Хорус, прогоняя остатки напряжения.

-- Да, -- признал Фүлгрим. -- Ладно,
воля Воителя должна быть выполнена. Я
отправляюсь на Устваан V.

-- Эйдолон продолжит руководить
твоими войнами, пока не воссоединится с
тобой на Устваане V, -- сказал Хорус, и

Фүлгрим согласно кивнул.

– А теперь оставь меня, Фүлгрим, –
добавил Хорус. – Тебе предстоит большая
работа.

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ ВОСЬМЕРУЧНАЯ ТРОНА ЧЕСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕНА

Апотекарий Вагдон боролся за жизнь Касто. Сняв с воина нагрудную пластину доспеха, он обнаружил ужасную рану -- болтерный снаряд разворотил грудную клетку, лоскуты кожи и обрывки мышц разошлись в стороны, словно лепестки кровавого цветка.

-- Зажимы на рану! -- скотанговал Вагдон, щелкая по кнопке на перчатке управления нартециумом.

Перед ним появился лоток со шприцами и скальпелями, а брат Матригон, Астартес из Легиона Демей Императора, лишившийся одной руки в предыдущих схватках, старался зажать самые крупные сосуды. Касто метался под его руками, стискивая зубы от боли,

способной убить кого угодно, только не Астармес.

Багдон выбрал шприц и воткнул иглу в шею Касто. Ампула быстро опустела, и введенные стимуляторы помогли сердцу Касто гнать кровь к поврежденным органам. Касто вздрогнул, едва не согнув иглу.

-- Держи его крепче! -- приказал Багдон.

-- Да, -- раздался голос за его спиной. -- Держи крепче. Тогда будет легче его убить.

Багдон резко обернулся и увидел Астармес в доспехах лорда-командира Демей Императора. В руках воин держал огромный молот, сверкающий смертоносными искрами энергетического поля. Позади него Багдон увидел еще десяток Демей Императора в пурпурно-золотых доспехах, сверкающих свежей полировкой и стазкой.

В то же мгновение аптекарий понял, что перед ним не его соратники, и ощутил холод в груди при мысли, что борьба окончена.

— Кто вы? — спросил он, уже зная, каки́м будет ответ.

— Я твоя смерть, предатель! — воскликнул Эйдолон.

Он резко опустил молот и одним ударом сокрушил череп апотекария.

Сотни Детей Императора хлынули с восточной стороны во дворец, заливая все огнем и кровью. В первую очередь им попались раненые, и Эйдолон лично добивал тех, кто лежал в ожидании помощи Баггона. Уничтожая верных Императору Астартес, он ощущал исключительное удовольствие.

Защитники с ужасом увидели, что их фланг каки́м-то образом остался открытым, а противники все прибывают. В следующее мгновение началась последняя битва. Верные Астартес развернулись от укреплений и встретились навстречу Детям Императора. Штурмовые прыжковые ранцы перебросили их через развалины прямо в гущу воинов Эйдолона. Наводчики тяжелых орудий и разведчики-снайперы с высоких позиций обрушивали на врага

мощные залпы.

В самом сердце бывшего Дворца Регента разгорелась битва, в которой не было ни направления, ни строя. Каждый Астартес стал сам себе армией, все правила были отброшены, и воины сражались в окружении врагов. Реактивные мотоциклы Демей Императора с неистовым визгом описывали замысловатые петли вокруг дворца, обстреливая сражавшихся внутри Астартес.

Дредноуты могучими клешнями выламывали огромные глыбы из баррикад, на которых так недавно гибли атакующие. Пожиратели Миров, и швыряли их в защитников.

Воцарился содом. Бал правил безумие, ужас и разрушение, и ЭйгOLON находился в самом центре этой свистопляски. В этой братоубийственной резне он размахивал боевым молотом, убивая всякого, кто оказывался поблизости.

Светлые волосы и самодовольная ухмылка Люка Седирэ казались совсем не к месту среди полуразрушенных

промышленных корпусов Хорала. В этом
мертвом мире были более уместны
потемневшая с возрастом кожа и тяжелый
теховой плащ Сергара Таргоста,
капитана Седьмой роты.

Седирэ запрыгнул на оплавленную
платформу какого-то станка и встал
перед тысячами Сынов Хоруса, готовыми
идти в бой. Боевая раскраска на их
лицах была еще совсем свежей, и на
головах развевались на ветру новые
знамена, с символикой воинской логи.

— Сыны Хоруса! — Сильный, зычный
голос Седирэ пронесся над головами. — Мы
долго ждали, пока братские Легионы
откроют для нас ворота, чтобы иметь
удовольствие пронзить мечами всех
сомневающихся и слабоумных. Наконец
пришел наш час! Лорд-командир Эйдолон
прорвал блокаду, и настало время
показать всем, как сражаются Сыны
Хоруса!

Воины ответили громкими
одобрительными возгласами, знамена
логи взметнулись вверх, демонстрируя
символы веры, лежащие в основе

философии ордена, — медную когтистую лапу, спускающуюся с небес, чтобы сокрушить планету, черную восьмиконечную звезду смерти и огромное крылатое существо с двумя головами, топившее гряду трупов.

Эти знаки символизировали силы, вызванные заклинаниями гавинитских жрецов, способных заглядывать в варн, и должны были свидетельствовать о верности Сынов Хоруса богам, помощью которых воспользовался их Воитель.

— Враги в смятении, — продолжал Седирэ, не дожидаясь, пока столкнутся голоса воинов. — Мы обрушим на них свою мощь и сметем их с пути. Сыны Хоруса! Вам ясен ваш долг, и все вы знаете путь, который привел нас к этому дню. Здесь мы уничтожим последние крупицы старого Крестового Похода и двинемся в будущее!

Уверенность Седирэ оказалась заразной, и он понял, что воины готовы.

Затем вперед вышел Таргост и поднял руки. Теперь он носил звание капитана ложи, был причастен к

жреческим таинством и пользовался не меньшим уважением, чем командир. Он открыл рот, и с губ сорвалась череда гортанных и мрачных сочетаний резких звуков. На этом языке гавиниты возносили молитвы, прося победы и крови.

Сыны Хоруса тоже ответили молитвой, и их голоса протяжным гулом разнеслись над башнями Хорала.

А когда с молитвами было покончено, сыны Хоруса устремились в бой.

Вокруг Тарвица бешевало пламя. Терминаторы Демей Императора залили огнем центральный зал дворца, а из боковой галереи слышались звуки ожесточенной рукопашной схватки. Над головой Тарвица пролетели осколки стены, развороченной болтерным выстрелом, и Саул, пригнувшись, перебежал в укрытие к брату Солатену из отделения Назикеи.

Солатен вместе с тремя десятками верных Демей Императора и несколькими Лунными Волками оказался загнан в угол. Воины укрылись за упавшей колонной.

— Рагу Императора, что

произошло? -- крикнул Тарвиц. -- Как они сумели прорваться?

-- Не знаю, сэр, -- ответил Солатен. -- Они пришли с восточной стороны.

-- Нас должны были предупредить, -- сказал Тарвиц. -- Это сектор Люция. Ты давno его видел?

-- Люция? -- переспросил Солатен. -- Нет. Вероятно, он убит.

Тарвиц покачал головой:

-- Вряд ли. Я должен его отыскать.

-- Мы здесь долго не продержимся, -- сказал Солатен. -- Придется отступить, и ты тебя не дождемся.

Тарвиц согласился с ним, но знал, что должен найти Люция, даже если искать придется его тело. Он сомневался, что мастер меча убит, но в этой сумасшедшей бойне все возможно.

-- Хорошо, -- сказал он. -- Уходите. Отходите, но сохраняйте порядок. Пробивайтесь во внутренние залы, там еще есть баррикады. Уходите, не ждите меня!

Он быстро выглянул из-за колонны и послал очередь из болтера в толпу Демей

Императора у противоположной стены. Воины его отряда, отступая, своим огнем обеспечили ему некоторое прикрытие.

Зал, который ему предстояло пересечь, весь был устлан мертвыми телами. Тарвиц подождал, пока его отряд не отошел на достаточное расстояние, а затем выскочил из-за колонны.

Разрывные болты тотчас ударили в пол рядом с ним. Тарвиц упал, перекатился за груды обломков и оттуда поспешно прополз к выходу из зала, в коридор, уводящий к восточному крылу Дворца Регента.

Люций должен был находиться где-то там, и Тарвиц натеревался его отыскать.

Локен прыгнул и бросился на пол, заскользив по черным от огня плитам площади. Нависавший над ним дворец повернулся, когда Локен перекатился на спину и выстрелил в ближайшего Пожирателя Миров. Снаряд угодил воину в ногу, и тот с криком опустился на землю. Одним прыжком к нему подскочил Торгаддон и вонзил в спину изменника свой меч.

Площадь беспрестанно простреливалась, но Локен все же смог подняться на ноги. Он попытался определить диспозицию противника среди гор мертвых тел и вздыбившихся трамборных плит, поднятых взрывами, но это оказалось невозможно.

Пространство между дворцом и темной громадой города оказалось заполнено Пожирателями Миров -- они спешили воспользоваться брешью в обороне, пробитой Детьми Императора.

-- Здесь их целое отделение, -- сказал Торгаддон, выдергивая меч из тела убитого Пожирателя Миров. -- Мы оказались в самом центре.

-- Тогда надо продолжать двигаться, -- ответил Локен.

Он выпрямился, перезарядил свой болтер и поспешил вперед, оглядая груды мусора и завалы из трупов, глядясь в темноту, чтобы вовремя заметить любое движение. Торгаддон не отставал, направляя дуло болтера на любые подозрительные щели в руинах. Вокруг беспрестанно велась стрельба, судя по

звукат, бой во дворце не ослабевал, военные кличи и грохот взрывов кромсали ночную тьму.

-- Ложись! -- крикнул Торгаддон, заметив несущийся на них из темноты шар плазменного огня.

Локен бросился на землю, и пылающий снаряд пронесся мимо, пробив огромную дыру в каменном блоке за его спиной. В этот момент из тени показался чей-то силэт, и Локен, уловив блеск лезвия, инстинктивно поднял болтер, чтобы заблокировать удар. Зубья цепного меча заскрежетали по металлу кожуха, а Локен успел ударить своего противника ногой в пах.

Пожиратель Миров легко развернулся на месте и ударом своего цепного топора сбил с ног Торгаддона. Этот маневр дал Локену время, чтобы вскочить на ноги, отбросить исковерканный болтер и выхватить цепной меч.

Торгаддон катался по земле, сцепившись с еще одним Пожирателем Миров, и теперь мог позаботиться только о себе. Локен тем временем понял, что его

противником был капитан, и не просто капитан, а один из лучших в Легионе Пожирателей Миров.

-- Кхарн! -- окликнул он атаковавшего противника.

Кхарн на мгновение затер, и внезапно Локен увидел перед собой прежнего благородного воина, с которым разговаривал в Музее Завоеваний. Но в следующий миг что-то затуманило взгляд Пожирателя Миров, и лицо Кхарна искажилось от ненависти.

Но этой секунды хватило Локену, чтобы отпрянуть и забежать за выступ каменной глыбы, торчавшей из воронки. Вокруг него по-прежнему рвались снаряды, где-то за пределами видимости Торгаддон вел собственное сражение, но Локен уже не мог об этом думать.

-- Кхарн, что случилось? -- закричал он. -- Во что они тебя превратили?

Кхарн испустил нечленораздельный вопль и с высоко поднятым топором ринулся вперед. Локен крепче уперся ногами в землю, поднял меч, чтобы остановить несущееся на него оружие

Кхарна, и два воина сошлись в отчаянной схватке.

— Кхарн, — сквозь стиснутые зубы произнес Локен, стараясь оттолкнуть от своего лица гудящие зубы цепного топора, — ты совсем не тот человек, которого я знал. Во что ты превратился?

Их взгляды встретились, и внезапно Локен увидел душу Кхарна и его отчаяние. Он увидел воина, который, как и он сам когда-то, принес клятвы верности братству и посвятил свою жизнь Великому Крестовому Походу, воина, увидевшего все ужасы и трагедии Похода и его победы. Но в то же время Локен увидел и темное безумие, толкавшее его на предательство и кровопролитие.

— Я есть Восьмеричный Путь! — прорычал Кхарн, и каждое слово вскипало на его губах кровавыми пузырьками пены.

— Нет! — воскликнул Локен, отталкивая Пожирателя Миров. — Этого не должно было произойти!

— Но так случилось, — сказал Кхарн. — С Пути невозможно свернуть. Мы должны двигаться дальше.

Все человеческие чувства исчезли с лица Кхарна, и Локен понял, что настоящего воина больше нет и этот бой закончится лишь смертью одного из них.

Локен пятился, с трудом отбивая град ударов Кхарна, пока не уперся спиной в груды камней. Оружие противника врезалось в камень рядом с его плечом, и Локен попытался нанести удар рукоятью меча по голове Кхарна. Пожиратель Миров успел увернуться и сразу же врезал лбом в лицо Локена, одновременно перехватив его правую руку и увлекая на землю.

Словно два зверя, они продолжали бороться в грязи; Кхарн пытался разбить голову Локена о камни, а тот напрягал все силы, чтобы сбросить врага. Гарвель перекатился на спину и в этот момент услышал гул двигателя, от которого дрожала земля, и уловил свет прожекторов, обрисовавших силуэт Кхарна.

Локен понял, что последует дальше, и стал раз за разом бить Кхарна по лицу. В то же время второй рукой он постарался

приподнять воина над землей. Свет фар стал ярче, и на груду камней, словно поднявшийся из глубин монстр, въехал «Лэнд Рейдер».

Когда передний отбойник машины ударил в тело Кхарна, Локен ощутил сильный толчок, а затем почувствовал, что заостренные зубы вонзились в спину Пожирателя Миров. Локен отпустил тело Кхарна и откатился к самой кромке воронки, а «Лэнд Рейдер» продолжал подниматься по склону. Наконец, могучий танк перевалил через гребень, и Локен прижался к земле, пока ревущая машина проползала над ним всего в нескольких дюймах.

Танк преодолел воронку и с лязгом покатился дальше, унося на зубцах тело Пожирателя Миров, словно устрашающий трофей. Локен увидел, что танки двигались со всех сторон, а на их броне был напалеван Глаз Хоруса. Эмблемы Легиона тоже были хорошо видны.

Сыны Хоруса.

Несколько мгновений Локен стоял и смотрел на движущиеся к дворцу войска.

Приближаясь к баррикадам, они открывали стрельбу.

Чья-то рука, опустившись за край воронки, потащила избитого и окровавленного Локена в укрытие. Подняв голову, он увидел Торгаддона, тоже пострадавшего в поединке с Пожирателем Миров.

Торгаддон кивнул вслед удалявшемуся «Лэнг Рейдеру»:

-- Это был?...

-- Кхарн, -- кивнул Локен. -- С ним покончено.

-- Убит?

-- Наверно, я не знаю.

Торгаддон перевел взгляд на штурмгруппу Сынов Хоруса, стремящихся к дворцу.

-- Я думаю, даже Тарвицу будет теперь нелегко оборонять дворец.

-- Значит, нам надо торопиться.

-- Да. Пригнись, и давай попробуем больше ни на кого не нарываться, -- сказал Торгаддон. -- Иначе Абаддону и Маленькому Хорусу слишком долго придется ждать.

-- Саул заставит их дорого заплатить за каждый камень этих руин, -- сказал Локен, не без труда поднимаясь на ноги. Кхарн сильно помял его, но не настолько, чтобы отказываться от боя. -- Давай рагу него увеличим этот счет.

Вои шли повсюду, и Тарвиц, осторожно пробираясь через руины восточного крыла дворца, старался держаться в тени. Весь разгромленный дворцовый комплекс был наводнен Детью Императора, прорывающимися к центру.

То там, то здесь Саул замечал знакомые шевроны и эмблемы и с трудом удерживался, чтобы не окликнуть боевых братьев. Но теперь они стали его врагами, и в случае обнаружения не стоило ждать братских объятий и дружеских приветствий.

Сама одержимость воинов оказалась на пользу Тарвицу, поскольку эти воины, как и сам Эйдолон, были увлечены сейчас лишь одним -- захватом дворца, -- и почти ни на что больше не обращали внимания. «Хоть раз пороки Эйдолона оказались кому-то полезны», -- подумал Тарвиц,

осторожно пробираясь по освещенным
вспышками разрывов ружья двorca.

— Тебе надо подтянуть дисциплину в войсках, Эйдолон, — прошептал он. — А то кто-нибудь заставит тебя заплатить за их беспечность.

Восточный сектор, отведенный для охраны Люцию и его воинам, представлял собой разбомбленные развалины, сожженные огненным штормом. Некогда здешние сады были украшены величественными скульптурами, от которых теперь остался лишь щебень. То, что верные Императору воины продержались здесь так долго — несколько месяцев, — само по себе было чудом, и Тарвиц не был настолько наивен, чтобы рассчитывать на большее.

Он видел десятки трупов и осматривал каждый из них в поисках тела своего дружка, мастера меча Люция. Каждый мертвец из лежащих здесь был ему знаком — эти воины шли за ним и верили, что он приведет их к победе. Каждая пара невидящих глаз, казалось, винит его, Тарвица, в своей смерти, и Саул уговаривал себя, что он сделал все от

него зависящее и никто не вправе требовать больше.

Чем дальше он продвигался на восток, тем меньше встречал атакующих Демей Императора, их целью был центр Дворца Регента, а не весь его комплекс.

Как обычно, Эйдолон рвался к славе, забывая о стандартных законах тактики.

-- Будь у меня сотня костогесантников, я бы наказал тебя за такую самоуверенность, -- прошептал Тарвиц.

И едва он услышал собственные слова, как лицо его озарилось улыбкой. У него есть сотня костогесантников. И не важно, что они дерутся сейчас в другом крыле дворца. Если и есть на свете воины, которые в разгар сражения в строгом порядке способны выйти из боя и оказать дружескую услугу, то это Дети Императора.

Тарвиц пригнулся за поваленной статуей и открыл канал вокс-связи.

-- Солатен, -- прошепел он, -- ты меня слышишь?

Внаушнике долгое время раздавалось

только шипение статуй, и Тарвиц успел произнести проклятия на тот случай, если его план окажется невыполненным из-за такой ерунды, как плохая связь.

— Я слышу тебя, капитан, но мы здесь немного заняты, — раздался вдруг голос Солатена.

— Я понял, — откликнулся Тарвиц. — Но для тебя есть новый приказ. Выходите из боя и свяжитесь с Лунными Волками. Пусть они примут на себя главный удар. Собери как можно больше наших воинов, потом перебирайтесь ко мне.

— Сэр?

— Воспользуйтесь восточным переходом вдоль служебного крыла. Он без особых неприятностей приведет вас ко мне. Солатен, у нас есть возможность проучить этих ублюдков, так что я жду тебя здесь, и как можно скорее.

— Вас понял, сэр, — ответил Солатен и выключил связь.

Услышав голос, Тарвиц замер.

— Ничего не выйдет, Саул. Дворец Регента уже можно считать потерянным. Даже тебе это должно быть понятно.

Тарвиц поднял голову и увидел, что перед ним в центре зала стоит Люций, в одной руке у него сверкающий меч, а в другой -- осколок стекла. Он поднял стекло к лицу и прочертил острием по щеке, так что показалась кровь и закапала на пол зала.

-- Люций! -- воскликнул Тарвиц. Он поднялся во весь рост и вышел в середину зала навстречу мастеру меча. -- Я думал, что ты погиб.

Через разбитую крышу зал озарялся светом звезд, и Тарвиц вдруг увидел лежащие повсюду трупы Детей Императора. Не изменников, а верных Императору воинов, и сумрак позволял разглядеть достаточно, чтобы понять: ни один из них не погиб от огнестрельных ран, все были заколоты холодным оружием. Все лежали порознь, и в душе Тарвицашевельнулось ужасное подозрение.

-- Погиб? -- растеялся Люций. -- Я погиб? Помнишь, что сказал Локен, когда я свалил его в тренировочной камере?

Тарвиц настороженно кивнул:

-- Он сказал, что когда-нибудь

найдется воин, который сложит тебя
победить.

-- А ты помнишь, что я ему ответил?

-- Да, -- сказал Тарвиц, протягивая
руку к рукояти цепного меча. -- Ты сказал
«Не в этой жизни», не так ли?

-- У тебя прекрасная память, --
замечил Люций и бросил осколок стекла
на пол.

-- И кому посвящен этот последний
шрам? -- спросил Тарвиц.

Люций улыбнулся, но глаза его
остались холодными:

-- Тебе, Саул.

Большой форум базилики Макарана
превратился в пустыню, засыпанную
обгоревшими костями. Тысячи истребленцев
собрались здесь после первых ударов
вирусной бомбардировки в надежде, что
смогут спастись в здании парламента,
занимавшем одну из сторон площади.
Люди столпились в одном месте и
погибли, а их обгоревшие останки
напоминали трясину, из которой
поднимались колонны, ограничивающие
форум с трех сторон. С четвертой

стороны возвышалось полуразрушенное здание парламента, испещренное полосами черной сажи.

В этом здании заседал общественный парламент Хорала, в противовес аристократическому, обосновавшемуся во Дворце Регента, но именитые граждане, которые успели укрыться внутри, погибли точно так же, как и толпы простого народа снаружи.

Локен пробирался через завалы костей, держа в руке готовый к сражению меч. Черепы скалились ему в лицо, и пустые выжженные глазницы смотрели с укором. За его спиной Торгаддон внимательно наблюдал за площадью.

— Стой, — тихо произнес Локен.

Торгаддон остановился и огляделся вокруг.

— Это они?

— Не знаю, возможно, они, — ответил

Локен, поглядывая на парламент. За зданием темнел силуэт костяного корабля — штурмовой катер с эмблемой Сынов Хоруса. — Я лишь знаю, что здесь кто-то высиделся.

Они продолжали идти вперед и наконец, начали взбираться по выщербленным мраморным ступеням дома парламента. Двери из толстых, окованных железом дубовых досок сначала были сожраны вирусом, а затем сгорели в пламени огненного шторма.

-- Войдем? -- спросил Торгаддон.

Локен кивнул, но внезапно тяжелое предчувствие охватило душу, и ему захотелось, чтобы они не приходили сюда. Он взглянул на Торгаддона, подыскивая подходящие слова, прежде чем сделать последние, роковые шаги.

Казалось, Торгаддон угадал его мысли.

-- Я понимаю, -- произнес он. -- Но разве у нас есть выбор?

-- Нет, -- ответил Локен и шагнул через дверной проем.

Внутренняя часть здания меньше пострадала от огненного шторма, и среди обломков бронзовых люстр и лепных украшений лежало лишь несколько искорченных, и почерневших трупов. На стенах круглого зала кое-где чудом

сохранились фрагменты фресок, повествующих о славном прошлом города Хорала, о его росте и завоеваниях.

Скамьи и урны для голосования окружали центральное возвышение с ораторской трибуной.

На этом возвышении перед трибуной стояли Эзекиль Аббагон и Хорус Аксиманг.

— Ты предал нас, — сказал Тарвиц, испытывая почти непереносимую боль и разочарование. — Ты убил своих людей и привел во дворец Эйдолона и его воинов. Это так?

— Так, — ответил Люций и стал размахивать мечом, разминая мышцы перед боем, который, как понимал Тарвиц, вскоре должен начаться. — И я снова сделал бы это, не задумываясь ни на секунду.

Тарвиц прошел по кругу вдоль стены зала, и его шаги звучали в такт шагам мастера меча. Он нисколько не сомневался в исходе поединка, поскольку Люций был самым лучшим мечником в Легионе, а возможно, и во всех Легионах. Саул знал, что не сможет победить Люция, но

предательство требовало отпущения.

Честь должна быть восстановлена.

-- Почему, Люций? -- спросил Тарвиц.

-- И ты еще спрашиваешь меня об этом, Саул? -- возмущился Люций, сужая круг и шаг за шагом сокращая дистанцию между собой и Тарвицем. -- Я здесь только благодаря нашему с тобой неудачному знакомству. Я знаю, что тебе предлагали лорд-командир и Фабий. Как же ты можешь отвергнуть такую возможность?

-- Люций, это было омерзительно, -- отвечал Тарвиц, стараясь как можно дольше протянуть разговор. -- Изменять роду геносемеи? Неужели ты можешь допустить, что Император такое позволит?

-- Император? -- расхохотался Люций. -- А ты уверен, что он этого не одобрит? Послушай, а что он сделал, чтобы сотворить примархов? А разве мы не результат генных манипуляций? Эксперименты, проводимые Фабием, не что иное, как продолжение эволюционной цепочки. Мы -- высшая раса, и мы должны утвердить свое превосходство над

низишми расати, стоящими у нас на пути.

— Даже над своими собственными воинами? — бросил Тарвиц, указывая лезвием меча на лежащие в зале трупы.

Люций пожал плечами:

— И над ними тоже. Я собираюсь снова вступить в Легион, а они пытались меня остановить. Что же мне оставалось сделать? Ты ведь тоже собираешься мне помешать.

— И меня ты тоже убьешь? — спросил Тарвиц. — После всех лет, что мы вместе сражались?

— Не пытайся взывать к моим чувствам и воспоминаниям, Саул, — предостерег его Люций. — Я лучше тебя и на службе своему Легиону намерен достичь небывалых высот. Ни ты, ни злосчастная верность не смогут меня остановить.

Люций поднял меч и принял боевую стойку, повернувшись навстречу приближавшемуся Тарвицу. Два воина медленно описывали круги, отыскивая слабые места в обороне друг друга. Левой рукой Тарвиц вытащил боевой нож и активировал лезвие, он сознавал, что в

этой схватке ему понадобится столько оружия между ним и Люцием, сколько он сможет удержать.

Тарвиц понимал: говорить больше не о чем. Спор может быть решен только кровью.

Он без предупреждения рванулся вперед и ударил ножом, но еще в броске понял, что противник ожидал нападения.

Люций качнулся в сторону и резко опустил рукоять меча, выбив нож из рук Тарвица. Саул, развернувшись на месте, широко размахнулся мечом, но его противник успел пригнуться.

Лезвие Тарвица со свистом рассекло лишь воздух, и Люций успел ударить его локтем в бок.

Он отскочил назад, ожидая ответного выпада Люция, но мастер меча с устешкой сделал несколько танцующих шагов, легко двигаясь на носках. Люций изграл с ним, и Тарвиц почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

Со скоростью атакующей змеи Люций подскочил к Тарвицу, нацелив свой меч ему в живот. Тарвиц успел заблокировать

удар, провернул его оружие и попытался достать лезвием шею, но мастер меча предвидел этот прием и легко увернулся от клинка.

Тарвиц бросился в атаку со всей скоростью, на которую был способен, и заставил Люция отступить на несколько шагов. Мастер меча парировал коварный удар, направленный в пах, и, стаясь, развернулся и совершил молниеносный выпад.

Тарвиц видел летящее к нему лезвие и понимал, что бессилён предотвратить укол. Он поспешно прогнулся назад, но тотчас ощутил обжигающее прикосновение энергетического лезвия, проникшего в тело. Кровь брызнула на доспехи, и Тарвиц, задыхаясь от боли, прижал руку к ране, пока система жизнеобеспечения не впрыснула необходимые стимуляторы.

Он попытался от своего врага, но Люций со злорадной устешкой последовал за ним.

— Саул, если это лучшее, на что ты способен, то тебе пора сдаваться, —

настехался Люций. -- Обещаю, что все сделаю очень быстро.

-- Я только что хотел сказать то же самое, Люций, -- ответил Тарвиц, поднимая свой меч.

Два воина снова сошлись в смертельной схватке, и их мечи, сталкиваясь, рассыпали вокруг сверкающие бело-голубые искры. Тарвиц пустил в ход все, что у него было: мужество, силу и мастерство, но все же понимал, что бой безнадежен. Люций без труда отбивал все его выпады, а сам небрежно, словно тилоходом наносил рану за раной. Порезы были незначительными -- ни один из них не имел целью убить врага, но достаточно глубоки, чтобы причинить боль и пустить кровь.

Отшатываясь после очередного ранения, Тарвиц ощутил кровь в уголке рта.

-- Попал, -- постеивался Люций. -- Точно, попал.

Тарвиц дрался из последних сил и знал, что схватка продлится недолго. Скоро Люцию наскучит неинтересное

состязание, и он прикончит его. Единственное, на что он надеялся, это задержать мастера меча как можно дольше.

-- Ну что, хватит? -- выдохнул Тарвиц. -- Тебе вовсе не обязательно погибать здесь.

Люций, склонив голову набок, подошел ближе.

-- Ты серьезно? -- спросил он. -- Ты в самом деле считаешь, что можешь меня победить?

Тарвиц кивнул и сплюнул кровь.

-- Подожди и попробуй, если считаешь, что способен меня убить.

Люций рванулся вперед, а Тарвиц, бросив меч, прыгнул ему навстречу. Удивленный этим самоубийственным прыжком, Люций опоздал всего на долю секунды и не смог уклониться от выпада Тарвица.

Противники столкнулись в воздухе, и Саул с размаху заехал кулаком в лицо Люция. Тот отвернул голову, надеясь ослабить силу удара, но Тарвиц не дал ему шанса выправить положение. Он свалил

противника наземь и снова со всех сил опустил кулак на лицо бывшего приятеля. Меч Люция со звоном откатился в сторону, и враги пустили в ход кулаки, локти, колени...

Умение владеть мечом было бесполезным в рукопашной схватке, и Тарвиц дал волю своему гневу, вкладывая всю свою ненависть в каждый сокрушительный удар. Они катались по полу и извивались, словно озверевшая уличная шпана. Тарвиц продолжал наносить удары такой силы, десятой доли которой хватило бы, чтобы убить любого смертного, но мастер меча упорно старался вырваться из его железной хватки.

— А еще я помню, чему учил тебя Локен после того, как в первой схватке бросил на пол, — задыхаясь, произнес Тарвиц, когда краем глаза уловил движение в противоположном углу зала. — Ты должен понимать своего врага и сделать все, чтобы его победить.

Он разжал руки и откатился от Люция, стараясь оказаться от него как

можно дальше. Люций моментально вскочил на ноги и бросился поднимать свой меч.

-- Скорее, Солатен! -- крикнул Тарвиц. -- Убей его! Он предал всех нас!

Он увидел, как Люций, заметив воинов, собранных и приведенных Солатеном, бросился к выходу из зала. Солатен мгновенно, как и полагается солдату Легиона Детей Императора, повиновался приказу Тарвица, и помещение наполнилось грохотом и дымом оружейной стрельбы. Люций метнулся в сторону, но даже ему было не по силе соревноваться в скорости с болтерными снарядами.

Люций дернулся и упал на пол, от его доспехов полетели искры, и брызнула кровь. Он перекатился по полу к пробоине в стене, оставшейся после недавних обстрелов, а верные Дети Императора продолжали стрелять.

-- Убейте его! -- снова крикнул Тарвиц.

Но Люций оказался проворнее, чем можно было себе представить; он уже исчез в дыре, а выстрелы еще разносили в клочья остатки мозаики.

Тарвиц поспешно поднялся на ноги, и захромал к тому отверстию, через которое скрылся Люций.

За пределами зала располагались подсобные службы, превратившиеся в кошмарный пейзаж, полный воронок от взрывов и обломков камней. Него всем этим висела пелена дыма. Тарвиц разочарованно стукнул кулаком по стене. Предатель сумел скрыться.

— Капитан Тарвиц, — заговорил Солатен. — Мы явились, как было приказано.

Тарвиц прекратил поиски Люция, постарался скрыть свое разочарование и сосредоточиться на более актуальной задаче — подготовке контратаки на отряд Эйголона.

— Солатен, прими мою благодарность. Я обязан тебе жизнью, — сказал Тарвиц.

Воин коротко кивнул, а Тарвиц, подобрав свой болтер, проверил магазин.

— А теперь пошли, — мрачно сказал он. — Пора показать этим мерзавцам, как сражаются истинные Дети Императора!

Глава 17

ВЫУГРЫШ -- ЖИЗНЬ

«ДЕНЬ ГНЕВА»

КОНЕЦ

-- Предатель! -- воскликнул Локен, вступая в дом парламента.

-- Предавать было нечего, -- ответил Абаддон.

Даже после всего, что произошло на Устваане III, слово «предатель» сумело зажечь в его душе извечную ярость.

-- Я завидую тебе, Локен, -- продолжал Абаддон. -- Галактика представляется тебе очень простой. Пока ты видишь перед собой кого-то, кого можно назвать врагом, ты сражаешься насмерть и считаешь себя правым.

-- Я знаю, что я прав, Эзекиль! -- крикнул Локен. -- Или это можно назвать как-то иначе, нежели предательство? Гибель целого города и смерть твоих братьев? Абаддон, что с тобой случилось, что так изменило тебя?

Абаддон шагнул с возвышения, оставив Аксиманга стоять возле трибуны. В своих терминаторских доспехах Абаддон был гораздо выше Локена и, как было известно не понаслышке, мог сражаться с тем же мастерством, что и любой Астартес в энергетической броне.

— Только неспособность ограниченных умов понимать реальность принудила нас к действиям на Устваане III, — сказал Абаддон. — Неужели ты думаешь, что я здесь и принимаю в этом участие только потому, что мне нравится убивать своих братьев? Я верю, Локен, и верю так же твердо, как и ты. В Галактике существуют силы, которые не способен постичь даже Император. Если он оставит человечество на произвол судьбы ради своего стремления к божественности, эти силы поглотят нас, и каждый человек, живущий в Галактике, умрет. Ты понимаешь грандиозность этого? Вся человеческая раса! Но Воитель понимает, и потому он должен занять место Императора и разобраться с подобными угрозами.

-- Разобратся с чем? -- качая головой, вмешался Торгаддон. -- Эзекиль, ты глупец, ты же видишь, как действует Эреб. Он изгнал вас всех. Вы заключили соглашение с силами зла.

-- Зла?! -- воскликнул Акситанг. -- Они спасли жизнь Воителя. Я видел их могущество, и теперь Воитель может их контролировать. Вы считаете нас слепыми, считаете глупцами? Силы варна -- ключ ко всей Галактике. Вот чего не может понять Император. Воитель станет повелителем варна, равно как и Императрица, и тогда мы будем управлять звездами.

-- Нет, -- возразил Локен. -- Воитель поражен безнравственностью. Если он займет трон, управлять Галактикой будет уже не человечество, это будет что-то другое. Маленький Хорус, ты это понимаешь, даже если Эзекиль не может понять. Ему наплевать на Галактику, он старается только прилечь к победителям.

Абаддон улыбнулся и стал медленно приближаться к Локену, а Торгаддон

изагнул навстречу Аксиманду.

— Выигрыш — это жизнь, Локен. Ты утрешишь, значит, ты проиграл, и все, во что ты верил, больше не имеет смысла. Я выиграл, а ты как будто и не существовал. Победа, Локен, это единственное, что имеет значение во всей Галактике. Тебе надо было оставаться простым солдатом, возможно, тогда ты тоже оказался бы на стороне победителей.

Локен поднял меч, стараясь предугадать движения Абагдона.

— Всегда есть возможность выяснить, кто останется в выигрыше.

Он заметил, как напрягся Абагдон, и понял, что все разглагольствованию Первого капитана были предназначены лишь для отвода глаз.

— Локен, ты слишком далеко зашел, — сказал Абагдон. — И ты до сих пор не понимаешь, что здесь происходит. Мы не так далеки от людей, чтобы не допускать небольшие ошибки, но бороться с нами, не понимая, чего жаждет добиться Воитель, — это непростительно.

— А какую же ошибку совершил ты,

Эзекиль?

— Слишком много говорил, — ответил Абаддон и бросился на Локена, выставив перед собой латную перчатку с выпущенными лезвиями, окутанными энергетическим полем.

Торгаддон, увидев, что Абаддон напал на Локена, счел это сигналом к действию и атаковал Маленького Хоруса. Бывший приятель по глазам догадался о его намерениях и тоже ринулся вперед. Они сошлись, когда Локен и Абаддон уже с грохотом разгромили несколько скамей в зале.

Они столкнулись, лязгнув боевыми доспехами, и вступили в схватку с неистовством и ненавистью, которую могли испытывать лишь бывшие братья, ставшие заклятыми врагами. Воины сжимали друг друга в захвате, но вдруг Аксиманг внезапно раскинул руки Торгаддона в стороны и ударил того локтем в челюсть.

Тарик отступил, блокировал летящий в его лицо кулак справа и, качнувшись вперед, нанес Аксимангу удар

коленом в живот.

Маленький Хорус пошатнулся, но Торгаддон знал: одного удара в живот недостаточно, чтобы остановить такого воина, как Аксиманг. Его бывший брат был крепко сложен и обладал не меньшей силой, ловкостью и сноровкой, чем Торгаддон.

Два воина взглянули в лицо друг другу, и Торгаддон заметил тень сожаления в глазах Маленького Хоруса.

— Почему ты это делаешь? — спросил Торгаддон.

— Вы выступили против нас, — ответил Аксиманг.

— Мы и сейчас против.

Оба воина немного расслабились; они были братьями, членами Морниваля, и видели так много сражений, что не было необходимости пускать пыль в глаза. Каждый из них знал, на что способен его противник.

— Тарик, — заговорил Аксиманг, — если бы существовал другой путь, мы никогда бы на это не пошли. Никто из нас не выбрал бы такой способ борьбы.

— Маленький Хорус, когда ты понял,

насколько далеко вы зашли? Когда Воитель объявил, что нас надо разбомбить, или это случилось раньше?

Аксиманд оглянулся на дерущихся Локена и Абадгона.

— Ты можешь остаться живым и невредимым, Тарик. Воитель желает смерти Локена, но о тебе ничего не было сказано.

Торгаддон растеялся:

— Мы называли тебя Маленьким Хорусом из-за твоего поразительного сходства с ним, но ты ошиблись. Во взгляде Хоруса никогда не было сомнения. А ты неуверен, Аксиманд. Возможно, ты оказался не на той стороне. Может быть, тебе представился последний шанс умереть настоящим костогесантником, а не работ.

Аксиманд невесело улыбнулся:

— Я видел это, Тарик, я видел варн. Никто не может устоять перед ним.

— И все же я здесь.

— Если бы ты только воспользовался возможностью, предоставленной ложей, ты бы тоже его увидел. Они могут дать нам

настоящее могущество. Тарик, если бы ты знал, ты бы в то же мгновение присоединился к нам. И твое будущее было бы в твоих руках.

— Ты знаешь, что я не могу повернуть назад. Так же, как и ты.

— Значит, все кончено?

— Да. Как ты сказал, никто из нас не выбирал этот путь.

Аксиманг снова принял боевую стойку.

— Совсем как в тренировочной камере,

Тарик.

— Нет, — возразил Торгадгон. — Ничего похожего.

Энергетический коготь метнулся к голове Локена, и Гарвель пригнулся, слишком поздно сообразив, что это был ложный выпад. Абадгон схватил его за край наплечника и резко ударил в живот коленом. Керамит треснул, и боль в сломанных костях пронзила тело острым кинжалом.

Абадгон, выпустив наплечник, ударил Локена по лицу. Гарвель отлетел к стене, тяжело ударился о нее, и на него посыпались куски обожженной штукатурки.

и осколки кирпича.

-- Воитель советовал взять юстаэринцев, но я сказал, что это было бы оскорблением.

Локен увидел свой меч, лежащий на полу неподалеку, и опустился по стене, чтобы поднять оружие. Он оттолкнулся от стены, избежал удара смертоносного кулака Абаддона, упал, перекатился и подхватил клинок, нацелив его в лицо Первого капитана. Абаддон согнутой рукой отразил выпад, рывком поднял Локена и бросил его на стену. Мир закружился в глазах Гарвеля Локена, а затем все превратилось в сплошную боль.

От удара у него потекло в глазах, и осколки камней брызнули во все стороны. Боль в теле была какой-то странной -- словно принадлежала кому-то другому. Локену показалось, что у него сломана спина, а предательский голос нашептывал, что боль покинет тело, если он сдастся и в тумане забвения позволит событиям развиваться своим чередом. Локен крепче сжал рукоять меча и позволил ярости превоплотиться в силу, чтобы заглушить

голос, призывающий отказаться от борьбы.

Давным-давно Локен принес клятву Императору и обещал не сдаваться даже перед лицом неминуемой гибели. Когда зрение сфокусировалось, он поднял голову и увидел дыру в стене парламента, пробитую его телом.

Он перевернулся на живот, и в этот момент в проломе показалась массивная фигура Абадгона. Первый капитан встретился к Локену, походя расширив отверстие в стене. Локен с трудом поднялся на ноги и попытался, уклоняясь от первого удара кулака Абадгона. Затем он качнулся вперед, пытаясь нанести удар мечом, но толстые пластины брони противника отразили лезвие. С трудом переставляя ноги, Гарвель стал отходить назад, к ступеням здания парламента. Изнутри доносился грохот — схватка между Торгадоном и Маленьким Хорусом была в разгаре. Локен сознавал, что для победы ему нужна сила его брата.

— Ты не можешь вечно убежать! — заорал Абадгон.

Первый капитан повернулся и

неторопливыми тяжелыми шагами
последовал за Локеном.

Саул Тарвиц устехался, словно
охотник, наконец затравивший свою
добычу. Под его и Солатена
предводительством воины прорубили себе
кровавую тропу сквозь отряд Эйдолона,
убивая врагов без всякого милосердия, как
совсем недавно убивали их самих.
Предпринятая изменниками атака,
грозившая тотальным уничтожением
верным Детям Императора, теперь едва
не превратилась в повальное бегство.

Эхо разносило грохот выстрелов по
всему дворцу, а верные Астартес
продолжали посылать залп за залпом во
все, что двигалось. Космогесантники
окружили отряд Эйдолона и атаковали его
с двух сторон. Армия изменников не
устояла перед таким напором.

Тарвиц видел своих воинов,
продолжавших отчаянно бороться даже с
тяжкими ранами, искавших позиции,
откуда можно было разить врага, едва не
слобившего их сопротивление. Его
собственный меч пожинал кровавую жатву,

пронзая тела солдат, с которыми Тарвиц когда-то сражался бок о бок и проливал кровь. Каждый удар меча напоминал о немислимом повороте судьбы и причинял душевную боль, мешавшуюся с жестоким удовлетворением.

В центре поля боя Тарвиц увидел Эйдолона, крушившего противников могучими взмахами боевого молота, и стал пробиваться навстречу лордскому командиру. Тело Тарвица еще не восстановилось полностью после схватки с Люцием, но он понимал, что обращаться к аптекариям не имеет смысла. Те раны, которые доставляли ему наибольшие страдания, уже не успеют зажить. Саул знал, что здесь все закончится и последний бой будет самым тяжелым, но никогда еще он не испытывал такой гордости за своих бойцов.

Этих благородных воинов почти сокрушило предательство человека, которого они считали своим братом, и их борьба скоро закончится так нелепо и в то же время закономерно... Измена Люция определила исход этой битвы, и Тарвиц

поклонялся себе: если выйдет живым из этого ада, он обязан убедиться, что мерзавец мертв.

Лорд-командир был уже почти в пределах досягаемости, но едва Эйдолог увидел его, как изменники стали отступать в строгом порядке. Тарвиц чуть не застонал от разочарования, но был достаточно опытен, чтобы не броситься вслепую за врагом.

— Линия огня — через зал! — рявкнул Тарвиц во всю мощь своих легких.

Часть воинов тотчас выстроилась в ряд и повела стрельбу по отступающим врагам.

Саул опустил меч и прислонился к остаткам разбитой стены. Наперекор всему, они снова выстояли. Не успел Тарвиц задуматься о странной победе, как ожил его вокс.

— Капитан Тарвиц, — раздался голос, в котором он узнал одного из Лунных Волков.

— Слушаю, — ответил он.

— Капитан, это Вунус. Позиции на крыше в порядке, но у нас появились новые

гости.

-- Я знаю, -- сказал Тарвиц. -- Сыны Хоруса.

-- Хуже, -- вздохнул Винус. -- Подходит с запада, посмотри наверх.

Тарвиц через пробоину взглянул в небо наг дымящимися руинами. Что-то двигалось по направлению к дворцу. Что-то еще ступно различитое, но явно огромное.

-- Благая Терра! -- воскликнул он. -- «Dies ire»!

-- Я буду считать его своей основной целью, -- пообещал Винус.

-- Нет, ты не сможешь его сбить. Лучше стреляй по вражеским костодесантникам.

-- Да, капитан.

-- Вражеские отряды! -- крикнул кто-то от самого входа. -- При поддержке техники!

Тарвиц отвернулся от пролома в стене и попытался собрать последние резервы энергии, чтобы снова возглавить оборону дворца.

-- Штурмовые отделения -- к проходу!

Всем остальным Астартес -- открывать огонь по мере готовности!

Он уже мог видеть громадные силы атакующих -- к Дворцу Регента направлялись массивные приземистые «Лэнд Рейдеры» и «Рино». Следом за ними Сыны Хоруса, Пожиратели Миров и Дети Императора -- разделившись на два фланга, готовясь окружить весь комплекс.

Скоро и «Диес ире» пойдёт достаточно близко, чтобы обрушить на них залпы своих чудовищных орудий.

-- Братья! Они скоро снова начнут атаку! -- крикнул Тарвиц. -- Но ты снова увидишь, как они отступают! Что бы ни произошло дальше, они никогда не забудут сражение с нами!

При виде масштабов готовящегося финального наступления он понимал -- его невозможно будет остановить.

Эншипиль.

Терминаторские доспехи очень массивны. Они превращают человека в шагающий танк, но, обретая усиленную защиту, воин теряет в скорости. Абaddon обладал колоссальным опытом и мог

двигаться почти так же быстро, как любой грузой Астартес в силовой броне.

Но когда решается вопрос жизни или смерти, «почти» бывает недостаточно.

Когда Абаддон в своей громоздной, осыпанной белой пылью броне терминатора снова шагнул в здание парламента, сверху посыпались обломки камней и куски штукатурки. По пути в зал он прошел под наклонившимся портиком, который поддерживал большую скульптурную группу. Локен ударил по одному из треснувших столбов, поддерживающих портик, и ненадежная опора разлетелась на мелкие осколки.

Громадные глыбы камня посыпались сверху вниз, весь зал заполнился пылью, и основная часть трапезных скульптур, превращенных в бесформенные обломки, рухнула на Абаддона. В грохоте каменной лавины Локен успел услышать яростный вопль Первого капитана.

Отвернувшись от каменной осыпи, через клубящиеся облака пыли он направился к середине зала парламента.

На центральном возвышении Локен

увидел Торгаддона и Хоруса Аксиманга.

Торгаддон стоял на коленях, из его ран текла кровь, а переломанные руки бессильно свисали вдоль тела. Аксиманг занес меч, готовясь нанести смертельный удар.

Даже зная, что произойдет дальше, Локен закричал своему бывшему брату, чтобы он остановился. Сквозь грохот обломков, разлетавшихся от усилий Абаддона выбраться из-под завала, Локен с ужасающей отчетливостью услышал голос Аксиманга.

-- Прости меня, -- сказал Маленький Хорус.

И меч полоснул по шее Торгаддона.

Плазменный заряд ударил, словно осколок самого солнца. Он упал из оружия «Диес ире», пробил стену Несенной Часовни и жидким огнем пролился на землю. Со звуком, подобным вздоху утирающего, стена храма осела, воздух заполнился огнем и пылью, а бритвенно-острые осколки зеленоватого камня разлетелись во все стороны. От колоссального жара воины сгорали заживо или утирали под

забалати.

Тарвиц упал на колени на заходившей
ходунот винтовой лесенке, ведущей на
верхние уровни храма. Вокруг поднимались
удушливые тучи горячего непла, но Саул
продолжал идти, зная, что сотни верных
костогесантников уже мертвы. Мимо
Тарвица пролетело тело -- один из Лунных
Волков с оторванной рукой был сбит с
крыши огнем из орудий титана.

-- Все наверх! -- приказал Тарвиц, не
зная, слышит ли его кто-нибудь в грохоте
канонады. -- Покинуть зал!

Он добрался до галереи, опоясывающей
купол храма, и обнаружил на ней
костогесантников, чьи эмблемы
принадлежности к Легионам были скрыты
под толстым слоем пыли и крови. Но
теперь, понял Тарвиц, эти различия уже
не имеют значения, поскольку все они
стали одной командой, братьями,
сражавшимися во имя общей цели.

Над галереей оставалась только
проломленная крыша, и там Тарвиц
наткнулся на сержанта Раэтерина,
серьезного линейного офицера, ветерана

кампании на Убийце.

-- Сержант! -- окликнул его Тарвиц. -- Докладывай!

Разтерин выглянул в пробоину, откуда он посылал одиночные выстрелы из своего болтера. Тарвиц мельком взглянул на его лицо и увидел, что по щеке течет струйка крови.

-- Ничего хорошего, капитан! -- ответил сержант. -- Мы долго их сдерживали, но не выстоял в еще одной атаке. Их слишком много, да еще этот капитан...

Тарвиц кивнул и осторожно глянул из амбразур вниз. При виде множества тел, усеявших землю вокруг дворца, он чувствовал, как в душе разрастается ненависть к этим изменникам, для которых понятия чести и верности потеряли смысл, умерли. Он знал каждого из погибших воинов, ведь все последние месяцы он водил их в бой и лучше, чем кто-либо другой, научился понимать их.

Они были лучшими в Галактике солдатами, спасителями человеческой расы и избранниками Императора. Их

жизни, полные героического служения и самопожертвования, оборвались в результате подлого предательства, и Тарвиц еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

— Нет, — решительно сказал он. — Мы не отступим.

Он встретил взгляд Раэтерина и продолжил:

— Титан снова ударит по тому же углу часовни, немного выше, а потом изменники пойдут на штурм. Собери людей, готовьтесь к наступлению.

Он знал, что предатели просто ждут, когда храм рухнет, и тогда они спокойно смогут войти и без особого труда перебить оставшихся защитников. Все это даже нельзя было назвать сражением — это было демонстрацией превосходства Воителя.

«Дес уре» дал залп из крупнокалиберных орудий, чудовищный шторм огня и смерти прокатился по площади перед часовней, превращая верных Императору воинов в факелы.

Внутри часовни воздух раскалился.

словно в преисподней, и по галерее прокатилась волна обжигающего ветра.

-- И это все, на что вы способны?! -- заорал Тарвиц. -- Вам никогда не удастся перебить всех нас!

На лицах окружающих воинов вспыхнула ярость. Слова, вызванные скорее отчаянием, чем храбростью, самому Тарвицу показались фальшивыми, но он заметил произведенный ими эффект и улыбнулся, сознавая свой долг перед этими людьми.

Он должен был сделать так, чтобы последние минуты их жизни не пропали впустую.

Внезапно небо раскололось, плазменная пушка титана вздрогнула, и ослепительно белое пламя заполнило галерею, швырнув Тарвица на пол. Сверху посыпались оплавленные осколки камней, рядом попадали обожженные и раненые воины. Тарвиц был оглушен и ослеплен и чудом не потерял сознания после такого удара. Горячий воздух с гудением заполнил вакуум, образовавшийся после горячей плазмы; этот порыв обжигающего ветра

словно пытался стеснить верных Астармес с
лица Устваана III.

Саул приподнялся и увидел, что
снаряд пробил крышу, оставив неровную
дыру с опаленными краями, и прошел через
дугин из углов храма. Третий здания была
полностью разрушена и превратилась в
огромную груду расплавленного камня,
вытекающего глиняным нефритовым
языком.

Тарвиц попытался вытряхнуть из
ушей звон и сфокусировать зрение.

Сквозь волны жара до него донеслись
боевые кличи врагов.

Схожие крики доносились и с другой
стороны часовни, где на развалинах дворца
стояли Пожиратели Миров и Дети
Императора.

Начиналась атака.

При виде головы Торгаддона,
отделенной от тела, Локен в ужасе упал
на колени. Кровь фонтаном хлынула из
раны, серебристое лезвие меча стало
алым.

Гарвель прокричал имя своего друга,
глядя, как его тело заваливается набок и

задев трибуну, разбивает ее в щепки. Локен встретился взглядом с Аксимандом, и горе, переполнившее душу, отразилось в глазах бывшего брата.

А затем горячей, неудержимой волной поднялась ярость, но гнев был направлен не на Хоруса Аксиманда, а на того, кто до сих пор пытался выбраться из груды каменных обломков. Локен заставил себя подняться, повернулся и увидел, что Абаддон вот-вот выберется из-под рухнувшего портика. Первый капитан был уже по пояс свободен от трапезных глыб, тяжесть которых наверняка убила бы Астартес в обычной броне. Но нижняя часть тела все еще была неподвижна и завалена камнями.

Локен дал выход своей ярости и боли от потери в зверином крике и побежал к Абаддону. Он вспрыгнул на руку Абаддона и всем своим весом прижал ее к камням. Второй рукой противник перехватил его за запястье, когда Локен направил меч в лицо Абаддона.

Оба воина затерли, столкнувшись лицом к лицу в сражении, которое могло

закончиться только смертью одного из них. Локен, сжав зубы, попытался сдвинуть руку Абаддона.

Первый капитан, взглянув в его лицо, увидел в нем ненависть и боль потери.

— Локен, для тебя еще есть надежда, — проворчал он.

Локен с неожиданной для самого себя силой нетного продвинул режущее лезвие меча. Предательство Астартес — самой их сущности — наполнило его сердце бешенством, и вся ненависть сосредоточилась на чертах лица Абаддона.

Зубцы цепного меча злобно жужжали, и Абаддон, сильнее нажав рукой, опустил оружие Локена, направив его на свой нагрудник. Локен продолжал сдвигать меч вперед, и с усиленных керамитовых пластин посыпались искры. Меч вздрогнул, но Локен сумел его удержать.

Он знал, в каком месте клинок должен пробить броню — там, где щит из сросшихся ребер закрывает левую грудь, там, где бьется основное сердце...

И в этот момент предвкушения смерти ненавистного врага Первый

капитан үстехнүлсә и отвел рүкү Локена
вверх. Силовые госпехи Астартес
увеличивали силу воина, но госпехи
терминатора поднимали ее до
невероятных высот, и Абагдон, призвав на
помощь резервы брони, одолел
сопротивление Локена.

С оглушительным яростным воплем
Абагдон рванүлсә вверх из груды обломков,
а его кулак ударил в грудь Локена. Броня
треснүла, и треснүл костяной щит
Гарвеля Локена. Он отшатнүлсә от
Абагдона, сүтев үстоять на ногах
несколько секунд, а затем ноги
подкосились, и Локен рүхнүл на колени. Из
трещин брони засочилась кровь.

Теперь Абагдон возвышался над ним,
и Локен стүтно үвидел, что к нему
присоединился и Хорүс Аксиманг. Глаза
Первого капитана горели в предвкүшении
триүтфа, взгляд Аксиманга был полон
мечали. Абагдон с үлыбкой принял из рүк
Аксиманга окровавленный меч.

— Это орудие үбило Торгаддона, и
мне кажется, оно вполне годится, чтобы
үбить и тебя. — Абагдон поднял орудие. — У

тебя был шанс, Локен. Подумай об этом, пока будешь умирать.

Локен встретил неутолимый взгляд Абаддона и заметил в нем безумие -- словно толпа злобных демонов нетерпеливо ждала его смерти.

Но меч не успел опуститься. Земля содрогнулась, и нечто огромное и неизмеримо мощное сокрушило стену. Ускользающее зрение Локена различило гигантскую железную ступню, размером с городскую площадь, которая пробила стену и одним движением разрушила половину здания парламента.

Локен еще успел взглянуть вверх, чтобы увидеть красного бога войны, шагавшего по руинам Хорала. Его руки и плечи оцетинились оружием, а колоссальное лицо было застывшей маской неутолимого гнева.

«Dies ire» -- «День гнева» -- сделал еще шаг, с крыши посыпался мусор и обломки, а в следующее мгновение все здание парламента превратилось в огромную груду расколотых камней, и Локен улыбнулся.

Он чувствовал, как трясется, словно в
ознобе, земля и камни разрушенного здания
стонут под пятой бога войны, а затем мир
погрузился в темноту.

Саул Тарвиц посмотрел на сотню
костодесантников, набившуюся в
крошечное укрытие -- последнее, что
осталось от Песенной Часовни. Казалось,
они уже целую вечность ждут финальной
атаки изменников, но на самом деле
прошло не больше тридцати минут.

-- Почему они не атакуют? -- спросил
Неро Вунус, один из немногих оставшихся
в живых Лунных Волков.

-- Не знаю, -- сказал Тарвиц. -- Но какой
бы ни была причина, я благодарен им за
задержку.

Вунус кивнул. Его лицо оставалось
хмурым и печальным, и это не имело
никакого отношения к последнему
сражению во Дворце Регента.

-- Все еще никаких известий от
Тарвеля и Тарика? -- спросил Тарвиц, уже
зная ответ.

-- Нет, -- сказал Вунус. -- Ничего.

-- Сочувствую, груг.

Винус тряхнул головой:

-- Нет. Еще рано их оплакивать. Я не стану. Возможно, они справятся.

Тарвиц ничего не сказал -- пусть живет хотя бы эта надежда -- и снова сосредоточился на огроных силах армии Воителя. Десять тысяч предателей неподвижно стояли на развалинах Хорала. Пожиратели Миров завели свои песнопения рядом с Детью Императора, а Сыны Хоруса и Гвардия Смерти ждали на огневых рубежах.

Колоссальная громада «Диес ире», к счастью, прекратила обстрел, и чудовищный митан, словно ходячая бронзовая крепость, отошел к осыпавшейся башне Храма Испышения.

-- Они хотят удостовериться, что мы обессилены, -- сказал Тарвиц. -- И водрузить флаг над нашими трупами.

-- Да, -- согласился Винус. -- Но мы заставили их дорого заплатить за наши жизни, правда?

-- Точно, -- кивнул Тарвиц. -- Мы заставили их заплатить. Даже если мы все погибнем, Гарро расскажет остальным

Легионам о том, что здесь происходит. Император пришлет армию большую, чем все экспедиции Крестового Похода.

Винус бросил взгляд на армию Воителя.

-- Ему придется, -- произнес он.

Абагдон окинул взглядом останки некогда величественного здания парламента, превратившегося в груду щебня. Лицо Первого капитана кровоточило от десятка порезов, а все тело превратилось в один сплошной кровопотек, но он остался жив.

Рядом с ним Хорус Аксиманд привалился спиной к куче камней; он с трудом дышал, а одна рука была неестественно вывернута. Абагдон, освободившись, вытащил Маленького Хоруса из-под обломков, но, взглянув в лицо Аксиманда, понял, что тому не избежать шрамов особого рода.

Но задание выполнено -- Локен и Торгагдон мертвы.

Он ожидал, что почувствует жестокую радость от этой победы, но ощущал лишь пустоту -- странная бездна

зияла в его душе, словно сосуд, который
никогда не наполнится.

Абагдон прогнал неуместные мысли и
включил вокс.

-- Воитель, -- произнес он. -- Дело
сделано.

-- Что мы наделали, Эзекиль? --
прошептал Аксиманг.

-- Мы сделали то, что должны были
сделать, -- ответил Абагдон. -- Воитель
отдал приказ, и мы его выполнили.

-- Они были нашими братьями, --
прошептал Аксиманг, и Абагдон с
изумлением уставился на слезы, текущие
по щекам брата.

-- Они изменили Воителю, и давай
покончим с этим.

Аксиманг кивнул, но по выражению
его лица Абагдон понял, что семена
сомнений пустили корни.

Он помог Аксимангу подняться и
поддерживал его, пока они пробирались к
ожидавшему штурмовому катеру, который
должен был вывезти их из этого
проклятого места и доставить на борт
«Духа тщениа».

Изменники из числа торнивальцев мертвы, но Абaddon не забыл сожаления, потрачившего лицо Маленького Хоруса.

«За Хорусом Аксимандом необходимо приставлять», — решил Абaddon.

Экраны стратегической палубы показывали почерневшие голые скалы Устваана V.

Если Устваан III когда-то был богатым и процветающим, то Устваан V всегда был беспорядочным нагромождением вулканических гор, без намека на присутствие жизни. Впрочем, когда-то, бесконечно давно, там была жизнь, но теперь от нее остались только базальтовые города и военные укрепления. Жители Хорала верили, что в этих руинах обитают злые боги из их религии и строят коварные замыслы отмщения.

Возможно, это предположение было недалеко от истины, решил Хорус, думая о Фүлгрите и его Детях Императора, готовивших очередную фазу его плана.

Устваан III был прологом, а вот на Устваане V развернется самая грандиозная битва из виденных Галактикой. Эта

мысль вызвала на лице Хоруса улыбку.
Подняв голову, он заметил
прихрамывающего Малогарста,
направлявшегося к трону.

-- Какие новости, Мал? -- спросил
Хорус. -- Все подразделения вернулись с
поверхности на свои корабли?

-- Я только что получил донесение с
«Завоевателя», -- кивнул Малогарст. --
Анзрон вернулся. Он был последним.

Хорус снова повернулся к рельефному
глобусу Устваана V.

-- Хорошо, -- сказал он. -- Меня не
удивляет, что Анзрон последним покинул
поле боя. И каковы результаты битвы?

-- Мы потеряли великое множество
воинов при высадке и еще больше во
дворце, -- ответил Малогарст. -- Дети
Императора и Гвардия Смерти понесли
примерно одинаковый ущерб. Больше всех
пострадали Пожиратели Миров. От
Легиона осталась едва ли половина
состава.

-- Ты не считаешь это сражение
глупым решением, -- заметил Хорус. -- Ты
не можешь скрыть этого от меня.

Мал.

— Сражение дорого нам обошлось, — заявил Малогарст. — И потери можно было бы сократить. Если бы были предприняты усилия по возвращению Легионов до того, как началась осада дворца, можно было бы спасти немало жизней и сэкономить время. У нас нет бесконечного числа Астартес, и бесконечно долгого времени тем более нет. Я не думаю, что мы одержали там великую победу.

— Мал, ты видишь только физические потери, — сказал Хорус, — но ты не видишь психологических целей, которых мы достигли. Абaddon занял наши руки кровью, реальная опасность восстания ликвидирована, а Пожиратели Миров доведены до такого состояния, что уже не могут повернуть назад. Если и были какие-то сомнения в успехе нового Крестового Похода, то события на Устваане III их полностью уничтожили.

— Какие будут приказания? — спросил Малогарст.

Хорус посмотрел на экран.

— Мы слишком долго здесь

провозились, теперь настало время двигаться дальше. Ты прав, я позволил втянуть себя в войну, на которую у нас не было времени, но я исправлю эту ошибку.

-- Воитель?

-- Приказываю провести повторную бомбардировку города, -- отчеканил Хорус. -- Стереть его с лица планеты.

Локен не мог пошевелить ногами. Дыхание превратилось в пытку, поскольку при движении грудной клетки мышцы задевали за обломки костей. С каждым выдохом он выплевывал сгусток крови и считал его последним -- вместе с кровью из него вытекала и воля к жизни.

Сквозь щель между глыбами, пригвоздившими его к земле, был виден клочок темно-серого неба. В этом небе вспыхивали полосы падающего сквозь облака огня, и Локен закрыл глаза. Он понял, что видит первые залпы орбитальной бомбардировки.

Смерть во второй раз спускалась с неба на Хорал, но на этот раз без всякой экзотики вроде вирусных снарядов. Бризантные взрывчатые вещества не

оставят камня на камне, это будет последний, ужасный восклицательный знак в Битве на Устваане III.

Это было характерно для Воителя.

Финальная эпитафия ни у кого не оставит сомнений в победителе.

Первый огненный цветок расцвел над городом. Земля вздрогнула, остатки зданий обвалились, и все окрасилось в цвета пламени.

Затем земля стала дрожать непрерывно, и Локен ощутил, как зашевелилась его тюрьма из каменных глыб. Пламя охватило руины парламента, принося с собой новые удары боли.

Затем стало темно, и Локен больше ничего не чувствовал.

С Тарвицем остались около сотни верных воинов. Лишь они уцелели в этом славном сопротивлении, и Тарвиц собрал их на развалинах Песенной Часовни — Сынов Хоруса, Детей Императора и даже нескольких растерянных Пожирателей Миров. Тарвиц заметил, что в их рядах не было никого из Гвардии Смерти, и решил, что если кто-то и уцелел в окнах

после зачистки Мортариона, то они с таким же успехом могли находиться на другой стороне Устваана III.

Близился конец. Все они знали это, хотя никто не говорил вслух.

Теперь он всех их знал по именам. Если в первые дни сопротивления это были лишь перепачканные сажей лица, то сейчас они стали его братьями. Умереть рядом с этими людьми он считал великой честью.

На северной окраине города загрохотали взрывы. Темное небо над головами озарили вспышки. Снаряды прожгли прогалины в облаках, через которые блеснули звезды. Звезды появились над городом как раз вовремя, чтобы наблюдать за его гибелью.

— Мы задали им жару, капитан? — спросил Солатен. — Мы не зря старались?

— Да, — ответил он. — Мы задали им жару. Они заполнят эти сражения.

Бомба упала на Дворец Регента, превратив остатки каменного цветка в вихрь пламени и осколков гранита. Верные Астартес не стали прятаться в укрытии — это было бы бессмысленно.

Воитель обстреливал город и делал это основательно.

Он не позволит им ускользнуть во второй раз.

Огненные столбы поднимались на всей территории дворца, с грозной неотвратимостью приближаясь со всех сторон.

Битва за Хорал закончилась.

Храм был почти достроен, и под его сводчатым потолком, напотившим каменную грудную клетку, собрались офицеры нового Крестового Похода. Ангрон, вынужденный вернуться с Устваана III до окончательного разгрома верных Императору сил, все еще пытался от негодования, тогда как Мортарион был молчалив и печален. Гвардия Смерти стальным барьером отгораживала своего примарха от остальных собравшихся.

Лорд-командир Эйдолон, все еще переживая неудачи своего Легиона на глазах Воителя, привел с собой нескольких детей Императора, но его присутствие здесь было нежелательным. Эйдолон только терпели.

Малогарст, Абэгдон и Аксиманд
представляли Сынов Хоруса, поблизости
держался Эреб. Воитель встал у алтаря, с
четырех сторон которого были
изображены, по словам Эреба, четыре лика
богов. Над алтарем мерцало огромное
голографическое изображение Устваана V.
Ярким пятном выделялся район, известный
под названием долина Ургалла —
гигантский кратер, над которым
возвышалась крепость, подготовленная
фүлгритом для войск Воителя. Голубые
штрихи указывали пригодные для
приземления площадки, возможные
маршруты атак и отступления. Весь
последний час Хорус потратил на
объяснение командирам всех деталей
операции, и наконец, его выступление
пошло к концу.

— В настоящий момент сюда
двигаются семь Легионов. С целью нас
уничтожить. Они найдут нас на Устваане
V, и там произойдет грандиозная битва.
Но, по правде говоря, битвы может и не
быть, поскольку с момента нашего
последнего собрания мы многого достигли.

Капеллан Эреб, просвети нас обо всем, что не касается Устваана.

— На Сигнуме все идет хорошо, мой господин, — заговорил Эреб, выйдя вперед. На его черепе красовались новые татуировки, перекликающиеся с символами, высеченными на камнях храма. — Сангвиний и его Кровавые Ангелы нас не побеспокоят, а Кор Фазрон прислал весточку, что Ультратарины собрались на Калте. Они ничего не подозревают и вряд ли предложат свою помощь верным Императору силам. Численность наших союзников превышает численность врагов.

— Значит, все решено, — сказал Хорус. — На Устваане V будет сломан хребет Императорским Легионом.

— А что потом? — спросил Аксиманд. После сражений в Хорале на лице Хоруса Аксиманда появилось выражение странной меланхолии, и Воитель заметил, что Абаддон бросил тревожный взгляд на своего боевого брата.

— Когда наша ловушка захлопнется? — снова спросил Аксиманд. — Император по-прежнему будет править, а Империя —

подчиняться ему. Что будет после
Устваана V?

— Потом, Маленький Хорус? —
произнес Воитель. — Потом мы нанесем
удар по Терре.